Ахиллесова пята разведки

Михаил Болтунов

SHOUT
SHARE
IT

•

Серия «Рассекреченные жизни»
Михаил Болтунов
Ахиллесова пята разведки

ГЕЯ ИТЭРУМ
МОСКВА 1999

[image]

УДК 351.746(47+57)(091) ББК 67.401.212
Ответственный редактор серии *Виталий Чернявский*
Дизайн обложки *Д. Захаров*

Автор этой книги, военный журналист и писатель, изучив недавно рассекреченные архивные документы, знакомит читателей с потрясающими историями незаметных героев, обеспечивающих связь зарубежных резидентур Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба с Центром.

Издательство не несёт ответственности за факты, изложенные в книге
ISBN 5-85589-014-07
© Текст, оформление, разработка серии ООО « Гея итэрум». Москва, 1999

«Вопрос связи в разведке —
вопрос жизни и смерти.
Что мы значим без связи?
Ноль без палочки. Пустое место.
Мы для командования
больше не существуем...»

И. Бережной, военный разведчик

Вместо предисловия

Эти два человека были так же далеки друг от друга, как и события, о которых они рассказывали.

Старый полковник, ветеран испанской войны. И молодой дипломат, мой товарищ.

Стоял сентябрь девяносто восьмого. В мире вспоминали о событиях в Чили. Президент Альенде, Виктор О'Хара, Луис

Корвалан, самолеты, пикирующие на дворец Ла-Монеда. Кто не помнит этого?! Двадцать пять лет пролетело, как один миг.

— Да ну вас к лешему, журналистов, — говорил мне дипломат, — вот уж точно первая самая древняя профессия.

— Вторая, — уточнил я.

— Не скромничай, первейшая из первых. Подними газеты семьдесят третьего. Пиночет — фашист, сволочь, убийца. Над Чили сгустилась черная ночь. Те же газеты сегодня — над Чили светлая заря капитализма. Виват, Пиночет! Облизываете его как...

Дипломат замолчал, не уточнив, «как» мы его облизываем. Что ж, и на том спасибо.

— А ты не знаешь, как он окружил тогда наше посольство, ТАСС? Солдаты, танки, пеленгаторы... Обрезали телефон, телеграф. Как в концлагере. Никакой связи с миром. Осталось только войти и перебить, как он перебил тысячи своих...

5

— И Москва бы ничего не знала?

— Да нет, — усмехнулся он, — на-кася выкуси, господин Пиночет, была у нас связь. Они и до сих пор о ней не подозревают. Одна-единственная ниточка...

...Ветерану испанской войны было девяносто пять. Он плохо ходил, но прекрасно помнил. Помнил даже, какие кресла стояли в приемной Сталина в Кремле. Хотя с той поры прошло больше полвека.

— Наша помощь Испании вообще могла не состояться, — сказал ветеран.

— То есть как? Танков не было?

— Да все у нас было. И танки, и самолеты, и пароходы, на которых везли эти танки...

Он помолчал, оценивающе глядя на меня, словно сомневаясь: говорить — не говорить?..

— Связи у нас не было.

На мой вопрошающий взгляд кивнул:

— Как отправить в поход столько техники, людей, пароходы, когда нет радиосвязи. Вокруг фашистские корабли. А суда, и наши, и испанские, глухонемые были тогда. Понял? Вот задача!..

Как же удалось решить эту задачу? Ведь в конечном итоге она была решена?

Стал искать ответ, как говорят, «влезать» в тему. Однако ответов не прибавлялось. От своего участия в обеспечении связью испанских и советских кораблей в тридцатые годы открещивалось Министерство связи, начальник связи Министерства обороны. Не хотели говорить и о «чилийской» ниточке. А возможно, и не знали.

Дальше — больше. Оказалось, что многие важнейшие государственные мероприятия на самом высоком уровне обеспечивали тоже некие неведомые связисты. Конференция «Большой тройки» в Тегеране. Известно, некоторые документы, передавались в Москву по линиям дипломатической связи, но большинство шифрованных материалов шло каким-то иным путем. Каким? А ведь кроме того, Сталин два раза в день выходил на Генштаб, давал указания. Дипсвязь для этого не задействовалась.

6

Были и другие загадки. Например, обеспечение связью визита представителя Президента США Гарри Гопкинса в Москву в 1941 году. Или выход на японцев в 1945 году с ультиматумом о капитуляции, когда связь со штабом командующего Ямады у нас отсутствовала. А приезд Фиделя Кастро в 1976 году в Москву, на XXV съезд КПСС? Тогда кубинский руководитель попросил связь с Гаваной и одновременно с Луандой, так как части революционных вооруженных сил Кубы вели бои в Анголе. Как определили специалисты, технически наладить такие линии было крайне сложно. И тем не менее связь Фиделю дали уже через два дня после его просьбы, и она бесперебойно работала, пока команданте заседал на съезде.

Ну скажите, какого журналиста такие тайны оставят равнодушным? Ясно было, что за всеми этими событиями стоит некая сверхсекретная служба. Однако, как выяснилось, это была не внешняя разведка госбезопасности, не ее служба радиоперехвата, шифровки и дешифровки. Все эти сложнейшие ответственные мероприятия проводила военная разведка, а иначе Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил. Оно находится в Москве, невдалеке от метро «Полежаевская». Я много раз бывал здесь. Не знаю, какие чувства вызывает штаб этой «молчаливой службы» у других, у меня — только одно чувство — закрытости да, пожалуй, еще непроницаемости.

Это можно понять. Разведка — не проходной двор. В конце концов, тайны разведки — это тайны государства.

О ГРУ почти ничего не известно. Практически нет литературы. При желании можно найти две-три книги, отдельные публикации в средствах массовой информации. И это почти за вековую историю!

Широкому читателю, по сути, знакома единственная книга предателя-перебежчика Резуна-Суворова «Аквариум». К несчастью, тенденциозное и во многом лживое издание. Огромный ее тираж у нас в стране объясняется не столько

россказнями Резуна, сколько интересом народа к теме разведки.

7

Да, разведка не терпит болтовни, она одна из самых оберегаемых спецслужб. Разведка раскрывает чужие тайны и свято бережет свои. Но это не значит, что конспирация и умелая открытость несовместимы. Уверен: надо охранять секреты государства и... вовремя раскрывать их. А вот уж когда и какие — это профессиональное дело разведчиков.

Несколько лет назад узнал о военной разведчице с удивительной судьбой — Вере Васильевне Бердниковой. Она одна из первых советских женщин получила орден Красного Знамени за выполнение специального задания в тылу белогвардейских войск.

Ее, совсем юную девушку, большевикам удалось внедрить в секретный отдел штаба Колчака. Бердникова передавала ценнейшие разведсведения. После разоблачения контрразведкой трибунал приговорил разведчицу к смертной казни. Вера бежала из тюрьмы. Позже, на нелегальной работе в Маньчжурии, выдавая себя за дочь богатых белоэмигрантов, тоже очутилась на грани провала в Харбине. Бердникову узнал прежний знакомый.

За работу в Маньчжурии награждена вторым боевым орденом.

Узнав об этих фактах, я решил: надо писать. «Не спешите, — сказали мне, — не время».

«Но ведь прошло 70 лет», — пытался возразить я. Аргументы не подействовали.

Бердникова умерла, унеся с собой в могилу великие тайны и правду о том, как все тогда было.

Бросился к родственникам. Но разведка тем и отличается от любой другой деятельности, что часто выпытывать у родственников нечего. Так вышло и здесь. Дочь не знала о матери-разведчице, внуки тем более. Сама героиня никаких заметок не оставила.

Подняли архивы в Екатеринбурге (там долгое время жила старшая сестра Бердниковой) — результат нулевой.

Вот, собственно, и весь горький рассказ. Мне, откровенно говоря, казалось, что героическая судьба развед-

8

чицы Веры Бердниковой по праву должна принадлежать истории. Кое-кто посчитал иначе. Теперь она не принадлежит никому. А мой сын и его сверстники восхищаются не подвигами нашей военной разведчицы, а ловкостью и бесстрашием суперагентессы Никита из западного шпионского сериала.

К счастью, нашлись люди, которые поняли и поддержали

меня. Считаю их настоящими патриотами военной разведки и благодарю за помощь.

В ходе работы над этой книгой раскрылось многое. Столь многое, что я был поражен масштабностью задач, которые решает военная разведка нашей страны, величием судеб и героизмом ее сотрудников.

Кого мы знаем из военной разведки? Рихарда Зорге, Шандора Радо, Льва Маневича, героев «Красной капеллы», еще две—три фамилии — и все. Но это лишь предвоенный и военный периоды. А после Второй мировой войны прошло почти пятьдесят пять лет. Они вместили десятилетия «холодной войны», ядерного противостояния двух военных блоков, корейскую и вьетнамскую войны и другие военные противостояния, именуемые ныне «конфликтами малой интенсивности», берлинский и карибский кризисы.

И всюду была наша военная разведка. Такова ее обязанность. Разведка — это, прежде всего, люди. Конкретные люди в конкретных подразделениях, службах.

Одна из таких служб ГРУ самая скрытая от посторонних глаз. Уверен: о ней вы даже не слышали, дорогой читатель.

Эту службу именуют, на первый взгляд, очень буднично— специальная радиосвязь ГРУ.

Пусть вас не смущает неброскость этого названия. У этой службы — великая история. Она хранит уникальные имена разведчиков-радистов, фантастические коллизии стратегических, агентурных операций, которые были бы невозможны без великого чуда XX века — радио.

Служба эта неизвестна не только потому, что была и остается сверхсекретным подразделением. Но и потому,

что радисты всегда оказывались в тени оперативных работников, резидентов, агентов, нелегалов. Хотя, как сказал известный советский разведчик времен Второй мировой войны Шандор Радо: «Разведчик, если у него нет хорошо налаженной связи с руководством, не может принести пользы своим и не представляет опасности для врага, даже тогда, когда знает его секреты...»

Радо, безусловно, прав.

Мне хочется вывести из тени небытия несправедливо забытых великих мастеров спецсвязи, стереть пыль десятилетий с их прекрасных имен, рассказать о делах, достойных легенды. Я не посягаю на секреты государства и профессии. Но прятать великие подвиги по меньшей мере неразумно. В конце концов они уже не принадлежат сегодня никому, кроме истории.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Провал «европейского переворота»

Послы ушли. Царские палаты опустели. Последним, отбив поклон, вышел дьяк Посольского приказа, осторожно притворив двери.

Царь Алексей Михайлович, прозванный в народе Тишайшим за свой добродушный характер, остался один.

Тронную залу освещали косые лучи заходящего солнца. Во дворце было тихо.

Царь пребывал в тяжелых раздумьях. С Украины пришло известие: в казацкой среде объявился новый человек, некто Богдан Хмельницкий. Запорожцы избрали его гетманом. Хмельницкий бросил вызов Речи Посполитой и обратил взор к Москве.

Алексей Михайлович понимал: Украина оказалась зажатой между Крымским ханством и Польшей. Что оставалось гетману? Искать нового союзника. Так он и сделал. Стало быть, неглупый, этот новый гетман.

А что еще? Царь хотел знать больше, кто такой этот Богдан? Сказывают, он православный русского роду-племени шляхтич, служивший в польской пограничной страже. Местный староста, католик, невзлюбивший Богдана, якобы засек насмерть десятилетнего сына Хмельницкого.

Хмельницкий бежал в Запорожскую Сечь и поднял казаков. «Хватит нам терпеть ляхов, — призывал он. — Защитим церковь православную и Русскую Землю».

Добрые слова сказывал гетман... Коли сказывал?.. Ибо были и другие сведения. Передавали царю, будто отец

нового гетмана Украины еврей Берко, мясник из Хмельника, что в Подолии. Сам Богдан был пленником крымских татар. А те тайно обратили его в «бусурманскую» веру и заслали в Украину.

Но тогда как понимать послов Хмельницкого? Царь помнил все слово в слово, сказанное доверенными людьми гетмана: «Чтобы великий государь их пожаловал, для православные христианские веры велел гетмана со всем войском запорожским принять под свою государеву высокую руку».

Нет ли тут подвоха? Можно ли доверять Хмельницкому? Поддержит ли нового гетмана Рада в его стремлении воссоединиться с Россией?

Царь не мог ошибиться. Слишком дорого это могло стоить Москве, окажись Хмельницкий авантюристом.

Сегодня, через триста с лишним лет страдания Алексея Михайловича Тишайшего нашему современнику могут показаться странными. Теперь мы знаем все — и про Переяславскую Раду, и про «великий союз двух славянских народов», и про то, что памятник гетману Хмельницкому давно стал для нас символом Киева.

Многое понятно и очевидно. Но три сотни лет назад царя российского посещали сомнения. И сомнения эти великие были от «незнания великого».

Царь Алексей Михайлович осознавал это. И потому послал на Украину лицо особо доверенное, друга детства Артамона Матвеева. Его миссия выходила далеко за рамки дипломатической практики.

8—9 января 1654 года в Переяславле состоялась казацкая Рада, на которой было провозглашено воссоединение Украины с Россией. А уже через день после торжеств Артамон Матвеев, принимавший участие в съезде Рады, отправился с докладом к царю.

Только объективная информация, собранная посольством Матвеева, помогла сделать правильный политический выбор.

Однако это был единичный случай. В те годы информация о событиях за рубежом отсутствовала, а если и поступала в Москву, то с большим опозданием. Посоль-

ский приказ выпускал рукописный бюллетень «Куранты» тиражом в 20 экземпляров. Источником для бюллетеня служили немецкие, польские, голландские газеты, послания из-за границы.

Своих, истинных, объективных источников информации за рубежом Российское государство еще не имело. Хотя глубокое осознание необходимости создания такой системы пришло уже к царю Алексею Михайловичу.

Последней каплей в этой горькой чаше российской неинформированности стали по существу провалы посольских миссий стольника Чемоданова в Италию и царского посланника Потемкина в Испанию.

Чемоданов вез верительные грамоты герцогу Франциску. Каково же было изумление стольника, когда, прибыв в столицу Италии, он узнал, что герцог имел уже третьего преемника.

Нечто подобное случилось и с Потемкиным. Оказалось, ко времени его прибытия в Испанию король Филипп IV уже два года как был похоронен.

Надо отдать должное государю Алексею Михайловичу. Он не только понял необходимость преобразований в сфере разведки и дипломатии, которые стали основой для добывания достоверной

информации, но и многое сделал для укрепления и активизации деятельности этой государственной системы.

На 1654 год приходится время основания приказа тайных дел. Думается, этот год выбран не случайно. Произошло крупнейшее историческое событие, о котором мы уже говорили, — воссоединение Украины с Россией. В Москве понимали: Речь Посполитая, столько лет державшая Украину в вассалах, просто так не откажется от своих притязаний. Была острая необходимость иметь полную информацию о планах и устремлениях этого агрессивного западного соседа.

Итог работы известен: по Андрусовскому договору 1667 года Россия вернула свои исконные территории — Смоленск, Черниговское воеводство, Сиверские земли. Получила тринадцать лет перемирия с Польшей и право управлять Киевом. И пусть окончательную точку в

истории воссоединения Украины с Россией поставила лишь Полтавская битва, Андрусовский договор был ценен не только земельными обретениями, но крупным дипломатическим выигрышем: удалось надолго вбить клин между врагами России — Речью Посполитой и Крымским ханством.

Были у первых русских дипломатов и разведчиков и другие направления, иные страны, где им приходилось впервые утверждать себя. Большая советская энциклопедия так оценивает этот период: «При Алексее Россия вступила в дипломатические отношения со всем Западом».

А как же дела разведывательные? Сегодня с определенностью можно сказать, что в приказе тайных дел были сосредоточены функции нескольких нынешних спецслужб — разведывательной, контрразведывательной, охраны первых лиц государства. Эти службы известны давно и родились задолго до царствования Тишайшего; однако на службу стране, на охрану государственной безопасности, выражаясь современным языком, поставил их именно Алексей Михайлович.

У разведки того времени, которая находилась, по существу, в зародышевом состоянии, появилась проблема, которая будет сопровождать ее долгие столетия до нынешних дней. Над решением этой проблемы не переставая ломают голову все разведки мира. В XX веке ее назовут «ахиллесовой пятой» разведки. Кстати говоря, она окончательно не решена и до сих пор, даже при нынешнем уровне развития науки и техники.

Но без нее добытые самые ценные, сверхсекретные, государственной важности данные ровным счетом ничего не стоят. Словом, без нее нет разведки.

Речь идет, конечно же, о способе передачи разведывательной информации, о связи. На протяжении столетий это была курьерская, фельдъегерская связь.

...Добыть секрет противника — дело архитрудное и опасное. А доставить его по адресу? Это сегодня достаточно нажать кнопку на портативной радиостанции в любой, части света, и спутник связи примет сигнал, передаст его в нужное время нужному адресату. Но сколь-

ко веков через трагедии людские, кровь и смерти, провалы и пытки шло человечество прежде, чем появилась эта кнопка.

Секреты, добытые разведчиками, везли сушей и морем, переправляли по воздуху и под водой, прятали за подкладку камзола и в складках рясы, в ящиках с двойным дном и в подметке сапога. Их записывали шифром, кодировали специально изобретенным «тарабарским языком» или выучивали наизусть.

К каким только уловкам не прибегала разведка, чтобы передать информацию втайне. У царя Алексея Михайловича в приказе тайных дел была своя шифровальная служба.

А начало этой службы, кстати говоря, положил отец первого царя из династии Романовых патриарх Филарет. Он написал «для своих государевых и посольских тайных дел склад тайным письмом».

Приказом тайных дел руководил дьяк, которого часто именовали дьяком «в государевом имени». Это означало, что он имел право подписывать указы, исходящие «из его, великого государя, царских палат за его, государскими, тремя красными печатями».

Царь Алексей Михайлович и дьяк «в государевом имени» чаще всего отдавали приказания в устной форме. Если же указ был письменный, его мог прочесть только тот, кому он адресован. После прочтения документ возвращался курьеру. Если же послание по каким-то причинам не вручалось адресату, бумага возвращалась лично царю или руководителю приказа. «Прочетчи, пришли назад с тем же, запечатав лист», — писал царь в одном из своих посланий.

О выполнении задания посланцы докладывали лично царю устно или письменно. Но на бумаге никогда не излагалась суть поручения. Писали коротко: «Что по твоему, великого государя, указу задано мне, холопу твоему, учинить, и то, государь, учинено».

Особо важные послания доставляли только подьячие приказа тайных дел. Нередко они скрывали свое место службы, выдавали себя за другого.

15

Письма из зарубежных стран, как правило, шифровали. Чаще всего ключ к шифру не записывали, а заучивали наизусть. Эти письма называли «литореей» (от латинского слова — «литера»). В литорее переставляли буквы. Иногда фразы писали в обратном порядке, и такое послание именовали «затейным», порою буквы просто не дописывали.

Царь Михаил Федорович так наказывал своему послу в Швеции Дмитрию Францбекову: «...О наших тайных делах и наших тайных вестей проведает и ему обо всем писати ко государю царю и великому князе Михаилу Федоровичу всея Руси к Москве по сему государеву тайну наказа закрытым письмом».

Для пущей секретности шифром писались даже инструкции подьячим тайного приказа, выезжавшим за границу. Иными словами, тайна послания «секретилась» дважды, либо подьячие не имели доступа к шифру письма, которое им предстояло доставить.

Время заставляло искать новые формы сохранения и передачи тайных депеш. Посланник Петра I в Швеции князь Андрей Хилков, находясь под домашнем арестом, тем не менее изловчился и передавал в Москву письма, написанные не только шифром, но и тайнописью. Послание следовало нагреть, и тогда поверх обычных строк проступали тайные чернила.

Сам Петр Великий был весьма искусным разведчиком. Зная, как много курьеров погибает в дороге при доставке почты, он пишет польскому князю Радзивиллу и настаивает, чтобы тот высылал документы всегда в трех экземплярах тремя разными курьерами. Только так можно было рассчитывать на доставку послания к адресату.

А граф Никита Панин, руководитель Коллегии иностранных дел, и вообще изобрел своеобразную «фельдъегерскую связь». Царица Екатерина использовала в качестве курьера малограмотного, но весьма преданного государыне придворного истопника. Опять же, кому могло прийти в Голову, что в кафтане истопника с большими карманами хранились секретные бумаги. Граф Панин, ознакомившись с посланиями царицы, возвращал

16

их тем же путем. Он так научил своих питомцев и учеников: «Сотрудник иностранной коллегии должен уметь вербовать открытых сторонников и тайных осведомителей, осуществлять подкуп официальных лиц и второстепенных чиновников, писать лаконично и четко свои *шифрованные* и открытые донесения на Родину не по заранее установленной форме, а исходя из соображений целесообразности».

И все-таки, несмотря на талант и изобретательность государей, дипломатов и разведчиков, «секретная почта» была крайне уязвима для противников. Письма перлюстрировали, курьеров выслеживали, подвергали пыткам, убивали, вырывая у них признания, шифры раскрывали.

Из-за уязвимости связи случались крупные провалы с трагическими последствиями для целых государств. Вот лишь один из примеров. Известно, что крупнейший, как его назовут позже, «европейский переворот» готовил первый министр Карла XII , безусловно, талантливейший политический деятель той эпохи, Генрих фон Герц.

Великий Вольтер писал о нем:

«Никакой проект не страшил Герца, никакое средство не казалось ему недостойным внимания, и равно расточал он подарки, обещания, клятвы, истину и ложь. Он объездил Швецию, Францию, Англию, Голландию, всюду испытывая пружины огромной машины, которую хотел привести в движение. Он был способен столкнуть с места ветхую Европу и таил обширный замысел».

Что же это за замысел, который мог «столкнуть с места» целый континент? Не преувеличивает ли Вольтер?

Когда знакомишься с планом Герца, понимаешь: тут нет преувеличения. Замысел потрясает масштабностью задач. Воистину, если бы он удался, матушка-Европа обрела бы иной облик.

Герц одним из первых сумел увидеть, что к 1714 году расстановка сил в Европе кардинально изменилась.

В Европу властно вступила Россия, и с нею следовало не воевать, а примириться. Но это значит: отдать рос-

сам все, что они отвоевали у Швеции. На это не мог пойти король Карл. И тогда хитроумный Герц поступает иначе. Он ясно осознает новый дипломатический расклад: Франция в результате войны за испанское наследство стала второстепенной державой, да еще с малолетним королем Людовиком XV на троне.

Испания в ходе войны потеряла Сицилию. Но усилилась Англия.

Иными словами, в Европе теперь были две великие державы: Россия и Англия. И поэтому Герц решил: недовольных Испанию и Францию соединить союзом со Швецией и Россией и объявить войну Англии, Дании и Австрии. Таким образом ликвидировать мощь Англии.

Вскоре этот грандиозный план Герц начинает успешно осуществлять. Он действует сразу в нескольких странах. С

помощью опытного кардинала Альберони, главы правительства Испании, голштинец готовил дворцовый переворот во Франции. Здесь он хотел устранить регента малолетнего Людовика XV — герцога Орлеанского и фактического правителя кардинала Дюбуа, а регентство передать Испании.

В Англии решено было также организовать переворот и возвратить на престол сына Иакова II , низвергнутого короля из династии Стюартов. Претендент укрывался в Риме. Герц посетил его и заручился поддержкой.

С этих пор по поручению Герца шведский посол в Англии Гиллемборг принялся за создание нелегальной партии по возвращению на престол династии Стюартов. Посол также занялся подготовкой корпуса повстанцев. Шведский король обещал вооружить отряды мятежников.

Вскоре в Англии было собрано 80 тысяч фунтов стерлингов и приготовлено 300 судов для перевозки шведских войск. Да и сам Герц постарался, закупил несколько кораблей. Словом, подготовка «европейского переворота» проходила успешно. Но случилось то, что уже случалось в истории разведок неоднократно — оборвалось самое слабое звено. Агенты Дюбуа перехватили переписку Герца. Кардинал предупредил Лондон. Там, от-

кровенно говоря, не поверили в столь фантастичный план. Но вскоре пришло подтверждение из другого источника. Датчане арестовали курьера Гиллемборга. При нем нашли письма. Тайная почта агентов Карла XII произвела эффект разорвавшейся бомбы. Гиллемборг был схвачен в Лондоне, Герц в Голландии.

Англичане опубликовали некоторые тайные письма шведских дипломатов. Публикация ударила и по России: из переписки было ясно, что к заговору причастен и царь Петр I . Трудно утверждать, было ли так на самом деле, но то, что в удаче этого переворота была крайне заинтересована Россия, нет никакого сомнения.

Так провалился этот грандиозный замысел. И лишь из-за того, что все написанное пером, как говорят в народе, не вырубишь топором.

Перелом наступил лишь в XX веке, когда разведка поставила себе на службу величайшее изобретение человечества, принципиально новый вид связи — радиосвязь.

Короткие волны для агентуры

Завершался XIX век. А человечество так и не придумало ничего нового в способах передачи развединформации. Те же личные или через связников встречи с агентами, использование тайников, а потом диппочта или секретные посыльные —

фельдъегери. Однако эти «прадедовские» приемы были, как и сотни лет назад, уязвимы, опасны, медлительны. Порой они становились вовсе непригодными. Война, боевые действия, агрессивная активизация контрразведки, закрытие границ — и связь с агентурой крайне осложнялась или прерывалась надолго. А Центру требовалась информация.

7 мая 1895 года на заседании физического отделения Русского физико-химического общества произошло поистине историческое событие. Ученый — физик, преподаватель электротехники в Минном офицерском классе Александр Попов продемонстрировал систему связи без проводов. Позже ее назовут радиосвязью.

Не прошло и года, как Александр Степанович провел и зарегистрировал первую в истории человечества радиотелеграфную передачу на расстояние 250 метров.

Практическое изобретение Попова нашло свое применение уже в 1899 году, когда возникла острая необходимость обеспечить связью спасательные работы потерпевшего аварию броненосца российского флота «Гене-

рал-адмирал Апраксин». Корабль сел на камни в районе острова Гогланд.

К месту аварии прибыл ледокол «Ермак». Он доставил необходимое оборудование для развертывания гогландской радиостанции, Сильный мороз, штормовой ветер со снегом не помешали созданию двух радиостанций — на острове Гогланд и в окрестностях финского города Котка. Линия радиосвязи составляла 45 километров. Она безотказно работала около четырех месяцев.

За это время по ней было передано 440 депеш, в том числе и срочная, спасшая жизнь, унесенным в море двадцати рыбакам.

Тогда еще никто не предполагал, что изобретение радио, по существу, перевернет разведку. Однако до этого было еще далеко. Первая мировая война, революция 1917 года, гражданская война отбросят развитие радио и внедрение его в такую специфическую область человеческой деятельности, как разведка.

Хотя надо отдать должное большевикам: уже через три года после революции, а точнее 1 сентября 1920-го, в Красной Армии серьезно заговорят о проблеме радиосвязи.

Казалось бы, частный армейский вопрос был внесен в повестку дня заседания высшего органа власти страны — Совета труда и обороны. Докладчиком выступал сам председатель Совета Владимир Ленин.

Кстати говоря, профессиональный революционер и юрист

Владимир Ульянов-Ленин живо интересовался научными, инженерными новинками. В 1921 году он подписывает мандат изобретателю Владимиру Бекаури. По тем временам, в разрушенной войной стране, Бекаури получает немыслимые блага и возможности — помещение под техническое бюро, оборудование, инструменты, бассейн для производства опытов, топливо и средства передвижения по Петрограду.

Так было создано известное Остехбюро — Особое техническое бюро по военным изобретениям специального назначения. Вот как о нем вспоминает будущий создатель спецрадиосвязи военной разведки Иван Артемьев, работавший в ту пору сотрудником Остехбюро.

21

«В Остехбюро часто бывали и знакомились с оборонной техникой Ф.Э.Дзержинский, С.М.Киров, М.Н.Тухачевский и другие руководители партии и правительства.

Благодаря энергичной деятельности В.И.Бекаури Остехбюро за пять-шесть лет превратилось в большое научно-исследовательское учреждение, имевшее производственную базу, много лабораторий и конструкторское бюро. Оно успешно справлялось со своими задачами».

Выяснилось, что разведке нужна не радиосвязь вообще, а лишь ее узкое направление — использование коротких волн (КВ). Только они имеют особые, уникальные свойства, которые потом будут называть «чудодейственными» свойствами. И это действительно так. Короткие волны обладают способностью отражаться от ионизированных слоев атмосферы и распространяться на сверхдальние расстояния — сотни и даже тысячи километров. При том, что передатчик может быть совсем незначительной мощности.

Все эти условия очень выгодны для разведки. Информация передается издалека, вне соприкосновения с противником, а передатчик имеет небольшие, как говорят, агентурные габариты, удобные для хранения и скрытой транспортировки.

Но раньше других эти чудо-свойства используют не разведчики, а энтузиасты-радиолюбители. В 1923 году Нижегородский губисполком выдает разрешение на постройку и эксплуатацию любительского передатчика первому советскому коротковолновику Федору Лбову: Он собирает свой передатчик и начинает передачи из Нижнего Новгорода, устанавливает радиосвязь с Хабаровском.

В 1927 году один из пионеров коротковолновой связи, Э.Кренкель, организует связь между Новой Землей и Москвой, Ленинградом, Баку. Это была первая арктическая радиосвязь.

Так, по существу, родилась и оформилась в научное изобретение коротковолновая связь.

Правда, и сейчас находятся в разведке скептики, которые считают радиосвязь лишь технической, обеспе-

22

чивающей службой. Смею не согласиться. Рихард Зорге потому и стал величайшим разведчиком современности, что рядом с ним был великий радист Макс Клаузен. Но о них — позже.

Вернемся в двадцатые годы. Коротковолновая связь, освоенная любителями, как нельзя лучше подходила для нелегальной работы. И малогабаритная аппаратура, и передача разведданных на тысячи километров, и скрытность информации — об этом прежде приходилось только мечтать.

Изобретение вскоре было поставлено на службу разведки, и радиосвязь стала быстро внедряться в практику нелегальной работы.

Первым шагом стала организация скрытной радиосвязи на линии Берлин-Москва в 1925-1927 годах. Его осуществляли сотрудники берлинской нелегальной резидентуры советской военной разведки. С этой целью они приобрели радиолавку с мастерской по изготовлению и ремонту радиоприемников. В лавке работали четыре агента. Они собрали радиостанцию и установили ее в одной из вилл в пригороде Берлина.

В начале 1929 года была установлена связь с Центром через промежуточный радиоузел во Владивостоке с харбинской и шанхайской резидентурами. Эта связь сыграла неоценимую роль во время конфликта на КВЖД, когда советский разведчик-радист Макс Клаузен каждую ночь в течение двух месяцев передавал важнейшие разведданные о противнике из Харбина в штаб командующего советскими войсками на Дальнем Востоке Блюхера. Опыт Клаузена доказывал, что в связи с введением военного положения на границе традиционная курьерская связь оказалась крайне затрудненной, медленно действующей и ненадежной.

В докладной записке на имя наркома обороны в 1937 году указывалось: «...опыт работы стратегической агентуры в Китае в период вооруженного конфликта на КВЖД блестяще подтвердил, что правильно организованная агентура, оснащенная современными средствами связи в виде портативных КВ-радиостанций, позво-

23

ляет командованию быть своевременно осведомленным о всех стратегических и оперативных мероприятиях противника».

И тем не менее многие оперативные сотрудники с большей охотой пользовались испытанными средствами: почтой, телеграфом, тайниками, передачей информации при личных встречах. Обстановка в большинстве стран Европы и Азии пока позволяла использовать эти более привычные виды связи.

К счастью, в руководстве армии, военной разведки существовало понимание важности этой работы. 25 декабря 1929 года нарком обороны в своей директиве «Об основных установках в области добывания секретных сведений...» писал:

«Быстрое развитие радиотехники за последние годы обеспечило возможность широкого применения этого вида связи в агентурной работе как в мирное, так и в военное время. Введение в обращение коротких волн, многократно увеличивающих действие раций при одновременном облегчении их и уменьшении габаритов, невозможность точного определения местонахождения станции путем пеленгации — все это вместе взятое сделало возможным в достаточной степени законспирировать радио в нелегальных условиях и устранило главное препятствие, мешающее использованию радио в нелегальной агентурной сети».

В Москве, на Ленинских горах, в селе Воробьеве была развернута отдельная радиолаборатория Народного комиссариата обороны. «Наша Воробьевка» — так называли ее сотрудники. В 1932 году для радиолаборатории построили специальное трехэтажное здание. Это давало возможность для творческой работы инженерно-технических работников и для размещения монтажно-производственных цехов.

В первые годы своего создания лаборатория занималась разработкой и изготовлением специальной приемопередающей радиоаппаратуры, пригодной для работы в нелегальных условиях. Последнее обстоятельство диктовало особые требования к разрабатываемой аппара-

туре. Они заключались в трех параметрах—надежности, малогабаритности и простоте в управлении.

Кроме разработки и выпуска агентурной радиоаппаратуры лаборатория занималась проблемами ведения радиосвязи. Так, на летних учениях и маневрах войск в Ленинградском, Белорусском, Уральском военном округах, на Дальнем Востоке впервые были применены агентурные радиосредства. В итоговом докладе отмечалось, что «несмотря на ряд серьезных недостатков в организации связи и несовершенство техники, радиосвязь показала себя как надежное средство для военной разведки».

По опыту войсковых учений предлагалось изучать и накапливать материалы по таким проблемам, как дальность

действия радиостанций в разное время суток, определение наилучшего диапазона для связи днем и ночью, возможность проведения сеансов при маскировке станции в лесу, в городе, направленное действие антенн, влияние атмосферных помех, расход электропитания, срок действия радиоламп.

Да, в пору своего становления служба радиосвязи разведуправления не знала многого. Не было опытных радиоинженеров, конструкторов, радистов. Отсутствовала необходимая техническая база, точное станочное оборудование, измерительная аппаратура.

По существу, все начинали с нуля, на пустом месте. В 1934 году Отдельную радиолабораторию преобразуют в Научно-исследовательский институт связи. Важно, что это было не простое переименование. Расширен штат, привлечены лучшие кадры радиоспециалистов. Замом по научной части пришел Борис Асеев, доктор технических наук, профессор, крупный ученый. Из Военно-инженерной академии связи в Москве и Электротехнической академии в Ленинграде отобрали лучших выпускников, через военкоматы призвали на службу высококвалифицированных инженеров и техников, у которых уже была практика работы в радиопромышленности. И что особенно важно, смогли привлечь к работе в разведке лучших в стране радиолюбителей-коротко-

волновиков — Л.Долгова, О.Туторского, С.Королева, Г.Ситникова.

Вот как о пионерах спецрадиосвязи вспоминал полковник в отставке Николай Шечков, пришедший в разведуправление в 1932 году: «Эти специалисты были привлечены для работы в разведке по рекомендации Сергея Павловича Павлова, который сам был не просто известным радиолюбителем-коротковолновиком, но и являлся в течение длительного времени одним из организаторов радиолюбительского движения в Советском Союзе. В тридцатые годы С.П.Павлов был секретарем центральной секции коротких волн общества «Друзей радио». Следует подчеркнуть, что радиолюбители-коротковолновики, пришедшие в разведку, заложили основы особой системы ведения радиосвязи, которой были присущи оперативность, умение обнаруживать работающие в эфире радиостанции при слабой слышимости, четкая работа на ключе Морзе, способность быстро ориентироваться при выборе наилучших по прохождению рабочих радиоволн. Радиолюбители-коротковолновики были технически грамотными специалистами».

Думается, ветеран разведки Николай Шечков неспроста сделал акцент на технической грамотности радистов. Еще добрый

десяток лет спецрадиосвязь военной разведки будут преследовать низкий профессионализм и техническое обеспечение операторов связи. Отсюда и провалы нелегальных резидентур, и отсутствие связи у разведгрупп и партизанских отрядов в годы войны. Умелый радист — это великое счастье, неумелый, безграмотный — горе и смерть для тех, кто рядом с ним. .

К 1935 году относится организация и открытие первых линий радиосвязи по обслуживанию зарубежных советских представительств. В Урумчи, в китайскую провинцию Синьцзян, выехал С.Павлов. В Афганистан, в Кабул отправился радист Г.Ситников. В Улан-Баторе, в Монголии, обосновался С.Королев. В Центре теперь часто слышали позывные его радиостанции, которая получила кодовое название «Диксон».

Наряду с этим в округах продолжались исследовательские работы: изучался весь комплекс Научных проблем специальной радиосвязи.

Центр внимательно следил, направлял и анализировал эту деятельность. В архивах ГРУ сохранился любопытный документ — отзыв центральной лаборатории на радиобюллетень, изданный разведотделом Среднеазиатского военного округа.

Специалисты лаборатории дают заключения по нескольким направлениям. Вот одно из них: «Исследование прохождения коротких волн».

Эксперты подмечают, что «в бюллетене хоть и есть научное исследование, но только ночных волн. О переходных волнах от дневного времени к ночному не сказано ничего».

В разделе «Вопросы питания станции» Центр просит своих коллег из САВО выяснить, «какое электропитание соответствует различным типам станций?», а в разделе «Антенны» — указать «какая антенна работает лучше», а также «провести испытания более компактных по своим геометрическим размерам антенн».

В заключение отзыва есть пожелание «освещать недостатки в конструкциях радиостанций, выпускаемых в Москве».

Даже из этого короткого документа видно, сколь напряженно и ответственно работали в те годы специалисты центральной лаборатории, а позже научно-исследовательского института разведуправления.

Это был первый ответственный период в истории развития спецрадиосвязи военной разведки. Второй начался в 1936-1937 годах, когда в Испании вспыхнул фашистский мятеж. Здесь впервые перед разведуправлением будет поставлена задача государственной важности, с которой, кстати, в те годы никто не сумел справиться. От успеха решения этой задачи зависела вся

наша помощь республиканской Испании. Но не только. От успеха ее решения во многом зависела и судьба самой военной разведки.

27

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Операция „Икс"»

Вначале сентября 1942 года Государственный Комитет Обороны ввел должность главнокомандующего партизанским движением.

6 сентября главкомом назначили маршала Климента Ворошилова.

На следующее утро, прибыв в штаб, Ворошилов в числе первых вызвал к себе начальника связи.

Военинженер первого ранга Иван Артемьев, в прошлом руководитель спецрадиосвязи военной разведки, предстал перед маршалом и услышал:

— Если не будет радиосвязи, нет смысла создавать партизанские штабы. Без надежной связи с партизанами они работать не смогут.

Артемьев, опытный связист-разведчик, подивился и, признаться, порадовался. Не часто встретишь столь точное понимание проблемы со стороны начальника такого ранга. Ведь и вправду, мало организовать людей, мало дать им оружие, боеприпасы, продовольствие, назначить командиров и пустить по тылам врага. Надо координировать их удары, направлять, поддерживать. Как говорил герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, не лишать их «спасительных уз подчиненности».

И такое бывало в нашей истории не раз, когда, казалось бы, от частного и даже весьма узкого вопроса, каким представала в глазах иных высоких начальников

28

радиосвязь, зависела судьба всей операции, а порой и всей военной компании.

Примером тому война в Испании. В советское время об испанских событиях писалось и снималось немало. Борьба республиканцев против фашистов была овеяна легендами. Через полвека многие офицеры, добровольно написавшие рапорта с просьбой направить в Афганистан, рассказывали мне, что на такие решения их подвигнула романтика интербригад.

Помните «Испанский дневник» Михаила Кольцова, стихи Михаила Светлова: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать»; всеми любимый фильм «Офицеры», где главный герой храбро воюет с франкистами.

Сегодня ни для кого не секрет: не будь интербригад, воинов-добровольцев из шестидесяти стран мира, а особенно советской военной помощи, фашисты задушили бы республиканское правительство в одночасье. Но Испания получила в подмогу 648 самолетов, 347 танков, более 1000 орудий, а также боеприпасы, медикаменты. Всю эту армаду боевой техники, десятки тонн военного снаряжения следовало переправить за три тысячи километров в Испанию в основном морским путем. Но, как известно, на морских «тропах» разбойничали фашистские корабли.

Это означало, что без связи с кораблями нельзя выходить в море. Ибо невозможно проследить их путь, получить информацию о переходе, о результатах прибытия в порт назначения. Даже сигнал опасности передать на судно или принять его мы попросту не могли. В ту пору ни советские корабли, ни тем более испанские суда не имели соответствующей радиоаппаратуры.

Казалось бы, продумали многое: и маскировку кораблей, на которых предстояло везти оружие и боеприпасы; и наиболее безопасные маршруты движения, и другие вопросы. Но не решив проблему связи, нечего было думать об экспедиции. Иными словами, в зависимости от успеха решения этой задачи зависела судьба всей советской помощи, а значит, и судьба Испании.

29

Попытались разобраться. Проблема по тем временам казалась практически неразрешимой. Наркоматы связи, военно-морского флота не способны были решить ее. И тогда в Главном разведуправлении Генерального штаба, которым в ту пору руководил С.Урицкий, разрабатывается операция под кодовым названием «Операция „Икс"». Отдел радиосвязи управления получает беспрецедентную задачу — организовать и обеспечить прямую радиосвязь с морскими транспортами, направляемыми в испанские порты.

Были и еще две задачи — поддержание связи между штабами военных советников в Испании и радиосвязь этих штабов с радиоузлами в Москве и Ленинграде.

Чтобы понять фантастичность этой идеи, ужесточенной воинским приказом, невыполнение которого, как известно, чревато самыми серьезными последствиями (не забудем, что на дворе уже 1936 год), скажу лишь: никто в мире ничего подобного не делал. И думаю, вряд ли бы сделал в тех условиях.

Как мы уже сказали, до Испании ни много ни мало — три с половиной тысячи километров. Предстояло разработать такую приемопередающую аппаратуру, которая могла бы работать в море, когда идет постоянное качание антенны и радиоволна, как

выражаются связисты, «гуляет». А значит, прием ее крайне затруднен. Для создания такой аппаратуры нужна техническая база. Она тоже отсутствовала.

Однако отступать некуда.

Вот как о том времени вспоминает старейший сотрудник службы спецрадиосвязи Главного разведуправления полковник в отставке Олег Туторский:

«Всего по Средиземному морю из СССР в Испанию с октября 1936 года по август 1937 года прошло сорок судов с оружием, обеспеченных нашей связью. Все суда условно обозначались латинской буквой « Y » («игрек») и имели соответствующие номера.

Радисты, находясь в Севастополе, связывались с Центром. Корабли завершали погрузку, в том числе и пассажиров, и отправлялись в Испанию. Первыми «игреками»

30

были советские суда: «Комсомол» (« Y -2»), «Старый большевик» (« Y -3»), «Курск» (« Y -8»). Потом пошли испанские пароходы: «Кабо-де-Санто Томе», «Кабо-де-Сан-Агустин», «Магальянес»... Некоторые их них совершили по два—три рейса.

Работа с первыми «игреками» проходила особенно мучительно. На них стояла аппаратура, разработанная и созданная в институте ГРУ.

Под руководством военинженера 3-го ранга Разговорова построили серию передатчиков, с питанием от сети или от аккумуляторов. Добиваясь получения максимальной мощности, теряли в устойчивости частоты и режима работы. Передатчик абсолютно не выносил качки антенны. Частота менялась скачками, тон «плакал». Несмотря на сильный сигнал, принимать радиограммы было почти невозможно.

К передатчику придавался приемник прямого усиления, также производства института. Его построили под руководством инженера Баканчева. Он работал, пожалуй, хуже передатчиков».

Таков был первый опыт создания приемопередающего комплекса. К сожалению, он оказался неудачным. Хотя разработчики аппаратуры горячо отстаивали свое детище и ссылались на низкую квалификацию радистов.

Радисты и действительно были слабые, но это не оправдывало конструкторов. Словом, руководство приемного центра по жалобам операторов убедило командование управления принять экстренные меры к разрешению конфликта.

В феврале 1937 года в Севастополь был направлен опытный радист О.Туторский. В Черноморском порту в это время стояли под погрузкой очередные «игреки». Вскоре они отправлялись в

опасный путь в Испанию.

Рассказывает О.Туторский:

«В Севастополе, на кораблях мы установили радиостанции с максимальной тщательностью, сделали хорошие антенны, зарядили аккумуляторы, отрегулировали связь. В результате на неподвижно стоящем судне передатчики работали более или менее приемлемо.

31

Когда я возвратился в Москву, то сразу прибежал на приемный центр послушать, как работают ушедшие в поход «игреки». К сожалению, частота «плакала», тон завывающий.

Мне пришлось выступить перед высокой комиссией и доложить о результатах командировки. Вывод был один: надо разработать и построить настоящий, современный передатчик».

После заседания комиссии Туторскому так и сказали — вот ты и построишь этот самый «настоящий и современный передатчик». В помощь ему дали радиста Л. Долгова, двух монтажников — Я.Козлова, Русанова, конструктора и механика. Общее руководство осуществлял Борис Асеев.

Через две бессонных недели группа Туторского представила новый передатчик. Но он был признан слишком сложным в техническом отношении: три каскада, четыре лампы, питание. Руководство службы решило не запускать передатчик в производство, а доработать его. Начались срочные поиски более оптимального варианта. Вскоре родился усовершенствованный передатчик. Он оказался компактнее предыдущего и, что не менее важно, был проще в производстве. Эти радиостанции и стали устанавливать на всех последующих «игреках». Позже, после модернизации, передатчик ГРУ выпускался серийно и успешно работал на фронтовых радиоузлах во время Великой Отечественной войны.

Так внешне буднично была решена крупнейшая государственная задача, найдена возможность обеспечить бесперебойной связью советские и испанские корабли.

Это сегодня, спустя десятилетия, словосочетание «обеспечить бесперебойной связью» звучит просто и привычно, а тогда потеря связи могла стоить сотен жизней, принести огромный материальный ущерб.

В подтверждение приведу пример. К счастью, он оказался единственным за все время морских переходов из Советского Союза в Испанию.

Вот как о нем пишет в своей книге «Позывные Москвы» бывший начальник спецрадиосвязи разведуправления генерал-майор Иван Артемьев:

«...31 мая 1937 года из Севастополя был отправлен испанский пароход « Альденоа» (под условным шифром « Y -34») с оружием и добровольцами. На нем работали наши радисты старшина сверхсрочной службы Василий Дебердеев и краснофлотец Лев Гензель, имевшие 3-ватную коротковолновую радиостанцию «СР-8» первого выпуска с двумя комплектами запасных ламп.

После двух дней похода, когда транспорт уже прошел Дарданеллы, очередной сеанс связи с Москвой не состоялся. В течение четырех суток шел поиск в эфире радиостанции « Y -34», но обнаружить ее не удалось».

Итак, транспорт, загруженный оружием и техникой, с нашими военными специалистами не выходит на связь четверо суток. Все это время идут доклады лично наркому обороны. Но «Альденоа» молчит. На пятый день К.Ворошилов приказывает транспорту возвратиться в Севастополь. Еще остается надежда, что он не потоплен фашистами, а радисты на корабле если уж не могут передать сообщения, то хотя бы слушают Москву.

Так оно и случилось. « Y -34» услышал приказ и повернул обратно. На восьмые сутки после отправки судно возвратилось в Севастопольский порт.

Представляю, каково было самочувствие радистов Дебердеева и Гензеля. Нарком обороны лично назначил комиссию для расследования причин срыва связи. В состав комиссий вошел и Иван Артемьев.

Он вспоминает: «Расследование показало, что конструкция передатчика радиостанции имела существенный недостаток: анодный и сеточный провода выходного каскада передатчика по своей длине, цвету и месту расположения одинаково подходили как к анодному, так и к сеточному выводам ламп. В случае неправильного подключения лампа выходила из строя. Так в действительности и случилось. Радисты вывели из строя все запасные лампы и не могли войти в связь. Конечно, сказалась и слабая подготовка специалистов. Но винить только их было бы несправедливо. Транспорт отправлялся в спешке. Для ознакомления с аппаратурой радистам дали меньше суток.

Все это вместе взятое и привело к потере радиосвязи и возвращению транспорта обратно».

Результаты расследования закончились для начальника службы радиосвязи разведуправления П.Агафонова отстранением от должности. Хотя на этой должности он пробыл всего три месяца, да и во время случившегося находился в госпитале. Решение явно несправедливое. Но, оглядываясь сегодня на те

события, можно сказать, что и Агафонову и Дебердееву с Гензелем несказанно повезло. Был май тридцать седьмого. Могли запросто признать и врагами народа. К счастью, обошлось. Но урок был серьезный.

Этот случай еще раз доказал, сколь хрупка и тонка ниточка связи, сколь велика опасность, если она оборвется.

Создание приемопередающего устройства, способного держать непрерывную, устойчивую связь «корабль-Центр», решило еще одну важнейшую задачу: обеспечило безопасности «игреков», которым приходилось прокладывать свой курс в водах, где хозяйничали фашисты.

Об одном из таких походов рассказывает радист, участник испанских событий полковник в отставке К.Лупандин:

«Наш теплоход «Андреев» с грузом самолетов, группой летчиков в составе Бондарчука, Павловича, Тужанского, командиром подводной лодки Египко вышел 22 октября 1936 года из Ленинградского порта по маршруту: Балтийское море-Северное море-пролив Ла-Манш-Бискайский залив-порт Бильбао.

Сложность этого рейса состояла не только в большой протяженности маршрута, но и в том, что в пункте назначения не была установлена наша радиостанция для встречной связи с транспортом. Таким образом, с Бильбао у нас связи не было и быть не могло.

При входе в Северное море наш теплоход попал в жесточайший шторм силой в девять баллов. Согласно заданию московского командования, мы не имели права во время своего рейса заходить в нейтральные порты, чтобы переждать шторм. Поэтому, несмотря на критическое штормовое положение, теплоход продолжал рейс.

Тем не менее радиосвязь с Москвой была устойчивой и надежной. Из поступивших по радио шифровок из Центра стало известно, что военные корабли фашистской Испании готовятся выйти нам навстречу, чтобы захватить или потопить теплоход.

Умелым маневром курс теплохода был изменен от берегов Франции в сторону Бильбао. Таким образом, наше судно оказалось далеко от фашистских судов, вышедших навстречу.

Позже информация Москвы о готовящемся нападении на советский корабль подтвердилась. Транспорт с техникой, военным имуществом и добровольцами благодаря предупреждению благополучно прибыл в Бильбао».

А теперь представьте, что было бы с кораблем, техникой, людьми, не будь на борту радиостанции и устойчивой связи с Москвой.

Создание системы связи «игреков» с Центром оказало неоценимую помощь на фронте. Ведь радисты-разведчики по прибытию в испанский порт Картахена снимали аппаратуру с кораблей и поступали в распоряжение наших военных советников. Так по мере прибытия «игреков» в Испанию организовывалась и выстраивалась внутренняя сеть радиосвязи в республиканской армии, на флоте и в авиации.

На « Y -1» в начале октября 1936 года в Испанию прибыл Игнатий Заверячев. Его направили в учебный центр подготовки республиканских войск в г. Альбасете. В Москве этого корреспондента слышали лучше всех.

Радиостанция на Южном фронте начала работать в ноябре 1936 года в г. Малага. Ее установил прибывший на одном из первых испанских «игреков», пароходе «Мар-Карибо», Лев Хургес. Хургес был дипломированным радиоинженером. В прошлом он старший радист агитэскадрильи имени Горького.

После захвата фашистами Малаги станцию перебросили в Альмерию, потом в горы Сиерра-Невада.

Одной из первых установила радиосвязь станция в Бильбао, которую развернул лейтенант Кирилл Лупандин, прибывший из Ленинграда на теплоходе «Андрей Жданов».

35

Станция после захвата франкистами северной зоны перебазировалась в Сантандер, а затем в Хихон.

Были также развернуты радиостанции в Картахене, Хаэне, Басе, на аэродроме Алкала-де-Энарес вблизи Мадрида.

Радисты военно-морского атташе капитана 2-го ранга Николая Кузнецова часто выходили в море, на боевые операции. Так, радиостанция была установлена на эсминце «Чуррука». А когда его торпедировала подлодка, радиоаппаратуру развернули на «Альвиканте Антокера», который стал флагманским кораблем.

Радист Григорий Епишев на этом эсминце участвовал в морском бою 7 марта 1938 года, когда был потоплен один из лучших кораблей фашистов — крейсер «Балеарес».

...В марте 1939 года под ударами мятежников и интервентов Испанская республика пала. В стране установилась фашистская диктатура генерала Франко, Советские добровольцы покинули Пиренейский полуостров. До Великой Отечественной войны оставалось немногим более двух лет.

Обкатать в боевых условиях

«В трагическом сорок первом мы часто вспоминали Испанию...» — сказал мне как-то один из ветеранов военной разведки. И это правда.

Спецрадиосвязь Главного разведуправления получила первые

боевые уроки в Испании, в Китае, Монголии. Если другим управлениям военной разведки предстояло лишь совершенствовать свою деятельность, то службе специальной радиосвязи все создавать с нуля, если хотите, на пустом месте.

В 13 отделе, который возглавлял майор П.Агафонов, было всего двадцать человек. А до войны оставалось пять с небольшим лет.

Сегодня известно, что в 1935-1936 годах, как раз когда была создана служба спецрадиосвязи, Красная Армия находилась на вершине своего могущества. Мы превосходили вермахт (рейхсвер) Германии и в количественном и, что особенно важно, в качественном отношении.

Уже в 1932 году в Советском Союзе, значительно раньше, чем в Германии, были сформированы два крупных танковых соединения. В 1933 году— еще два. По штату в корпусе имелось 490 танков. К этому времени ни в одной армии мира не было столь мощного средства развития успеха в наступательной операции.

37

Уделялось большое внимание развитию авиации, такому перспективному роду войск, как воздушно-десантные войска. Создавались парашютно-десантные батальоны, полки, а в 1936 году— бригады. В 1935 году на киевских; маневрах проведено беспрецедентное десантирование 1200 парашютистов, а позже 2500 бойцов.

В военной стратегии мы также были впереди: в середине тридцатых уже разрабатывали и проверяли на практике теорию глубокой наступательной операции.

Однако после казни маршала М.Тухачевского и его соратников все покатилось вспять: прекратили существование танковые корпуса, расформированы авиационные армии, организационно разрушены воздушно-десантные войска. К началу войны было утрачено многое из достигнутого в предыдущие годы.

Но служба спецрадиосвязи развивалась достаточно активно. Ее обошли ветры репрессий. Возможно потому, что в ней, как правило, работали люди в весьма невысоких воинских званиях, и они мало интересовали палачей НКВД. Вдобавок радисты ГРУ не вылезали из «горячих точек»: Испании, Китая, Монголии. Так удалось сохранить кадры, да еще и обкатать их в боевых условиях.

Многое было в службе спецрадиосвязи разведуправления за пять предвоенных лет. Надо с горечью признать, что в 1941 году под страшными ударами фашистов наши командующие теряли управление войсками, в первую очередь из-за отсутствия связи.

Войска связи Красной Армии по существу были не готовы к современной, мобильной войне. И тогда в критических ситуациях оставалась лишь одна ниточка агентурной связи военных разведчиков.

Ныне мало кому известно, что наши 16-я и 20-я армии, попавшие в глубокое окружение осенью 1941 года в районе Вязьмы, были спасены лишь благодаря этой ниточке.

У взятых в кольцо объединений была потеряна связь со штабом фронта, с соседями. Все могло закончиться трагически. Выручила единственная линия агентурной

спецсвязи. По ней командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Жуков отдавал указания, выяснял обстановку, словом, руководил выходом из окружения. Армии вырвались из вражеского кольца и были включены в систему обороны Москвы. Так неизвестные нам радисты военной разведки спасли тысячи жизней наших солдат и офицеров.

Той же осенью 1941 года командование Западного фронта бросило кавалерийские корпуса генералов Белова и Доватора по тылам немецких войск. Потом в истории Великой Отечественной войны рейды советских казаков назовут легендарными.

А ведь эти легендарные рейды могли не состояться. И по одной лишь причине — из-за отсутствия связи.

Войсковые радиостанции на конной тяге были громоздкими и никак не поспевали за мобильными, быстрыми перемещениями казачьих частей. Доваторских и беловских конников спасли разведчики, а точнее, управление специальной радиосвязи ГРУ. В состав корпусов включили радистов военной разведки с испытанными, небольшими по весу надежными радиостанциями «Север». «Северки», как ласково называли станции радисты, работали стабильно, связь была устойчивой в период всего рейда. По возвращении радисты получили ордена.

Спецрадиосвязь еще не раз выручала наши войска, военачальников в самые тяжелые, критические минуты боев, выполняя далеко не свойственные ей функции.

Вот тогда и вспоминали радисты ГРУ Испанию, Монголию, Китай... Вспоминали добрым словом, хотя по отношению к войне это звучит по меньшей мере странно.

Те предвоенные конфликты научили многому.

Один из радистов, ветеранов испанских событий, как-то признался: «Когда в старой кинохронике вижу лежащий в руинах Сталинград, я вспоминаю Барселону». Удивительно, но мне всегда казалось, что страшнее «сталинградских кадров» и быть-то ничего не может. Оказывается, может. У него был свой

Сталинград. Намного раньше нашего. О тех событиях он вспоминал так: «В Ис-

39

пании шла жестокая война, которую не знали мы. Ведь наши товарищи приехали из мирной страны. Немцы и итальянцы проводили там и эксперименты, готовясь к большой войне.

В марте 1938 года, перед началом крупного наступления по выходу к побережью, они произвели такой эксперимент над Барселоной.

Что нужно сделать, чтобы парализовать жизнь большого города? Бросить авиацию и бомбить каждые два часа. Крупнокалиберные фугасы, малые зажигательные бомбы... Сколько дней продолжалась бомбежка, не помню. Но цель фашистами была достигнута. Город сгорел. Разрушения огромные. Крупные бомбы замедленного действия пробивали несколько этажей и взрывались в центре десятиэтажного дома. Дома превращались в кучу мусора.

Запомнилась деталь: от школы осталась одна стена, на ней надпись: «Фашист, смотри, что ты делаешь!»

Город был парализован. Не работал транспорт, водопровод, не подавалась электроэнергия, пожары никто не тушил. Население уходило в горы.

Днем на дорогах самолеты охотились за отдельными машинами. Нападению подвергся автомобиль нашего морского советника И.Елисеева при подъезде к Картахене. Тяжело ранили радиста Л.Долгова, фотокорреспондент, бывший с нами в машине, был убит».

Какие знакомые для нас картины: страшные бомбежки, пожары, беженцы, пикирующие фашистские самолеты. Все повторилось. За исключением того, что у службы спецрадиосвязи ГРУ был уже немалый опыт Испании.

Теперь радисты военной разведки знали, к примеру, как обеспечить связью проведение боевой операции. В 1937-м во время Брунстской наступательной операции над Мадридом радист Л.Долгов организовал и возглавил связь оперативной группы главного военного советника с Центром и городом Валенсия. Все прошло успешно.

После этого последующие боевые операции — Сарагосская, Теруэльская, на реке Эбро обеспечивались связью нашей военной разведки.

40

Для большей мобильности радистам выделили полугрузовик «форд». В него загружали аппаратуру, аккумуляторы, движок, блок питания от сети и вперед — на фронт в составе оперативной

группы. Радиостанция устанавливалась, где придется, в зависимости от обстановки — в помещении, в сарае, в машине под открытым небом. Был случай, когда наши радисты укрылись в водоотводной трубе под шоссе. Но связь давали.

Учились не только связисты, но и те, кто на месте командовал ими. Ведь система спецрадиосвязи была делом новым.

Об одном из таких случаев рассказал полковник в отставке К.Лупандин: «Эвакуация группы советских добровольцев на севере Испании после падения Бильбао проходила с морской базы в районе города Сантандера. При погрузке на подводную лодку мне было приказано взять с собой на всякий случай радиостанцию.

Эвакуация, как это обычно бывает, проводилась в спешке, в нервной обстановке, и поэтому я не решился уточнять, для чего, собственно, требуется радиостанция. При входе в Бискайский пролив и погружении лодки мне приказали установить связь с Москвой. На мои удивленные попытки объяснить, что этого из-под воды сделать невозможно, начальство реагировало очень бурно. Пришлось выслушать немало упреков.

Я попросил хотя бы всплыть на поверхность и тогда обещал дать связь. Но всплыть сразу не удалось, и было принято решение возвращаться обратно. Когда в Сантандере мы пришвартовались почти к причалу вблизи железнодорожного парапета набережной, я развернул антенну на борту подлодки и в крайнем волнении с первого же раза установил связь с ленинградским радиоузлом, передал шифровку».

Подобных случаев было немало. Руководить связью, тем более такой специфической, как связь военной разведки, еще предстояло научиться нашим командирам и военачальникам. Отсюда и парадокс. Порой чем больше старались радисты, тем четче и безотказней была связь, тем меньше на нее обращали внимание. Руководство

просто забывало о трудностях и нуждах службы спецрадиосвязи.

Радистам нередко определяли помещение, малопригодное для работы, чаще всего подвальное или полуподвальное. На кораблях, в походах в ту пору им тоже не находилось места. Так, во время морских выходов на флагманском эсминце испанских ВМС «Альвиканте Антокера» место для жилья радистов определили в кубрике младших офицеров в кормовом отсеке. Но когда объявлялась боевая тревога, этот отсек наглухо задраивался и выход из него прекращался.

Хуже того, если в поход выходили два радиста, одному вообще негде было отдыхать. Больше одного места радистам не отпускалось.

До сих пор связисты вспоминают, что условия жизни на испанских кораблях были скверными. «Всюду грязь, на койке ели клопы, в супе плавали тараканы», — признался мне один из ветеранов разведки. «Почему?» — удивился я. Оказалось, революционная «свобода и демократия» отменила традиционное «драение медяшек».

Однако, несмотря на все сложности, испанская война дала радистам военной разведки неоценимый опыт, который крепко пригодился в годы Великой Отечественной войны, когда нам пришлось столкнуться с технически грамотным и высокопрофессиональным противником.

Так было не только в Испании. Куда только не забрасывала в тридцатые годы судьба наших радистов-разведчиков.

Были и горькие разочарования, и понимание того, сколь слабы и отсталы мы в техническом оснащении радиосвязи, и первые победы, обретение веры в свои силы.

В октябре 1937 года группе сотрудников управления во главе с В.Рябовым была поставлена задача обеспечить связь колонне автомашин, доставляющих оружие в Китай для борьбы с японскими захватчиками.

Колонна машин ЗИС-5 сосредоточилась в районе города Чарджоу. Ей предстояло совершить длительный переход к китайской границе, потом через пустыню Гоби в направлении Урумчи. Радиосвязь следовало

организовать и поддерживать между головой и хвостом колонны, а также с начальным и конечным пунктами движения.

На первый взгляд дело не сложное. В кабины первой и последней машин были определены радисты с радиостанциями. Связь между ними: телеграфом — семь километров, телефоном — четыре.

Двинулись в путь. А путь шел по горным перевалам к китайской границе. Колонна растягивалась, автомобили уходили за горизонт, моторы создавали сильные помехи, корреспонденты первой и последней машин не слышали друг друга. Связь не получалась.

Были сложности и другого рода. Радисту-разведчику Д. Цимлякову, направленному в гоминдановскую армию Чан Кайши, приходилось работать при жаре в сорок градусов. Не выдерживали аккумуляторы, которые, кстати, нечем заменить. Помощи ждать было неоткуда. Радист питал передатчик от

двигателя.

В 1939 году в период боев у реки Халхин-Гол возникла необходимость обеспечить радиосвязь объединенного штаба советских и монгольских войск со штабом Забайкальского военного округа в Чите. К счастью, в Улан-Баторе уже работала группа техников и операторов Главного разведуправления. Она обеспечивала ретрансляцию радиограмм, передаваемых из Китая в Москву.

Из состава этой группы и были выделены несколько радиооператоров с радиостанцией во главе с М.Соколовым и направлены в город Тамсак-Булак.

Следует отметить, что радиостанция работала в зоне боевых действий, под бомбежками вражеской авиации. Возникали большие трудности с обеспечением радиостанции питанием. Но самое важное — связь была.

Кстати говоря, работа радистов-разведчиков под вражескими бомбежками, как показала практика, дело не такое уж редкое. В Китае наши операторы накопили опыт и выработали тактические приемы действий.

Вот как один из них, ветеранов службы спецрадиосвязи ГРУ, вспоминает о китайских событиях 1939 года:

43

«Советские радисты строго выполняли приказ: быть всегда в готовности на случай внезапного налета авиации противника, не подвергать себя риску, беречь материальную часть.

Сохранение матчасти имело особое значение. В условиях оторванности от дома, когда каждый предохранитель был на вес золота, запасные детали хранились с особой бережностью, тщательно упакованными, переложенными слоями ваты».

«Фриц» вызывает «Висбаден»

Жизнь великого разведчика современности Рихарда Зорге, кажется, изучена до малейшей подробности. О нем написано более полсотни книг.

Среди зарубежных авторов, рассказывающих о легендарном «Рамзае», был Аллен Даллес — директор ЦРУ США, Чарльз Уиллогби — начальник разведки командующего американскими войсками на Тихом океане и Дальнем Востоке генерала Макартура.

Большая литература, посвященная подвигу разведчика, была создана и в Советском Союзе. Свое творчество Рихарду Зорге посвятили Мария и Михаил Колесниковы, Юрий Корольков и другие авторы.

Поразительно, что каждый исследователь находил в образе этого человека, его делах что-то новое, неизведанное. Вот уж

воистину могучая личность!

Я не ставлю целью даже очень кратко повторить написанное. Да это сделать и невозможно. Хотелось бы выделить лишь одну мысль — беспрецедентный в современной истории успех группы «Рамзая», десятилетняя бесперебойная титаническая работа с поразительными по эффективности результатами — плод труда созвездия талантливейших разведчиков.

Да, Зорге руководил, направляя этих людей. Но какие у него были соратники! Вспомним Ходзуми Одзаки —

блестящего японского ученого и журналиста, доктора права.

В конце 1935 года советское руководство получило от группы «Рамзая» сообщение, которому в центре просто отказались верить. Ибо сказанное в радиограмме переворачивало политические взгляды Москвы с ног на голову. Уже в тюремной камере Зорге напишет: «Берзин * сказал мне, чтобы я торопился. У меня было мало времени. Он, как и все в Москве, считал, что агрессия Японии на Дальнем Востоке неизбежна». Кремль срочно усиливал свою Дальневосточную группировку, а Зорге передавал, что в планах японского правительства на новый год не предусмотрено военного столкновения с Советским Союзом. Более того, в документе говорилось о заключении советско-японского договора, который позволил бы японцам спокойно, ничего не опасаясь, ударить по Китаю.

Центр потребовал документального подтверждения. Зорге удалось обосновать свое разведдонесение. Из Москвы пришла радиограмма: «Ваша информация достоверна и принята к сведению. Даль».

Но что означали бесцветные, сухие слова «принята к сведению»? Они означали ни много ни мало поворот всей политики огромной евроазиатской страны. Это был первый крупнейший успех «Рамзая».

Вот как его оценил Ганс Отто Майснер, в ту пору третий секретарь немецкого посольства в Токио. В своих воспоминаниях он напишет: «Информация, добытая группой, оказала сильное влияние на советскую программу строительства. До сих пор военная подготовка проходила под знаком стратегической обороны от нападения Японии, включая маневры войск в условиях Сибири. Большая часть производимого вооружения шла в Дальневосточную армию, которая по планам к концу

* Берзин (настоящая фамилия и имя Кюзис Петерис) Ян Карлович (1889-1938) — советский военный деятель, армейский комиссар 2-го ранга. В 1924-1935 гг. и 1937 г. — начальник Разведуправления Штаба РККА. Необоснованно репрессирован,

реабилитирован посмертно.

46

1936 года должна была иметь численность в три миллиона человек.

Удача Зорге задержала выполнение этой программы, и впервые Красная Армия получила возможность проводить в полной мере в жизнь свои планы обороны на Западе».

Но кто же непосредственно добыл эту ценнейшую информацию? Ходуми Одзаки. Главный секретарь японского премьер-министра не только рассказал советскому агенту о сути правительственной программы, но и передал ему совершенно секретный документ. Одзаки переснял программу на фотопленку. Блестящая работа помощника Зорге!

Таким же талантливым в своем деле был и радист группы Макс Клаузен. Известно, что у него случались просчеты в оперативной работе, но в вопросах связи он был непревзойденным мастером. Некоторые авторы, писавшие о разведгруппе Зорге, называют Клаузена «радиочародеем».

По существу, его можно считать родоначальником агентурной радиосвязи советской разведки. Трудно в истории ГРУ отыскать такого радиста, который в период с 1929 по 1941 год отработал бы в качестве нелегала десять лет, все это, время искусно уходя от лап контрразведки. И пусть даже сегодня доподлинно неизвестно, как японцы вышли на группу Зорге, но с большой долей уверенности можно сказать: радиосвязь не явилась первопричиной провала.

В архивах ГРУ сохранилась докладная записка начальнику Разведуправления, датированная декабрем 1945 года. В ней говорится: «...История резидентуры Рамзай показывает, что «Фриц» (Клаузен) не является первопричиной провала. Компрометирующие материалы, захваченные на его квартире после ареста (арестован последним в резидентуре и не как радист), изобличали прежде всего его самого».

Сам Макс Клаузен, освобожденный из японских застенков после вступления в Токио союзного командования, в своем отчете в Москве напишет: «Как заявил мне

47

переводчик Хасеби, следователь по моему делу Ийо сказал ему, что полиция была дезинформирована по поводу моих занятий, полагая, что я занимался сбором разведывательных сведений, и мой арест из-за работы на радиостанции был маловероятен, ибо передатчик у меня дома был обнаружен полицией лишь по сообщению Мияги (Джо)».

Однако вернемся к началу сотрудничества великого Зорге и

«радиочародея» Клаузена. Макс Готфрид Фридрих Клаузен, сын лавочника и механика по ремонту велосипедов, с острова Нордштранде, к тому времени прошел немалый жизненный путь.

Учился кузнечному мастерству, занимался в ремесленной школе. В 1917-м был призван в армию, в германский корпус связи. Тут-то в одной из радиочастей на Западном фронте он познакомился с делом, ставшим главным в его судьбе.

После демобилизации из армии Макс снова у пылающего горна. В 1921 году он уезжает в Гамбург и становится механиком на торговом судне. Были плавания в порты Балтики, была и тюрьма за участие в забастовке германских моряков.

В 1927 Советский Союз покупает у Германии трехмачтовую шхуну, чтобы пополнить свой промысловый флот, охотившийся на тюленей. В команде шхуны в Мурманск прибывает и матрос Клаузен. Вскоре он возвращается в Гамбург, а уже в следующем году Макс в Москве.

С тех пор для него начинается новая жизнь. Он проходит подготовку на курсах радистов и в 1929 году уезжает в Шанхай, как эксперт по радиосвязи.

Для всех остальных он немецкий коммивояжер Макс. Находит себе квартиру в одном из дальних, тихих районов Шанхая и здесь встречается со своей... любовью.

Анна Валлениус снимала комнаты в этом же доме. Комнаты приглянулись Максу. Они располагались на чердаке: лучшего места для размещения радиостанции не придумаешь. И Клаузен предложил «фрау Анни» поменяться жильем, тем более что у него комната лучше. Да и плата в сорок долларов говорила сама за себя.

Но Анна наотрез отказалась переезжать с чердака. Что оставалось Максу? Поближе познакомиться с несговорчивой женщиной и добиться своего. Так, собственно, и вышло. Вскоре Клаузен перебрался на чердак и приступил к конструированию передатчика.

Нередко он спускался к Анни на чашечку чая. И вот в самый неурочный час, в разгар работы, накануне отъезда в Кантон, Макс объявил: «Я женюсь!»

Зорге понимал, сколь ответственен этот шаг, тем более в их положении. Он попросил Макса познакомить его с невестой. «Анни» понравилась Рихарду. Валлениус, которую все принимали за финку, оказалась русской, Анной Жданковой, эмигранткой из России. Родилась она в Сибири, отец отдал ее «на воспитание» в семью купца Попова. В 1918-м Анна оказалась в эмиграции в Китае. Таким стало начало работы радиста «большой пятерки»

резидентуры «Рамзая». Впереди были десять лет тяжкого, опасного труда. Не раз Макс Клаузен ходил по краю пропасти. Поскольку он работал в группе, ему приходилось выполнять не только функции радиста, но и некоторые оперативные поручения. Об одном из них, когда группа находилась на грани провала, Клаузен расскажет во время суда над ним.

Он ехал в Шанхай, чтобы забрать Анну, заодно предстояла встреча со связным из Москвы. Зорге вручил Максу несколько роликов фотопленки.

Не успел он сесть в поезд, как рядом с ним оказался агент японской контрразведки. Сверток с микрофильмами был похож на горячие угли за пазухой.

Агент забросал его вопросами. Кто такой? Куда едет? Давно ли живет в Японии? Клаузен показал документ, удостоверяющий, что он владелец экспортно-импортной конторы.

Но агент не успокаивался. Теперь он хотел знать, чем занимается фирма, кто за него может поручиться?

«Мне сразу показалось, что у него есть основания подозревать меня, — признался Клаузен во время судебного заседания. — Я почти смирился с мыслью о неизбежном аресте... Прошло полчаса, и я убедился, что он

играет со мной, что он сел на поезд, уже имея приказ о моем аресте. Затем так же внезапно, как и появился, он пробормотал что-то невнятно и исчез».

Несмотря на исчезновение агента, Макс был в сильной тревоге. На пароходе он держался у борта, готовый выбросить в любой момент пленку в воду.

Потрясение Клаузена было таким сильным, что встретив жену и приехав в гостиницу, он тут же уснул и проспал полдня. Потом еще несколько дней он чувствовал себя отвратительно.

Зорге на время отстранил его от радиопередач, и Макс занялся коммерческой деятельностью.

Однако основные опасности у «Фрица» были связаны с его основной профессией разведчика-радиста.

В одной из многочисленных книг о Зорге я нашел фразу о том, что Макс предпочел радиоаппаратуру, сделанную собственными руками, купленной в магазине. «Если такой аппарат выходил из строя, сразу было видно, где дефект», — объяснял автор.

Но дело совсем в другом. При сборе передатчика Клаузен проявлял большую осторожность и поступал совершенно правильно. Он изучил местный радиорынок, подобрал наиболее подходящую схему. Радиодетали приобретал в различных

городах, да не сам, а через доверенных лиц. Кое-что делал сам. Так, например, катушки индуктивности изготовил из медной трубки, взяв бензопровод от автомобиля. Эта катушка обеспечивала не только прочность монтажа, но постоянство электрических параметров.

Даже телеграфный ключ Клаузен сделал собственными руками, так как покупка ключа Морзе могла привлечь внимание контрразведки.

Необходимые радиолампы для передатчика покупала Анна в Шанхае, заходя в магазин не более одного-двух раз.

Закупив и сделав некоторые радиодетали сам, Клаузен собрал радиопередатчик. Конструктивно он состоял из отдельных блоков, которые соединялись между собой разъемами.

50

Хотелось, чтобы блоки обладали «агентурными» качествами — малыми габаритами, небольшим весом. Но шестьдесят с лишним лет назад это было невозможно. И тогда мудрый Макс нашел свое, оригинальное решение: больших, крупных блоков (в основном это блоки питания) он изготовил несколько, по одному на каждую радиоквартиру. А сам передатчик, весьма скромных размеров, хранил в тайнике в своем доме. Таким образом, на сеансы связи в разные радиоквартиры ему не приходилось таскать полностью собранный, громоздкий радиопередатчик.

Кроме блоков питания на радиоквартирах Клаузен имел телеграфные ключи, антенные канатики. Все это хозяйство извлекалось из тайника только на время связи.

В целях конспирации для связи с Центром Клаузен использовал обычные широковещательные приемники, которые даже при обыске не могли вызвать подозрение.

Условия работы радиста в Кантоне, Шанхае, Харбине были крайне сложными. Подача электроэнергии часто прерывалась, приходилось использовать автономные источники: динамомашину с ручным приводом, сухие батареи. Но динамомашина создавала помехи радиоприему, привлекала внимание, а сухие батареи быстро разряжались и накапливались. Ведь для нормальной работы передатчика Клаузену приходилось последовательно соединять десять батарей. Хранить использованные батареи было опасно, приходилось закапывать их в землю, топить в водоемах. Не всегда эти операции проходили удачно.

Однажды Макс сделал новый передатчик, а старый, вместе с отработанными батареями, решил сбросить в озеро.

Попросил помочь члена группы Бранко Вукелича. Летним утром они отправились в путь. За плечами тяжелые рюкзаки.

Двигались к озеру Яманака. Вскоре заметили: за ними следят. Поспешили. Но полицейские не отставали. Нагнав путников, сыщики стали расспрашивать. Их интересовала поклажа, путь, цель похода. Раз-

51

ведчики попытались отшутиться. Не удалось. И тогда Вукелич сказал, что у них в рюкзаках бутылки со спиртным, предложил выпить. Полицейские поспешно распрощались. Вукелич знал: японские сыщики бояться «запятнать» себя выпивкой с иностранцами. Это считалось служебным преступлением.

Макс и Бранко подошли к озеру и, взяв лодку, выбросили свой опасный груз в воду.

Однако дело было не только в опасностях, подстерегающих разведчиков на каждом шагу, но и в том, что работа радиста в те годы требовала полного напряжения сил. Сеансы связи с «Висбаденом» (условное наименование радиостанции во Владивостоке) порою длились часами. Иногда большую часть радиограммы приходилось повторять по нескольку раз. При этом нужна была исключительная осторожность: меняли квартиры. Так, в Токио группа «Рамзая» использовала семь радиоквартир.

Во всех квартирах имелись тайники для хранения аппаратуры. Сам Макс в собственном доме прятал аппаратуру в нише стены под портретом Гитлера.

Передатчик для проведения сеанса связи доставляли в чемоданчике, в корзинке с продуктами. Нередко для этой цели привлекалась Анна. Свои частые выходы в город жена Клаузена объясняла покупкой корма для кур и собаки, которых супруги приобрели специально для этих целей.

Всего за период работы в Китае (1930-1932 гг.) Клаузен передал в Центр 597 только срочных разведдонесений, 235 из которых были доложены командованию Вооруженных сил и правительству. В них раскрывался широкий спектр вопросов: действия японской военщины в период оккупации Маньчжурии в 1931 году и шанхайских боев год спустя, деятельность иностранных военных советников китайской армии, политическая и вооруженная борьба между различными военно-политическими группировками в Китае, состояние экономики страны.

Особую роль сыграла радиоточка Макса Клаузена во время конфликта на КВЖД. На столе у наркома оборо-

52

ны появился документ, в котором подчеркивалось: «Опыт работы стратегической агентуры в период вооруженного конфликта на КВЖД блестяще подтвердил, что агентура, оснащенная современными средствами радиосвязи, позволяет

командованию быть своевременно осведомленным о стратегических и оперативных маневрах противника. Во время конфликта связь по эфиру действовала безотказно».

Те же, кто «блестяще подтвердил» опыт работы агентуры в 1933 году, были отозваны в Центр. Если Зорге с удовольствием возвратился в Москву, поселился в гостинице «Новая московская» и с упоением диктовал на машинку страницы своей новой книги о Китае, то у Клаузена жизнь сложилась иначе. Еще в Шанхае обнаружилось, что у Анны нет загранпаспорта. А ведь по легенде немецкий коммерсант возвращался в Германию. Пришлось поволноваться. Но помогли старые связи в германском посольстве.

И вот, наконец, Москва, Советский Союз... Тут-то и припомнили «блестящему радиокудеснику» женитьбу на эмигрантке Анне Жданковой. Но мало ли, что она выполняла ответственнейшие разведзадания, рисковала, связь с эмигрантской колонией тогда не прощали... И отправились Анна и Макс под чужой фамилией Раутманов не в очередную разведкомандировку за границу, а в глубокий тыл, в Саратовскую область, в республику немцев Поволжья.

Маленький степной городок Красный Кут, машино-тракторная станция и Макс Раутман — механик. Он и здесь нашел применение своему таланту — радиофицировал родную МТС. По тем временам дело невиданное. Анна завела хозяйство — овцы, куры... А в это время Рихард Зорге уже в Японии, в Токио. Радист Бруно Виндт (Бендт) пытается установить связь с Владивостоком. Не получается. Нет «кудесника» Макса— и нет связи...

53

Великий радиокудесник

В 1935 году провалилась шанхайская резидентура, ГРУ, которую возглавлял преемник Зорге Я.Бронин. «Рамзая» вызвали в Москву. Центр тщательно проанализировал обстоятельства провала и не нашел серьезных доводов против возвращения Зорге в Японию.

В свою очередь, Зорге доложил о том, что положение разведчиков укрепляется, информационные возможности токийской резидентуры растут, но надежная радиосвязь отсутствует. Рихард просил направить в Японию Макса Клаузена. В его профессионализме он был уверен.

Вскоре в Красный Кут пришло письмо: руководство ГРУ приглашало Клаузена вернуться к своей работе.

К тому времени Ян Берзин был назначен в Особую Краснознаменную дальневосточную армию к Блюхеру, а Зорге и

Клаузена принимал новый начальник военной разведки — Семен Урицкий.

Вот как описал ту встречу Рихард Зорге в своих посмертных записках*:

«В 1935 году в Москве я и Клаузен получили напутственные слова начальника Разведывательного управления генерала Урицкого. Генерал Урицкий дал указания в том смысле, чтобы мы своей деятельностью

* Автор имеет в виду письменные показания Р.Зорге, данные в тюрьме японскому следователю.

стремились отвести возможность войны между Японией и СССР. И я, находясь в Японии и посвятив себя разведывательной деятельности, с начала и до конца твердо придерживался этого указания...»

В сентябре Макс отправился во Францию, потом в Англию, оттуда в Австрию. Вновь возвратился во Францию. Из Гавра на пароходе покидает Европу. Плывет в Америку. Такой путь не под силу отследить даже самой изощренной контрразведке, и все-таки Макс волнуется. Морская полиция, на пароходе, таможенный досмотр в Нью-Йорке — всякое может случиться. А посещение германского генконсульства, объяснение с дотошными немецкими чиновниками?!

«Я очень боялся, что задержат в Нью-Йорке, — писал после войны Клаузен. — Но там мне повезло. Американский чиновник посмотрел мой паспорт, проштамповал его и вернул».

Этот эпизод авторы книги о Рихарде Зорге Мария и Михаил Колесниковы комментируют так: «Ему всегда везло, Максу Клаузену». Кстати говоря, в нашей литературе образ Клаузена, как некоего «везунчика», очень популярен. Увы, жизнь разведчика полна неожиданностей. Да, в Америке посещение таможни и германского генконсульства закончилось благополучно, но в Японии, случалось, он бывал в сантиметре от пропасти, в которую могла угодить разведгруппа.

Провалом могла закончиться поездка на такси 31 декабря 1938 года. В тот день Макс забрал передатчик из дома Вукелича, положил его в портфель и вызвал такси. Ничего не предвещало неприятностей. Машина двигалась по улице, Клаузен был в хорошем настроении. Вдруг водитель нажал на тормоз, и в автомобиль на ходу вскочил японский полицейский. Он снял портфель с радиостанцией и опустил на пол. Оцепеневший Клаузен не успел и рта раскрыть. Посыпались обычные вопросы: «Фамилия? Домашний адрес? Чем занимаетесь? Куда едете?»

Макс как мог спокойнее отвечал на вопросы, показал свою

визитную карточку, водительские права. Закончив
55
допрос, полицейский поставил портфель на сидение и вышел из машины. Обычная проверка, принятая в те годы в Японии, могла стать последней в судьбе советского разведчика.

В данном случае Клаузен был ни в чем не виноват, он не совершил ошибки. Это и признал Зорге. И тем не менее все помнили, как Макс обронил в такси бумажник, в котором находился доклад группы на английском языке, для радиопередачи в Центр, помнили и полицейских, севших на хвост Клаузена и Вукелича, когда они шли топить старый передатчик, и сотрудника секретной службы, привязавшегося к Максу на пароходе. В оперативном плане Макс был скорее человеком, приносящим неудачу, чем «везунчиком». Но в то же время он был единственным, кто мог довести секретные материалы группы до ума и сердца Центра.

Хотя и тут все было не просто. Первый сеанс с Центром Макс Клаузен провел в феврале 1936 года из отдельного домика в Тигасаки, что в шестидесяти километрах юго-восточнее Токио. Этот домик они присмотрели вместе с Зорге.

Так началась постоянная радиосвязь резидентуры «Рамзая» с Центром. Поначалу она шла тяжело.

У корреспондента «З-Х» (таково условное наименование радиостанции Клаузена) и радиоузла во Владивостоке («Висбаден») были взаимные претензии: обоюдная слабая слышимость сигналов, плохой тон, низкая стабильность частоты передатчика корреспондента.

Откровенно говоря, иного и не следовало ожидать. Ведь представим себе, в каких условиях Клаузену приходилось оборудовать радиостанцию. Не было точных измерительных приборов, градуировку шкалы настройки передатчика приходилось делать на глазок, на местном рынке не всегда находились необходимые, соответствующие техническим параметрам, детали. Макс не только сам сделал передатчик, но и соорудил антенны, противовесы, телеграфный ключ.

Вот и приходилось операторам Центра во время приема радиограмм одной рукой записывать текст, другой,
56
вращая ручку настройки приемника, гоняться за гуляющей частотой передатчика корреспондента.

Не все ладно обстояло и в «Висбадене». Не было мощных радиопередатчиков, высокоэффективных направленных антенн, не хватало радиооператоров высокой квалификации.

Это сказывалось на надежности связи: сеансы затягивались на

три-четыре часа, передатчик «З-Х» работал с большой перегрузкой.

Однако надо отдать должное: в Центре осознавали государственную важность сообщений резидентуры «Рамзая» и принимали все усилия для улучшения связи. Во Владивосток выехал инженер научно-исследовательского института по технике связи РККА Иван Артемьев. Впоследствии Иван Николаевич Артемьев возглавит отдел радиосвязи Главного разведуправления. В свою очередь, в резидентуру было направлено письмо. В нем говорилось: «Важнейшими сторонами вашей работы, от которых зависит дальнейший ее успех, являются укрепление легализационного положения, а также сохранение и надлежащее использование аппаратуры М.Клаузена.

Мы прекрасно понимаем, что при оборудовании радиостанции вам приходится сталкиваться с разными трудностями. Помните, промахи в этом деле угрожают катастрофой. Вот почему убедительно просим вас ни на минуту не оставлять без присмотра это хозяйство и не забывать, что при малейшем попустительстве и даже пустяковом промахе мы можем лишиться самого решающего звена в вашей работе — связи.

Повторяем: эти два вопроса являются для вас основой основ».

Получив такие указания из Центра, резидент и радист очень тщательно готовились к проведению каждого сеанса связи. Радиостанция перемещалась по разным адресам. Клаузен работал из своей квартиры и своего служебного помещения, из квартир Зорге, английского журналиста Гюнтера Штайна, летней виллы Вукелича в Мегуро и других мест.

57

Выбирая радиоквартиру, Макс исходил из того, что лучше всего обосноваться для сеанса в большом здании в городе, где затруднена пеленгация станции. Вместе с тем он понимал, что в большом городе велики потери излучаемой мощности передатчика. Поэтому в каждом конкретном случае он учитывал различные факторы: время и условия работы, обстановку в районе, вокруг здания, скрытность подхода к нему, возможность наблюдения.

Все радиоквартиры были оборудованы тайниками для хранения аппаратуры. Для этого использовались ниши в стенах, в полу, дымоходы, вентиляционные каналы.

Радиосвязь с Центром Клаузен любил проводить вечером или ночью. Программой связи было предусмотрено два-три сеанса в неделю, но работа шла ежедневно. Сеанс — не более часа. Но материала накапливалось столько, что связь затягивалась на несколько часов подряд.

Чтобы сократить время пребывания в эфире, Макс предложил свой, оригинальный вариант сокращенного кода Морзе. Применение его дало возможность ускорить радиообмен с Центром почти в два раза.

В проведении радиосвязи с Центром Клаузен был исключительно аккуратен. Во время работы станции вокруг дома велось непрерывное наблюдение. Были предусмотрены сигналы опасности. Обязанности «часовых» приходилось исполнять Анне Клаузен, Бранко Вукеличу, его жене Эдит, супруге Штайнера — Марго, а нередко и самому Рихарду Зорге.

Анна, например, в это время выгуливала собаку, что выглядело вполне естественно.

Каждый день радист группы «Рамзая» менял время работы, позывные частоты, истинное значение которых закрывалось цифровыми коэффициентами.

Клаузен постоянно изучал и хорошо знал обстановку в стране. Учитывались все мелочи. К примеру, японская полиция два раза в месяц проводила повальную проверку водительских прав. Значит, при перемещении радио-

станции в эти дни машина или мотоцикл должны быть чистыми и исправными.

«Фриц» старался не перевозить радиостанцию за пять-семь недель до Нового года. Полиция проводила «охоту» на преступников и всякого рода подозрительных лиц. Могли остановить машину и учинить обыск.

Принятые меры дали о себе знать. Связь на линии Токио-Владивосток стала более надежной и скрытной.

Если раньше при вступлении в связь с «Висбаденом» Клаузен должен был «висеть» в эфире по пять минут на каждый позывной сигнал, то теперь они работали сразу, без передачи позывных. А это значительно сокращало время сеанса связи и затрудняло контроль японской контрразведки.

Продолжительность сократилась также за счет улучшения слышимости радиостанций.

По этому поводу Рихард Зорге докладывал Центру. «Несмотря на общую сложную обстановку, вопросы организации радиосвязи идут хорошо. Благодаря моим личным усилиям и «Фрица», мы уже организовали три радиоквартиры и готовим еще одну, работаем в основном ночью. Я теперь имею возможность отправлять в Центр столько радиограмм, сколько мне угодно».

Москва, в свою очередь, высоко ценила мастерство и профессионализм группы «Рамзая» и в частности ее радиста.

22 февраля 1937 года в Токио из Разведуправления ушло

письмо. «Вы наш лучший радист, — говорилось в нем, — и мы ни на минуту не сомневаемся в вас и вашей работе... Проделанная вами работа весьма ценится и будет соответствующим образом отмечена».

Всего за токийский период Клаузен передал по радио в Центр более восьмисот только срочных донесений, из которых примерно одна треть была доложена наркому обороны, начальнику Генерального штаба и правительству.

Но какие это были донесения!

59

Об антикоминтерновском пакте между Японией и Германией*, о провокациях квантунской армии против Монголии в 1936 и 1939 годах, о группировках японских войск в войне против Китая в 1937 году, о подготовке Германии к нападению 1 сентября 1939 года на Польшу, о начале наступления немецко-фашистских войск на Францию, о договоре (1940 года) между Японией и китайским марионеточным правительством Ван-Цзинвея.

Вот история лишь одного из этих донесений — об антикоминтерновском пакте между Японией и Германией. На суде в Токио Зорге говорил: «Поскольку я в самом начале узнал о секретных переговорах в Берлине между Осимой, Риббентропом и Канарисом**, наблюдения за отношениями между двумя странами стали одной из самых важных задач моей деятельности».

Что же произошло в результате этой деятельности? В своих воспоминаниях Ганс Отто Майснер так оценивает итоги работы советской резидентуры:

«Группа Зорге добилась невиданного успеха. Подробные сведения об Антикоминтерновском пакте достигли Кремля через сорок восемь часов после подписания (!) и почти за тридцать часов до того, как он стал известен японскому кабинету и германскому верховному командованию. После этого прошел целый месяц, когда о нем узнал весь мир».

Иными словами, Сталин узнал о пакте на сутки с четвертью раньше, чем японские министры и германские генералы.

* Антикоминтерновский пакт заключен 25 ноября 1936 года между Германией и Японией с целью борьбы против Коммунистического Интернационала. Затем к нему присоединились Италия, Венгрия, Испания, Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, марионеточные правительства Маньчжоуго, Словакии, Хорватии и Нанкина (Китай). В 1940 году Антикоминтерновский пакт был превращен в военный союз между Германией, Италией и Японией.

** Генерал Осима — посол Японии в Берлине; Иоахим Риббентроп — министр иностранных дел гитлеровской Германии в 1938-1945 гг.; адмирал Фридрих Вильгельм Канарис — начальник военной разведки и контрразведки (абвер) гитлеровской Германии в 1935—1944 гг., в апреле 1945 г. казнен за антигитлеровскую деятельность.

60

Наибольшая нагрузка выпала на долю радиста группы «Рамзая» в 1940-1941 годах, в период интенсивной подготовки Германии к нападению на СССР.

Клаузен нередко проводил целые ночи с ключом. Объем большинства радиограмм доходил да нескольких сотен, а порой превышал тысячу шифрованных групп. Перегревалась не только радиостанция, но, казалось, накалялся даже эфир. Зорге страстно хотел донести до Центра данные о надвигающейся катастрофе. Но Центр молчал... Центр сомневался...

А Зорге тревожно сообщал о подготовке Германии к нападению на СССР и о позиции Японии в случае агрессии. Он говорил о решимости Гитлера начать войну, о сосредоточении на границе крупной группировки войск. 14 февраля 1941 года Зорге передал в Центр доклад, подготовленный для японского правительства, о полном боевом составе японской армии, а также о войсках, дислоцированных в Маньчжурии, Корее, Китае. Несколько позже в Москве получат радиограмму «Рамзая» о состоянии производственных мощностей японской авиационной и танковой промышленности, о стратегических запасах нефти этой страны.

В середине 1940 года, спустя пять лет интенсивной деятельности Клаузена, начальнику японской контрразведки Осаки удалось установить: в Токио работает нелегальная радиостанция неизвестной принадлежности. Точное место работы радиостанции установить не удалось.

В числе первых, кто узнал, что японские «слухачи» взяли след радиопередатчика «Фрица», был Зорге.

Осаки под большим секретом поведал об этом германскому послу в Японии Отту, а тот сугубо конфиденциально поделился новостью с Зорге. Резидент понимал, что речь идет о радиостанции Клаузена. Теперь за их станцией следили дивизионы радиоконтрразведки, на вооружении которых новейшие немецкие пеленгаторы, службы радиоконтроля армии и почтового управления японских учреждений в Китае и Маньчжурии. Для этой работы привлекли даже радиолюбителей и коммерческие радиостанции.

61

Сама жизнь заставляла «лечь на дно», затаиться, переждать. Но «отлеживаться» не было времени.

И Зорге с Клаузеном меняют тактику организации связи. Теперь вместо назначения сеансов связи «Висбаден» следил за вызовами «Фрица» каждые 15 минут в начале часа. Была значительно снижена интенсивность работы радиостанции. В Центр передавался весьма срочный материал. Но сколько его было, этого срочного материала, и какой ценности...

17 июня 1941 года Клаузен передал в Центр: Германия нападет на Советский Союз во второй половине июня.

30 июля в радиограмме сообщалось: если Красная Армия остановит немцев под Москвой, Япония не вступит в войну против СССР.

14 сентября Зорге доложил, что японское правительство решило не выступать против Советского Союза в этом году. Таким образом, с 15 сентября Советский Дальний Восток можно считать гарантированным от угрозы нападения со стороны Японии.

После этого Зорге считал, что задачи, которые стояли перед его группой, были выполнены.

Он подготовил радиограмму в Центр. «Дальнейшее пребывание в Японии бесполезно. Поэтому жду указаний: возвращаться на Родину или выехать в Германию для новой работы».

Но эта телеграмма не прозвучала в эфире. 18 октября 1941 года в дом Клаузена ворвалась полиция. В этот же день были арестованы Зорге и Вукелич.

Зорге надеялся, что его не казнят. В беседе с журналистами, которым японцы разрешили посетить камеру советского разведчика, великий «Рамзай» высказал убежденность в том, что Сталин высоко ценит его работу и примет меры к спасению.

Разведчик ошибся... Зорге и его боевого соратника Одзаки казнили в токийской тюрьме Сугамо 7 ноября 1944 года.

До Великой Победы оставалось полгода...

И все-таки, почему Сталин не спас Зорге, не обменял его? Время и возможности были. Японцы, словно ожи-

дая предложений Москвы, три года держали «Рамзая» в тюрьме, откладывали казнь.

До сих пор сталинское равнодушие к величайшему разведчику современности остается загадкой и волнует человечество. Время от времени на страницах печати разгораются споры, и тогда историки и журналисты пускаются в пространные рассуждения. Как говорят, кто во что горазд.

А ведь есть наиболее вероятный и даже документально

подтвержденный ответ. Он уходит корнями в тридцатые годы, эпоху подозрительности, недоверия, репрессий.

Врагами народа были объявлены по очереди четыре руководителя военной разведки — Берзин, Урицкий, Гендин и Проскуров.

Германским шпионом признали начальника отдела разведуправления Карина, а Сироткина и Покладока, которые руководили деятельностью советской разведки в Японии, — соответственно японскими шпионами.

Был сделан вывод: если руководители продались иностранным разведкам, значит, они выдали и резидентуру Зорге. Стало быть, «Рамзай» работает под контролем японской контрразведки.

Отсюда и решение, принятое в Разведуправлении во второй половине 1937 года: отозвать Зорге из Японии, а резидентуру ликвидировать.

Надо отдать должное тогдашнему начальнику военной разведки Гендину: подвергая себя несомненному риску, он отменил это решение. Резидентура сохранилась, но уже с ущербным грифом «политически неполноценной».

Теперь докладные записки руководству страны и армии направлялись с оговорками:

«В ЦК ВКП(б) тов... Представляю донесение нашего источника, близкого к немецким кругам в Токио. Источник не пользуется полным нашим доверием, однако некоторые его данные заслуживают внимания».

Позднее, ветеран ГРУ М.Сироткин, кому пришлось непосредственно работать с Рихардом Зорге, написал исследование: «Опыт организации и деятельности группы „Рамзая"».

63

Вот как он определяет отношение Москвы к Зорге: «Весьма характерен элемент двойственности в отношении Центра к резидентуре. Информационные материалы, поступающие от «Рамзая», получают в большинстве случаев высокую оценку, но когда по заданию руководства составляются справки о личном составе и деятельности резидентуры, то авторы-исполнители этих справок не решаются отказаться от наложенного на резидентуру штампа «политического недоверия». Вопреки здравой логике, не считаясь с реальными результатами деятельности резидентуры, подводят под этот штамп свои выводы и заключения. При этом за отсутствием каких-либо убедительных обоснований для таких выводов, каждый раз используются все те же ссылки на заключение 1937 года по шанхайскому провалу и другие

предыдущие справки».

Вот, собственно, и ответ на волнующий так долго всех нас вопрос, почему Сталин отвернулся от Зорге.

Единственным, кто выжил из «большой пятерки», оказался Макс Клаузен.

Его освободили из тюрьмы в 1945 году союзники. Освободили и предупредили: мол, вряд ли в Москве тебе простят провал. Так что подумай, не спеши, поживи здесь, в Японии.

Макс Клаузен заколебался. Он помнил 1933-й год, его ссылку в саратовский Красный Кут. И это после нескольких лет успешной разведработы в Шанхае и Харбине. За что? Только за то, что он женился на Анне, «чуждом элементе», эмигрантке.

Тогда его спас Зорге. А теперь, после провала резидентуры, гибели Рихарда, Одзаки, Вукелича, кто спасет его теперь?

Макс и Анна Клаузены остались в Японии. Легендарный «Фриц», «кудесник радиоэфира», столько внесший в нашу победу, боялся возвращаться в Москву.

В Центре это тоже поняли. Они не могли в ту пору позволить, чтобы Макс и Анна стали невозвращенцами. Клаузена похитили и вывезли из страны.

64

Через двадцать лет после гибели Рихарду Зорге присвоят звание Героя Советского Союза, а Макса и Анну Клаузен наградят орденами.

Итак, что же в итоге? Радиостанция Зорге — Клаузена почти десять лет бесперебойно работала в нелегальных условиях — с 1929 по 1932 год в Китае и в 1935-1941 годах в Японии.

Японская контрразведка обнаружила ее только в 1941 году и смогла перехватить всего пятьдесят радиограмм. Но ни одна из них не была расшифрована. Более того, японцам не удалось установить ни принадлежность, ни точное местонахождение радиостанции, хотя интенсивность ее работы превышала все возможные пределы. Только с середины 1939 года по день ареста «Фриц» передал в Центр свыше двух тысяч радиограмм, в общей сложности до ста тысяч групп шифрованного текста. Больших достижений агентурная радиосвязь в своей истории не знает.

К розыску радиостанции, как известно, привлекались огромные силы контрразведки. Однако мастерство «радиочародея» Клаузена превзошло силы и возможности японцев.

Рядом с величайшим разведчиком современности работал великий радист-нелегал. И этим все сказано

«Экспедиция Z »

Радист Разведуправления Покровский в задумчивости стоял у

глобуса. После совещания у начальника службы ему было о чем подумать. На исходе 1938 год. Япония захватывала все новые районы Китая. Уже сдан японским агрессорам Пекин, столица перенесена в Чунцин.

Советский Союз перебрасывает в Китай оружие, боеприпасы, технику, горючее. В районе боевых действий и в штабах китайской армии — наши советники, генералы и офицеры. В небе Китая воюют наши летчики.

Помощь китайцам идет по дороге из Алма-Аты, через советско-китайскую границу, горы Тянь-Шаня, по самой безводной, жестокой, холодной пустыне Гоби. Что такое автокараван с оружием? На всем пути этой сверхдальней трассы развернуты ремонтные мастерские, гостиницы, столовые. Советские грузовики ЗИС штурмовали пески, боролись с песчаными бурями.

Вторая трасса — воздушная. Она проходила через города Кульджа, Урумчи, Хами, Сучжоу, Ланьчжоу и дальше в центр и на юг Китая. Здесь были построены аэродромы, проводилась дозаправка боевых и транспортных самолетов.

Обе трассы следовало обеспечить связью. Иначе не взлетят самолеты, не двинутся в путь автокараваны. Штабы должны знать все — от метеосводки до точного местонахождения автоколонны.

66

На путях воздушных и автомобильных перевозок уже работали радисты военной разведки — Малыхин, Кузнецов, Павлов, Чернопятов, Сидоренко, Туманов.

У радиста Покровского была своя задача: выехать во временную гоминдановскую столицу Чунцин и оттуда из штаба главного военного советника и военного атташе организовать связь с Центром. Нельзя сказать, что к тому времени радиосвязь Чунцина с Москвой отсутствовала вообще, нет. Но она проходила через промежуточный радиоузел в Ланьчжоу, что неизбежно сказывалось на оперативности работы.

Приходилось учитывать и еще одно весьма важное обстоятельство: узел в Ланьчжоу был предельно загружен. Оснащенный по тогдашним меркам времени самой современной аппаратурой, он держал связь со всеми пунктами трассы, протянувшимися от Алма-Аты на три тысячи километров, контролировал проводку автокараванов, перелеты самолетов. Радисты узла обеспечивали сеансы связи с Москвой, Алма-Атой, Улан-Батором, с аэродромами, где базировались китайские бомбардировщики и истребители, находившиеся в постоянной боевой готовности.

Немало трудностей доставляли и бомбежки японской

авиации. Ко всему этому прибавлялись транзитные радиограммы из Чунцина в Москву.

Вот и думал радист Покровский, стоя у глобуса: как наладить прямую связь из временной китайской столицы с Центром. А как ее наладишь? Он натянул нитку от Москвы к Чунцину. По прямой выходило более 7 тысяч километров. Огромное расстояние для техники того времени. Чтобы дать радиосвязь на таком промежутке, надо построить передающую радиостанцию мощностью в десятки киловатт со специальными остронаправленными антеннами и сверхчувствительными приемными устройствами. Иными словами, создать капитальные, стационарные узлы с обеих сторон линии связи.

Но эти мечты были скорее из области фантастики. Покровский понимал: ничего подобного во фронтовых условиях сделать нельзя. Там нужна легкая, доступная

для оперативной переброски радиостанция. Но это значит передатчик не более 50-100 ватт. А при такой мощности передатчика особенно не разбежишься.

В те годы свойства коротких волн были мало изучены. Их открыли всего полтора десятка лет назад. Опыта, можно сказать, раз-два и обчелся. Только вот Кренкель! Сеанс связи между полярной экспедицией Барда и Южным полюсом не давал Покровскому покоя. Ведь смог же Кренкель...

Перед отъездом Покровский все-таки высказал свои соображения руководству службы радиосвязи ГРУ и предложил провести дерзкий эксперимент. Признаться, он просил немало: прежде всего, соблюсти жесткие профессиональные требования. А именно — выход в эфир самого мощного радиопередатчика Центра, активный поиск рации из Чунцина с помощью лучших направленных антенн. Для проведения эксперимента должны быть привлечены самые искусные, высокопрофессиональные радисты Разведуправления.

Руководство дало добро.

С таким твердым настроением сокрушить барьер дальности и убыл радист Покровский в феврале 1939 года сначала в Алма-Ату, потом в Чунцин.

Вот как он сам вспоминает об этом:

«После ожесточенных уханьских* боев на фронтах Китая наступило затишье. Вымотанные в боях японские войска не смогли развить успех.

В феврале 1939 года наша группа начала свой путь из Алма-Аты на восток.

Первый отрезок пути через советско-китайскую границу —

Тянь-шаньские горы с их великолепными пейзажами — водопадами, высокими бронзовыми соснами — более походил на туристское путешествие.

Сразу же стала видна высокая степень организации работы на трассе. Автомобильные караваны двигались в сторону Центрального Китая без задержек.

* Ухань — один из крупнейших городов и экономических центров Китая, при впадении реки Ханьшуй в Янцзы. Административный центр провинции Хубэй.

На базах в Шихо, Урумчи расположились ремонтные мастерские, гостиницы, столовые. Все они были готовы круглые сутки обслуживать караваны.

Большая часть автотрассы проходила по пустыням и полупустыням. Собственно, она пролегала по древней «шелковой дороге», открытой еще во II веке до нашей эры. По ней китайские купцы везли невиданной красоты шелка, парчу, изделия из золота и железа, посуду из белой глины.

На «шелковом пути» господство бездорожья: верблюдам дороги не нужно. Вот и приходилось героически штурмовать пески, преодолевать песчаные бури и ледяной холод пустыни Гоби.

Весь долгий путь лишь утвердил меня в правильности своих устремлений — открыть прямой радиомост Чунцин-Москва, разгрузить своих боевых товарищей радистов, дать более оперативную связь главному военному советнику».

В Чунцине Покровский приступил к проведению эксперимента.

Главной задачей было установление прямой связи с Москвой. Для этого он решил найти в эфире советские радиостанции, расположенные в европейской части, а лучше в самой столице.

Установил за ними ежедневное наблюдение, подбирал ориентировочные волны. Хотя многие из них уже знал по-прежнему опыту. Это была однообразная, кропотливая, попросту черновая работа, но только она могла помочь в достижении большой цели.

Особые надежды радист-разведчик возлагал на конец ночи и раннее чунцинское утро: отрезок суток, когда темное время перекрывало весь участок планеты от Чунцина до Москвы. По расчетам Покровского, именно эти несколько часов должны были дать связь между обеими столицами.

После подготовительной работы, некоторых конструктивных изменений в передатчике, был назначен первый сеанс прямой связи. Результаты превзошли все ожидания: Москва услышала

сигналы на семь баллов по
69
девятибалльной шкале. Связь пошла устойчивая, без сбоев. Радиограммы были получены в Центре с необычайным временем прохождения в пути — в считанные минуты.

Чтобы проверить надежность новой радиолинии, Покровский просит Москву возобновить связь через десять, потом через двадцать и еще раз — через тридцать минут. По-прежнему связь устойчива, слышимость хорошая. Но через два часа она падает до трех-пяти баллов, начинается замирание и потеря сигналов. Еще через полчаса Москва теряет корреспондента, связь прекращается.

Вскоре в эфире растаяли и сигналы Москвы. Над Чунцином поднимается жаркое южное солнце.

Так была организована связь между временной столицей Китая и Центром, сделан очередной шаг в освоении сверхдальних расстояний.

Работа наших радистов-разведчиков в Китае и Монголии дала возможность накопить поистине бесценный опыт, который широко использовался в годы Великой Отечественной войны.

Как бы это странно ни звучало, но внутренние, или, как их называли, комнатные антенны, взятые потом на вооружение партизанами, были изобретены нашими радистами в пустыне Гоби.

Дело в том, что автомобильная трасса проходила в Синьцзяне и Ганьсу по пустынной местности. Весной и осенью здесь свирепствовали пыльные бури. Жестокие, колючие ветры гуляли по песчаным барханам не день, не два — случалось, неделю. Для радистов наэлектризованный песок накапливал в приемных антеннах мощные электрические заряды. Искры разрядов были словно маленькие молнии. Нарушалась связь, в наушниках стоял оглушительный треск электрических разрядов. Прием даже небольших телеграмм затягивался надолго.

И тогда радисты проявили смекалку и изобретательность: попробовали установить антенны не как обычно, снаружи, а внутри помещения. Слышимость оказалась похуже, но связь была устойчивой. Стихия была побеждена.
70
«В дальнейшем, — рассказывал мне один из ветеранов спецрадиосвязи, — опыт применения комнатных антенн был использован и для передатчиков. К тому подтолкнули следующие обстоятельства. Вблизи расположенных на трассах наших представительств отмечалось появление различных банд. Были случаи нападения на наши караваны, убийства людей. Поэтому командование требовало постоянной бдительности и готовности

к экстренной радиосвязи в экстремальных случаях.

Применение комнатных антенн для передатчиков дало хорошие результаты. Высокая боевая готовность радиосредств теперь с успехом обеспечивалась наличием таких антенн».

Изобретение комнатных антенн несло в себе еще одно ценное качество — скрытность. Ни для кого не секрет, что радиоантенна всегда являлась демаскирующим элементом. Теперь она была спрятана от посторонних глаз.

С началом фашистской агрессии против Советского Союза радисты диверсионных групп, партизанских отрядов быстро поняли выгоду применения внутренних антенн.

Не менее сложные проблемы стояли перед теми, кто обслуживал авиационную трассу.

Что она представляла в ту пору, об этом можно судить по воспоминаниям известного советского летчика, Героя Советского Союза, впоследствии генерал-полковника авиации Ф. Полынина. Он руководил переброской наших самолетов в Китай.

«Авиационная трасса Алма-Ата — Ланьчжоу, — пишет Ф.Полынин, — насчитывавшая одиннадцать промежуточных мест посадки, действительно не могла похвастаться четкостью в работе. Аэродромы были оборудованы плохо, метеорологической информацией экипажи самолетов не обеспечивались, перелеты никто не планировал. По этим причинам случались катастрофы».

В 1938-1939 годах наша страна активизировала поставку самолетов в Китай. Это, в свою очередь, потребовало обеспечить самолеты, находившиеся в воздухе, точными метеоданными. Но как это сделать? Только с помощью устойчивой, бесперебойной связи. Однако Китай не Европа.

Высокие горы, резкая смена погоды, пыльные и сильные бури стали реальными противниками радистов.

Единственной возможностью противостоять природным катаклизмам и установить радиомост по всей протяженности авиационной и автомобильной трасс могло быть развертывание системы радиоузлов. И эта возможность была использована.

Рассказывает полковник в отставке И.Матвиенко:

«Радиоузел в Алма-Ате обеспечивал связь с двумя десятками корреспондентов на дальность от трехсот километров (это город Кульджа) до почти пяти тысяч километров. На таком расстоянии располагались Чунцин, Чанша, Ланьчжоу.

Другое направление — Москва. Удаление четыре с половиной тысячи километров.

С корреспондентами, кроме основных, приходилось назначать часть дополнительных сеансов. Это было вызвано

оперативной обстановкой на трассах, а также в районах боевых действий.

Получалось, что работа радиоузла проходила непрерывно, круглосуточно с интенсивным радиообменом.

В еще более сложных условиях приходилось работать сотрудникам радиоузла в Ланьчжоу, что в китайской провинции Ганьсу. Этот радиоузел обеспечивал связь с военными советниками, которые находились в зонах боевых действий и с советским представителем в Особом районе Китая.

Радиоузел работал с большой перегрузкой. Частые налеты японских бомбардировщиков на город угрожали разрушением узла связи. Поэтому с получением сигнала воздушной тревоги несколько радистов-разведчиков с аппаратурой уходили в горы и укрывались в убежищах.

Однако таких мощных радиоузлов, как в Алма-Ате или Ланьчжоу, было немного. Большинство радиостанций на трассе оснащались передатчиками малой мощности, а главная проблема состояла в громоздком комплексе питания. Все это хозяйство приходилось обслуживать, как правило, одному-двум человекам».

72

Возникли и сугубо технические проблемы. Аппаратура, применяемая радиослужбой на земле и установленная на самолетах, оказалась разных типов, и поэтому спряжение радиоканалов стало делом архитрудным..

Вскоре выяснилось и еще одно удручающее обстоятельство: стрелки-радисты транспортных самолетов не обучены приемам работы, применяемым в системе радиосвязи экспедиции.

Времени на их переподготовку никто не давал, да и не мог дать. Шла война.

Словом, надо было найти неординарное решение.

И радисты-разведчики его нашли. Они разработали совершенно новые правила и приемы ведения радиообмена между самолетами и аэродромными радиостанциями. Их быстро освоили стрелки-радисты, так как правила эти включали строго ограниченное количество сигналов международного кода и наиболее выгодные рабочие и запасные радиоволны. Теперь на борт самолета всегда бесперебойно шла необходимая информация.

Удивительно, но в это напряженное военное время разведчики-радисты умудрялись заниматься еще и научными изысканиями.

В те годы в практику радиосвязи только начинал внедряться метод интенсивной смены волн. В зависимости от времени года и суток волны приходилось менять достаточно часто. Особое

беспокойство у операторов связи вызывали расстояния в триста-четыреста километров. На такие короткие дистанции летом стабильная работа шла на волнах шестьдесят-семьдесят метров. Но вот осенью и зимой в этом диапазоне обеспечить стабильную связь никак не удавалось.

«Пропахали», что называется, весь КВ — диапазон, перебрали все имеющиеся в наличии передатчики, но успеха не добились.

Однако не сдались, не успокоились. Продолжали искать. И вскоре упорство радистов-разведчиков было вознаграждено: на узле в Алма-Ате собственными силами удалось расширить диапазон маломощных передатчиков. Испытания дали отменные результаты и зимой и осенью.

73

Незамедлительно, по всей трассе были разосланы рекомендации и необходимые детали для усовершенствования передатчиков. Эти работы провели в короткий срок, и весьма важная задача оказалась решенной.

Война в Китае резко обозначила еще одну проблему службы радиосвязи ГРУ. Потоки радиограмм в Центр и обратно постоянно росли. Справиться с ними можно, только увеличив скорость радиопередачи ключом Морзе. Но «асов ключа» было немного, по пальцам перечесть — Долгов, Шечков, Покровский, Парийчук. Остальные далеко отставали от мастеров.

И тогда по инициативе одного из лучших радистов военной разведки Леонида Долгова на радиоузле установили двусторонний ключ вместо привычного ключа Морзе. Долгов сам его изготовил. Теперь небольшая тренировка даже для радиста средней руки давала огромный скачок в скорости — до ста пятидесяти знаков в минуту.

Правда, самодельные ключи часто ломались, но удалось договориться с мастерскими связи железнодорожной станции «Алма-Ата-первая», и специалисты изготовили полторы сотни двусторонних ключей. Они были сделаны добротно и работали надежно.

Через два года с небольшим, отправляясь в действующую армию, радисты брали с собой «ключ Долгова», успешно пользовались этой новинкой сами и обучали других.

Волей судьбы «Экспедиция Z » стала последним полигоном для радистов военной разведки перед Великой Отечественной. Уходя на войну в сорок первом, они уже знали, что такое война.

На связи Нью-Йорк

Два предвоенных года были крайне напряженными для Советского Союза.

В марте 1939 года фашистские войска вошли в порт Клайпеда

(Мемель). Литве был навязан унизительный договор.

74

Германия заключила «дружественные» договоры с Латвией и Эстонией.

Летом 1938 и 1939 годов Красная Армия отражала японскую агрессию у озера Хасан и реки Халхин-Гол на Дальнем Востоке.

В ноябре 1939-го началась война с Финляндией.

Напряженность вблизи наших границ росла. Было ясно, что войны с Германией не избежать. Но как в этом случае поведут себя Соединенные Штаты Америки, сложно предугадать. Возможно, выступят на стороне Советского Союза, а если... К этому «если» и должна быть готова разведка. Но готовность — это, прежде всего связь. А вот спецрадиосвязи у Разведуправления с американским континентом не было.

...В октябре 1939 года начальник отдела радиосвязи Иван Артемьев вызвал к себе воентехника второго ранга Олега Туторского. В ту пору Туторский служил в отдельном радиодивизионе. За плечами у воентехника была война в Испании, командировка в Чехословакию. Он уверенно работал на ключе, хорошо чувствовал эфир, легко принимал на слух любой текст и особенно цифры, знал устройство передатчиков.

Словом, это был один из лучших радиотехников дивизиона.

Артемьев поговорил с Туторским «за жизнь» и направил воентехника в Знаменский переулок, 19. На четвертом этаже в одном из кабинетов его принял капитан Мильштейн. Сказал, что есть намерение послать Туторского в Америку. Признаться, заманчиво пожить в США. Но Туторский, как человек военный, был сдержан, выслушал капитана, на том, собственно, и расстались.

Через несколько дней у Артемьева прошло совещание. На нем присутствовал сам начальник отдела главный инженер радиоуправления наркомата связи профессор Б.Асеев и воентехник Туторский. Обсуждался один вопрос: как наладить радиосвязь с Америкой. Выслушали Туторского. Он предлагал опробовать связь «под крышей» радиолюбителя. Тем более что радиолю-

75

бители в ту пору уже связывались с американским континентом, и это было не таким уж редким явлением.

Предложение Туторского понравилось руководству, и ему приказали немедля приступить к работе.

Однако Америка далека, предстоящая миссия советского радиста, естественно, секретна, и, разумеется, никто не собирался тащить радиостанцию с собой, через океан. Ее предстояло собрать

своими руками по прибытию в США. А здесь следовало найти детали, лампы американского производства и сделать, настроить передатчик, аналогичный тому, будущему «заокеанскому».

В ту пору воентехник второго ранга Олег Туторский не подозревал, что еще в 1930 году руководство 4 управления штаба РККА получило директиву наркома Климента Ворошилова, по которой предписывалось «принять срочные меры к организации радиосвязи со всеми важнейшими пунктами на Западе и Востоке...»

Ну, а куда уж важнее американский континент. Тем более что связь с ним отсутствовала вообще. Если с Берлином, Кабулом и даже Шанхаем к тому времени уже была двухсторонняя связь, то США оставались для военной разведки недосягаемыми.

«Во исполнение директивы, — говорится в архивных документах ГРУ, — руководство 2-й части 4-го управления штаба РККА в ноябре-декабре 1931 года пыталось организовать на опытной коротковолновой радиостанции, образованной по приказу РВСР от 25 января 1931 года, двухстороннюю радиосвязь с нелегальной радиостанцией на американском континенте.

Нелегальная радиостанция, носившая условное наименование «Дубль В», должна была работать по расписанию с 9 до 10 часов московского времени. В Москве с этой радиостанцией работали и пытались установить связь две радиостанции: одна в Сокольниках, другая на Ленинских горах, в опытной лаборатории.

Работу начала московская радиостанция. По программе, каждая из корреспондентских радиостанций должна была производить вызовы по 15 минут.

Работу московской радиостанции и радиостанции из Америки должны были слушать радиостанции разведотделов в Ленинграде, Минске и Хабаровске. Это была первая попытка организации приема на территориально-разнесенные пункты.

Однако эта попытка установления радиосвязи с нелегальной радиостанцией, находившейся на американском континенте с использованием несовершенной техники при отсутствии прогнозирования состояния ионосферы и опыта работы, успехом не увенчалась».

Но лучший радиотехник дивизиона, к счастью, об этом провале не знал и потому взялся за работу с присущим ему старанием и настойчивостью.

На складе в институте разведуправления ему удалось найти такие детали американского производства и в одной из лабораторий соорудить передатчик. За основу он взял схему трехкаскадного передатчика. Он и прежде собирал такие станции, и работали они вполне исправно.

В конце ноября 1939 года Туторский перевез все свое радиоимущество в Подмосковье, в Кучино, где ему и предстояло работать. Установил аппаратуру, забросил антенну на высокое дерево — и, что называется, за дело. Однако уже первые часы вызвали искреннее огорчение. Работать было не с кем. В Европе шла война, и на любительских диапазонах царила мертвая тишина. Иностранцы в эфире просто отсутствовали. А нужны не просто иностранцы — американцы.

Уже тогда он знал: связь с Америкой лишь на волне 40 метров — редкость, на 80 метров — тем более. Получается, только на волне 20 метров в ограниченное время суток. Но когда именно?

Несколько дней и ночей воентехник Туторский слушал эфир. Его знания подтвердились: американцев можно «поймать» на волне 20 метров и только в одно время, когда на восточном берегу США 9 утра, а в Москве примерно 17 часов. Западный берег еще следовало «прослушать». К сожалению, в разные дни и слышимость была

разная: порою отличная, а иногда — нулевая. Связь нужно было поддерживать всего один-два часа в сутки, когда вся трасса освещалась солнцем.

В ту пору научных методов прогнозирования прохождения коротких волн не существовало, и Туторскому приходилось идти путем проб и ошибок.

Услышав американцев, он пытался связаться с ними, но никто на контакт не шел. Что-то было не так. Передатчик работал нормально, его должны были слышать. Увы, корреспонденты американского континента молчали, как рыбы.

Позже Туторский узнает о запрете на любительский радиообмен с началом войны. Но тогда, зимой тридцать девятого,

он ничего этого не знал. Ясно было только одно: задачу надлежало выполнить.

Легко сказать — выполнить. Попробуй поговори с глухим, да еще через океан.

Так продолжалось несколько дней. Он выходил в эфир, услышав американцев, посылал сигнал, но ответа не было. Порой, казалось, что это тупик.

Однажды мелькнула мысль: а что, если?.. Мысль была сколь дерзкой, столь и безумной. Что, если выйти на береговые станции США? Но как это сделать? Как заставить их ответить? С чего это вдруг солидные радиостанции пойдут на переговоры с неизвестным корреспондентом, если с ним не хотят «разговаривать» даже коллеги-любители?

Вот тут и помог боевой опыт. Во время войны в Испании Туторский изучил тонкости радиосвязи торгового флота и немало «общался» с торговыми судами из Картахены. Теперь он решил сработать под радиста испанского теплохода «Кабо-де-Санто Томе». Правда, к тому времени судно лежало на дне моря, потопленное фашистами, но это было не важно. Главное, чтобы станция ответила.

В эфире Туторский «нащупал» береговые американские станции под кодовыми названиями « WCC » и « WSL ». Он слышал их лучше, чем радиолюбителей, мощности у них были сильнее. Станции давали общий вызов «всем» и приглашали отвечать на определенной частоте.

78

Воентехник Туторский настроил передатчик на соответствующую высоту в морском диапазоне, дождался хорошего прохождения и позывными испанского теплохода вызвал радиостанцию « WCC ». Тут же последовал кодовый ответ: «Мой позывной...» И далее: «Слышу вас хорошо, что имеется для меня?»

Это был прорыв на американский континент.

На следующий день наш радист-разведчик проделал тот же эксперимент с американской радиостанцией « WSL », правда, «прикрывшись» другим позывным. И вновь восточное побережье США исправно ответило.

Теперь о результатах работы следовало доложить начальству. Что и было сделано. В конце января 1940 года состоялось решение о командировке воентехника второго ранга Олега Туторского в Соединенные Штаты. Задача: наладить агентурную радиосвязь «США-Центр».

С этих пор началась усиленная подготовка: изучение английского языка, спецрадиограммы. А еще звонки в Наркомат

иностранных дел. Вскоре сообщили — будете отправлены в Нью-Йорк через Италию.

Шла Вторая мировая война, летели дни за днями, а Туторский ждал. Гитлер захватил Данию, Норвегию, фашисты вторглись в Бельгию и Голландию, разгромив Францию. В войну вступила Италия, и теперь путь в США для него был закрыт.

В Наркомате иностранных дел сказали, что поездка откладывается, пока не решится вопрос о его переброске в Японию, а потом в США, в Сан-Франциско.

Прошло лето, наступила осень.

Утром 13 сентября Туторскому объявили: сегодня вечером убыть во Владивосток и дальше в США. Всего один день, и масса дел. И начались, как говорят англичане, «крысиные гонки». Паспорт, деньги, документы, поездки в Интурист, Наркомфин. Успел собрать вещи, попрощаться с сестрой и бабушкой, а с матерью так и не успел увидеться. Она была на работе.

На вокзале его провожал майор Василий Пархоменко. Он забрал у радиста удостоверение личности, орденскую книжку вместе с орденом, права водителя мото-

цикла, в общем, все документы, которые подтверждали личность Туторского. Теперь он был другим человеком, с другой фамилией и судьбой.

Семь суток он ехал в поезде до Владивостока, потом на пароходе добрался до Японии, оттуда через Гавайи на японском лайнере «Асама мару», в первом классе долетел до Сан-Франциско. А там еще трое суток дороги, через Чикаго — и он в Нью-Йорке.

Был уже конец октября 1940 года. Нью-Йорк встретил нашего разведчика-радиста мелким дождиком и туманом-смогом.

Советское генконсульство готовилось к приему в честь 23-й годовщины Октября, и Туторский в первые недели был предоставлен сам себе. Он использовал свободное время для знакомства с городом. И только тут Олег Григорьевич понял, сколь плох его английский. Почти год он учил грамматику, запоминал слова. Преподавательница три раза в неделю «натаскивала» его в разговорной речи. Заучил какие-то фразы на бытовые темы — о жилище, питании, о передвижении на поезде, пароходе, автобусе. Вроде бы знал время, числа... Но оказалось, что запас слов и фраз пассивен, при надобности пользоваться заученным не умеет.

При чтении различных надписей, объявлений, заголовков газет, как назло, попадались не те слова, которые знал. И поэтому смысл оставался недоступным.

С разговорной речью было еще хуже. Стандартных фраз знал много, но произносил их неправильно и поэтому оставался непонятым. Когда спрашивал, получал вдруг ответ не из тех слов, которые знал.

Так пришло осознание, что наряду с основной работой первейшей задачей станет овладение языком.

Что же касается основной работы, то Олег Григорьевич быстро понял: он оказался один со своими проблемами. А их было немало.

Во-первых, двойственность положения. Официально для всех сотрудников он занимал должность дежурного коменданта, то есть своего рода швейцара, и обязан был находиться на работе целый день. Но следовало выпол-

нять главную задачу, для которой, собственно, и был послан. Да еще вдобавок делать ее скрытно.

Служебного жилья в консульстве для Туторского не нашлось, и пришлось поселиться довольно далеко. Как он потом сам говорил: «В соответствии с финансовым положением». Так называемые меблированные комнаты, по сути, были общежитием, где на восемь комнат один душ, умывальник, кухня. Комната оказалась сумеречной, в ней всегда горел свет, входная дверь не запиралась. Жили здесь мелкие служащие, студенты. Проживание стоило недешево, почти сорок долларов в месяц. При зарплате Туторского в сто пятьдесят долларов оплата была немалой.

Только к концу ноября «раскрылся» начальник Олега Григорьевича — лейтенант Петр Внуковский. Он исполнял обязанности руководителя аппарата консульства. Началась работа...

Место для радиостанции определили в одной из квартир шестиэтажного консульского дома. Вскоре Внуковский привез три больших сундука с радиоаппаратурой, деталями, лампами. Они находились на складе длительного хранения. Это оказалось неожиданным подарком.

Вот как о тех событиях вспоминает сам Туторский: «В 1935-1938 годах в Нью-Йорке с документами иностранцев находился наш работник с женой. Ему предстояло обосноваться в городе, установить радиостанцию и организовать связь с Центром.

Я хорошо знал этого товарища по совместной работе.

Он хорошо владел английским и французским языками. Дипломированный радиоинженер (для того времени нечастое явление), он участвовал в разработке и создании различной аппаратуры радиосвязи. То, что я увидел в его сундуках —

самодельный, достаточно сложный приемник, полусобранный передатчик, — свидетельство о его хорошей инженерской квалификации.

К сожалению, он не был профессиональным радистом, плохо знал азбуку Морзе, не имел достаточного опыта работы в эфире.

81

Вот и получилось, что с технической точки зрения возможность организации связи была, но до выхода в эфир дело не дошло.

Кроме того, в годы кризиса в Америке с его документами устроиться на работу оказалось не просто.

Со всеми этими проблемами нашему нелегалу справиться не удалось. Но его наследство — три сундука с радиодеталями — оказалось весьма полезным и очень помогло мне в постройке будущей радиостанции».

Детали пошли на сборку передатчика. Приемник приобрели через Амторг*, установили на крыше антенну. Она не вызывала никаких вопросов, так как антенны здесь были почти на каждом доме. Хотя работали разведчики, понимая, что осторожность не помешает. Напротив их дома стоял небоскреб, где располагался штаб республиканской партии, а на втором этаже — стационарный пост контрразведки, откуда велось наблюдение за советским консульством.

Радиостанция была практически готова, но запустить ее пока не удавалось. В здании консульства, как и в большинстве старых зданий Манхэттена в Нью-Йорке, не было переменного тока, а только постоянный. Средневолновые американские приемники работали от этого тока, но для станции нужен был преобразователь или хотя бы мотор-генератор.

Достали мотор. Но он создавал сильные помехи. Пришлось повозиться, — сделать проводку питания экранированным проводом, заземлить экран и корпус. Словом, убрать помехи.

Когда подготовительные работы были завершены, условия приема поразили Туторского. Огромный мегаполис, с массой всевозможных электрических устройств, давал минимум помех. Во всем городе не оказалось каких-либо воздушных электросетей, все было упрятано в землю. Даже трамваи питались от гибкого шланга, уложенного в канаву между рельсами. Зажигания машин

* Амторг — акционерное общество, учрежденное в 1942 году в Нью-Йорке, комиссионер-посредник экспорта советских товаров в США и импорта американских товаров в СССР.

82

уже тогда имели устройства для подавления излучения помех. Таким образом, приемник был полностью готов к

качественной работе. Дело оставалось за передатчиком, вернее за питанием к нему. Нужен был мотор-генератор переменного тока мощностью один киловатт. Но какие генераторы производит и закупает США? Этого Туторский не знал, да и знать не мог. Дело осложнилось тем, что выбирать и покупать открыто подобные машины — опасно. Действовали в основном через сотрудника ГРУ, работавшего в Амторге. Изучили каталоги, заказали. Неудача. После опробования мотора массой в тридцать килограмм Туторский сжег пробки на всем этаже. Снова уселись за каталог, докупили нужные устройства, запустили мотор. Теперь новая напасть. В такт с ключом передатчика генератор создавал такой шум, что работать было практически невозможно. Стали искать способ, как «утихомирить» генератор. Обмотали машину газетами, запихнули в сундук. Вроде бы получилось.

Наконец, доложили в Центр по телеграфу о готовности к работе, предложили время и получили согласие.

Зашифровали телеграмму. После тщательной проверки аппаратуры, в назначенный день в девять часов утра Туторский начал слушать Центр. Проходят первые пять минут, сигнала Центра нет.

Все исправно, передатчик готов к работе. Течет время... Пятнадцать минут, двадцать... сорок... час. Сеанс не состоялся. Настроение хуже некуда.

Назначили новый сеанс через три дня. На этот раз Внуковский в «радиорубку» не пришел.

Включение и... сердце выпрыгивает из груди. Радист Олег Туторский слышит, как «гремит» в эфире передатчик номер один московского центра. Работает друг Олега Григорьевича Сергей Королев.

Нью-Йорк отвечает. «Похрюкивает» генератор в сундуке, качается стрелка прибора. Радиста Туторского слышат. Он передает телеграмму, получает подтверждение. На календаре 12 января 1941 года. Первый сеанс спецрадиосвязи с американским континентом.

83

Через несколько дней Петр Внуковский поздравит Туторского. Приказом начальника управления «за выполнение задания в особо трудных условиях» ему объявлена благодарность с вручением ценного подарка.

Таким образом, воентехник Олег Туторский свою задачу выполнил. Однако службе спецрадиосвязи было над чем задуматься. Если в Москве, на центральном приемном центре стояли ромбические антенны, с острой направленностью на Нью-Йорк, хорошо отлаженные приемники, то ничего подобного не

было, к примеру, ни во Львове, где по расчетным данным специалистов Разведуправления должен находиться оптимальный пункт приема «американского» сигнала.

По итогам экспериментов был сделан неутешительный вывод: устойчивой, надежной связи с США установить не удалось.

Работа по организации радиомоста с американским континентом будет продолжена и после войны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«Немые» резидентуры

Так уж сложилось в истории, что разведка для властей предержащих чаще всего ненавистная падчерица, нежели любимая дочь. Особенно в дни военных поражений.

Василий Новобранец временно исполнявший обязанности начальника информационного отдела Разведуправления в предвоенные годы, пишет в своих воспоминаниях:

«На одном из заседаний Политбюро и Военного совета обсуждались итоги советско-финской войны 1939—1940 годов. Неподготовленность нашей армии, огромные потери, двухмесячное позорное топтание перед «линией Маннергейма» и многое другое стали известны всему народу. Об этом в полный голос заговорили за рубежом. Сталину и его приближенным надо было спасать свое лицо. Этому и было посвящено заседание Политбюро и Военного совета. После бурных прений решили, что причина всех наших бед в советско-финской войне — плохая работа разведки. Это мнение всяческими способами внедрялось и в армии. Свалить все на разведку не очень оригинальный прием. Никогда еще ни одно правительство, ни один министр обороны или командующий не признали за собой вины за поражение.

Сталин в этом не был оригинален. Он тоже решил отыграться на разведке и лично на начальнике Разведуправления генерал-лейтенанте Проскурове. Тот не

стерпел возведенной напраслины. Он знал, что все необходимые данные о «линии Маннергейма» в войсках имелись, что причина неудач в другом, и смело вступил в пререкания со Сталиным и назвал все действительные причины неудач. За это он поплатился жизнью.

Нечто подобное происходило и в ставке Гитлера. Вот как об этом рассказывает в своей книге «Служба» Рейнхард Гелен, во время войны начальник отдела «Иностранные армии Востока» (разведка) Генштаба сухопутных сил:

«9 апреля 1945 года я был отстранен от должности... Мое

увольнение было вызвано докладом об обстановке и положении противника, который я подготовил начальнику Генштаба генералу Кребсу. Тот доложил его Гитлеру.

У фюрера моя оценка вызвала сильное раздражение. Он назвал доклад «сверхидиотским и пораженческим». Гитлер всегда негативно воспринимал неприятные факты и цифры... Он хотел слышать лишь то, что не противоречило его мнению и решению».

Начальник имперского генерального штаба во время войны британский военный деятель лорд Аланбрук говорит в своих записках, что Уинстон Черчилль тоже чувствовал себя стратегом и нередко с жаром отстаивал свои идеи. Правда, в конце концов соглашался с профессионалами.

Так что многие руководители государств похожи друг на друга, и не все умеют мужественно встречать трудную правду, которую нередко преподносит разведка. Что ж, такова судьба у шефов разведки: сыпать своим патронам соль на раны.

И тем не менее вернемся к Сталину. Может быть, и вправду не столь безгрешна разведка и в провалах начального периода доля вины лежит и на ней?

А как все обстояло на самом деле? Давно уже нет Сталина и его соратников, сняты многие грифы «секретно», открыты бронированные сейфы архивов. Может быть, сегодня, более чем через полвека, возможно наконец установить истину? Пусть даже не совсем лицеприятную,

но верную, без вранья, идеологического давления, очернения или, наоборот, приукрашивания действительности. В конечном итоге мы уже ничего не в силах изменить в своей истории — великой, триумфальной и драматичной одновременно.

Итак, начнем с самой трагичной страницы в судьбе советской разведки в годы войны. Их, признаться, было немало, но самая-самая... Это без сомнения разгром «Красной капеллы».

Глава абвера адмирал Канарис считал, что деятельность «Красной капеллы» стоила Германии двухсот тысяч погибших солдат и офицеров. А скольким советским воинам она спасла жизнь? Надо думать, не меньшему числу. Наверное, поэтому жизнь и гибель «Красной капеллы» и через десятилетия вызывают огромный интерес.

Оговорюсь сразу: во многих публикациях российской печати навязывается мысль о «Красной капелле», как о некой единой шпионской организации под общим руководством. Чаще всего руководителем называют известного разведчика Леопольда Треппера. А недавно в одной из книг, изданной уже в 1997 году, я наткнулся на удивительное открытие. Авторы утверждали, что во

главе организации «русских пианистов» стоял некто иной, как Харро Шульце-Бойзен.

Это, конечно, не так. Столь характерное название для «Красной капеллы» изобрели сотрудники... гестапо. Как утверждает в своих воспоминаниях руководитель зарубежной разведки нацистской Германии Вальтер Шелленберг, «основная заслуга первого крупного проникновения в эту гигантскую шпионскую организацию, бесспорно, принадлежит, Мюллеру».

Генрих Мюллер, как известно, был начальником четвертого управления (гестапо) Главного управления имперской безопасности.

Для гестаповцев стал большой неожиданностью тот факт, что в первые месяцы войны с территории Германии и близлежащих стран начали работать десятки радиопередатчиков неизвестной принадлежности.

87

Фашистской службе безопасности, по существу, было все равно, кто засылал и руководил «пианистами» в Москве — Разведуправление Генштаба или разведка НКВД. Для них и то, и другое — противники на одно лицо — советское. Тем более что «концерты» «Красной капеллы» раздражали не только группенфюрера Мюллера, адмирала Канариса, но и Гиммлера и даже самого фюрера. А разведсеть, разбросанная по Германии, Франции, Бельгии, Голландии, состояла из разных разведгрупп и резидентур.

Резидентуру в Брюсселе, а затем в Париже возглавлял Леопольд Треппер («Отто»), засланный военной разведкой. Ему удалось приобрести новых агентов, расширить информационные возможности. Однако проблема прямой радиосвязи с Центром так и не была решена.

Резидентуру «Паскаль» в Голландии и Бельгии создал немецкий коммунист Иоган Венцель. В советскую разведку он был привлечен в 1931 году, освоил основы радиотехники, научился монтировать радиопередатчики, знал азбуку Морзе, код и любительский радиожаргон.

На нелегальную работу он был направлен в 1937 году сначала в Ирландию, потом в Бельгию. Уже через год Венцель («Герман») создал активную, жизнеспособную разведорганизацию.

В это время по решению Центра руководство резидентуры было передано советскому нелегалу-разведчику капитану К.Ефремову («Паскаль»). «Герман» остался заместителем резидента и радистом. Одновременно он возглавлял голландскую региональную группу резидентуры.

В 1940 году в Париже военная разведка организовала

резидентуру «Золя». Ее руководителем стал бывший латышский офицер Озол Вальдемарс. За короткий срок им была создана агентурная сеть, которая добывала важную информацию о фашистской Германии и ее вооруженных силах.

В том же году в Париже начала свою работу и резидентура Разведупра «Гари», которой руководил Генри Робинсон.

88

Разведчик Шандор Радо (псевдоним «Дора») развернул свою деятельность в Швейцарии.

Это у него на связи будет агент «Люци», которого будущий шеф ЦРУ США Аллен Даллес назовет «фантастическим источником». «Люци» нередко получал сведения из сфер высшего немецкого командования уже через сутки после их принятия.

Безусловно, в наших резидентурах работали талантливые, мужественные люди, и никто из них не мог предположить, что к концу 1942 года советская разведсеть будет почти полностью разгромлена. В архивах Главного разведуправления до сих пор хранится документ, в котором есть такие горькие строки: «Примерно за полтора года с декабря 1941 по июль 1943 года немецкая контрразведка нейтрализовала деятельность нелегальных резидентур советской военной разведки во Франции, Бельгии, Германии, Голландии. Это резидентуры «Отто», «Паскаль», «Золя», «Гари», «Альта». В это же время гестапо проникло в резидентуру «Дора».

По шести советским агентурным радиостанциям из восьми захваченных немецкая контрразведка продолжила работу с Центром от имени руководителей названных резидентур.

На этом прекратили свое существование резидентуры советской разведки. Они погибли в неравной борьбе с превосходящими силами противника».

Да, действительно, силы были неравные. Против «Красной капеллы» немцы бросили лучшие силы Главного управления имперской безопасности. И тем не менее у этой трагедии есть свои причины. Они до сих пор известны лишь очень узкому кругу специалистов.

Хотя, признаться, все послевоенные годы обстоятельства гибели крупнейшей в мире разведсети не давали покоя исследователям, как у нас в стране, так и за рубежом. Многие из них сходились на том, что в основе провала лежали просчеты радиосвязи, непрофессионализм радистов европейских резидентур. Однако это были лишь гипотезы. Все материалы по организации радиосвязи были засекречены. Автору впервые удалось уви-

89

деть их, услышать свидетельства тех, кто находился на связи с радистами «Красной капеллы», кто сам создавал эту. связь. Сегодня впервые за полвека есть возможность сравнить уже известные свидетельства руководителей и сотрудников нацистской разведки и архивные документы Главного разведывательного управления.

Вальтер Шелленберг в своей книге «Мемуары» при первом же упоминании «Красной капеллы» пишет «о создании активной сети радиосвязи». Далее он подчеркивает: «Ее радиосеть («Красной капеллы». — *Авт.)* охватывала всю территорию Европы, протянувшись от Норвегии через Швейцарию до Средиземного моря, и от Атлантического океана до Балтики».

В обоих случаях шеф нацистской политической разведки говорит именно о радиосвязи. Это не случайно. Он рисует впечатляющую картину: советская радиосеть наброшена на всю Европу. Шелленберг профессионал-разведчик, это признавали даже его враги, как на родине, так и за рубежом. Так что мнению генерала вроде бы можно доверять.

Однако у него есть авторитетный оппонент — известный советский разведчик, резидент Леопольд Треппер. Он один из немногих, кому удалось уцелеть после разгрома «Красной капеллы». Треппер придерживался иного мнения. «...Мы вступили в войну,— писал разведчик, — не имея радиосвязи. И все эксперименты, проведенные в военное время, имели весьма тяжелые последствия...»

Вот такие две весьма парадоксальные точки зрения. Враг высоко отзывается о состоянии нашей нелегальной радиосвязи, а советский резидент, наоборот, дает ей беспощадную оценку.

Где истина? В чем разгадка многолетнего спора ветеранов разведки о причинах провала европейских резидентур ГРУ? Не просто ответить на эти вопросы. Но чтобы ответить, вернемся в предвоенные годы.

Мне пришлось беседовать с десятками ветеранов-разведчиков, которые не по книгам, а на собственной шкуре испытали грозы «сороковых-пороховых». Слушая

их, я поразился, как мало мы знаем о тех годах, о предвоенной атмосфере, об условиях, в которых им приходилось работать.

В Германии и странах Европы нацистская пропаганда насаждала мнение о «всемогуществе всевидящего» гестапо. Проник этот миф и в Советский Союз. Зачастую провалы наших резидентур объясняли «всесилием» германской контрразведки и... недостатками в организации радиосвязи.

Действительно, агентурная радиосвязь была самой молодой и несовершенной отраслью разведки. Таким образом, решилась двуединая задача. С одной стороны, нередко, таким образом, скрывались истинные причины провалов, с другой — запугивались разведчики. Резидентуры боялись выходить на связь. Им всюду мерещилось «око» и «ухо» гестапо.

Вот как о том времени вспоминал один из сотрудников службы радиосвязи ГРУ, который в предвоенные годы занимался радиофикацией резидентур:

«Многие резидентуры оправдывали свой невыход на радиосвязь любыми причинами. Иногда даже шли на обман. Некоторые резиденты писали в Москву, что сами присутствовали на сеансах радиосвязи, слышали Центр, но Центр их не слышал.

В этих условиях активизировать нелегальные радиосвязи было весьма трудно».

И все-таки разведуправление пыталось их активизировать. В конце 1940 года разведчик-радист Парийчук, оформленный Наркоматом иностранных дел как дипкурьер, вылетел самолетом в Кенигсберг, оттуда — в Берлин, потом в Прагу. Здесь был радист — наш платный агент. Это о нем резидент писал, что они слышат Москву, а она их нет.

Агент работал радиомастером и, судя по всему, обладал хорошей квалификацией. Деньги он получал регулярно, но выходить на связь с Центром боялся. Передатчик «Джек» и приемник «Сигнал» хранился в комнате, среди радиотехнического хлама. Парийчук был представлен радисту как представитель Центра,

91

но связник умолчал, что гость из Москвы — специалист по радиоделу.

Словом, радист в присутствии Парийчука включил блок питания, стрелка прибора отклонилась. Покрутив ручку возбудителя, он включил приемник и быстро нашел Москву. Центр повторил вызов и перевел корреспондента на запасные частоты. Радист продолжал работать, не включая тумблер высокого напряжения. Естественно, его никто не слышал.

Радист нагло обманывал всех. Парийчук отстранил его и показал, в чем «ошибка».

Следующая встреча была в городе Брно. Позже Ф.Парийчук так расскажет о ней:

«Встреча должна состояться около двух часов ночи. Заранее весь маршрут был продуман. До минут учтено время движения местного транспорта. Из посольства выехали на машине перед сумерками. Примерно в километрах в восьмидесяти от Праги

остановили машину и пошли пешком на станцию, взяли билеты и уехали в Брно.

Прибыв в город, проверили, нет ли слежки, и пошли на встречу, потом на квартиру.

Попытался отградуировать самодельный передатчик. «Хлопает» по всему диапазону.

В назначенное время начал сеанс радиосвязи. Центр я слышал хорошо. Долго пытался вступить в связь. Меня часто переводили на новые частоты. На одной из них Центр чудом нашел меня и сообщил о плохом тоне передатчика. Понял: на таком передатчике связь не наладить. Но главные неприятности были впереди. Когда уже свертывал аппаратуру, услышали стук в дверь. Молчим. Стук повторился с новой силой. Ну, все, думаем, гестапо. В квартире нас четверо: я, связник, радист и его жена. Приготовились к худшему, вытащили оружие, заняли «огневые» точки.

Радист подошел к двери, сонным голосом спрашивает: «Кто там? Что вам нужно?»

«Уголь нужен?» — слышим приглушенный голос. Оказывается, было трудно с углем, днем его воровали, ночью — носили по квартирам, продавали.

Придя в себя, мы отказались даже от чая. Ушли, купили билеты, и в Прагу».

Были и другие встречи. Когда у радиста, подозреваемого в предательстве, приходилось изымать аппаратуру.

Потом поездка в Вену. Здесь, как вспоминает Парийчук, «ни с одним из агентов-радистов не была закончена подготовка и потому радистам аппаратура не передавалась».

Запомним, до войны оставалось немногим более полугода. А вот как тот же разведчик-радист оценивает действия агентов с началом Великой Отечественной войны:

«Не со всеми корреспондентами удавалось установить связь, некоторые из них были арестованы непосредственно перед началом войны, другие боялись начать работу, слушая крикливые сообщения радио о скором разгроме Красной Армии. Первый месяц войны агенты-радисты выжидали. Многие из них смотрели, куда перетянет чаша весов. А, как известно, в первые месяцы войны она клонилась не в нашу пользу».

Вот она — горькая правда войны. Воистину никто не хотел умирать.

Но время брало свое. Прошел шок первых, трагических недель битвы с фашизмом. Из шести резидентур военной разведки только одна, «Паскаля», благодаря усилиям Иогана

Венцеля, имела прямую связь с Москвой. Работали три линии агентурной радиосвязи. Остальные резидентуры молчали. Предстояло научить их «говорить».

Роковая ошибка «Хемница»

— Знаете, с чего должны начинать обучение будущие военные разведчики? — ветераны ГРУ генерал Иван Петров и полковник Александр Никифоров вопросительно смотрели на меня.

Откровенно говоря, я был в растерянности: откуда мне знать, чему следует посвятить первый урок, первую лекцию в академии.

Ответ ветеранов на свой же вопрос немало озадачил: «Знакомство с разведкой должно начинаться с писем резидента «Отто» — Леопольда Треппера — в Центр».

— Почему? — удивился я.

— С младых ногтей разведчики должны усвоить как «отче наш» одну истину: без связи с Центром резидентура просто не существует. И если в мирное время имеются другие пути передачи информации, то в войну их нет...

Именно об этом письма крупнейшего разведчика Второй мировой войны Леопольда Треппера.

Осенью 1939 года он с тревогой докладывает в Москву: «Самое трудное — найти радиста. В этом направлении мы предприняли все возможное, но результатов пока нет...»

Через год, когда положение резидентуры осложнилось, в связи с оккупацией Бельгии немцами, «Отто» сообщил: «Были ли мы готовы к войне в Бельгии или нет?

94

С точки зрения обеспечения наших кадров, наших позиций, связей и отношений, можно дать положительный ответ. Но с точки зрения поддержания связи с Центром, мы потерпели большую неудачу, фактически оказались в таком положении, что в момент больших событий не имели возможности давать важнейшую разведывательную информацию.

Скоро уже год, как идет подготовка радиосвязи. Центр выслал уже все необходимое. Здесь, на месте, я преодолел все трудности, чтобы создать необходимые условия для работы радиостанции. Однако отсутствовало только одно — радист».

Было бы неправдой сказать, что только с началом Великой Отечественной войны пришло запоздалое понимание необходимости прямой радиосвязи резидентур с Центром.

29 октября 1940 года Разведуправление направило письмо в Париж своему агенту Генри Робинсону («Гари»). В нем говорилось: «Установление радиосвязи с Центром — это ваша центральная задача, к осуществлению которой вы должны

приступить немедленно».

В мае 1941 года Центр вновь требует от «Гари»: «Просим вас всецело заняться этим первоочередным делом и всемерно его форсировать с таким расчетом, чтобы в июне ваш радист смог уже приступить к занятиям по радио. Этому мы придаем исключительно важное значение».

Подобные рекомендации давались и в другие резидентуры. Более того, Центр рекомендовал заняться радиосвязью за счет любой другой работы. Однако следует признать, что решить эту проблему на месте, силами резидентур было очень сложно.

Но Москва пыталась хоть как-то выправить положение. 15 мая 1941 года Центр поручает одному из наиболее опытных радистов Иогану Венцелю («Герману»), из резидентуры «Паскаля» в Бельгии связаться с «Кентом».

«Кент» — разведчик-нелегал Леонид Гуревич вместе с Михаилом Макаровым («Хемницем») был направлен в резидентуру Треппера 1 сентября 1939 года. Они были легализованы под прикрытием коммерческой фир-

мы по сбыту плащей. И вот теперь волей судьбы и обстоятельств «Кент» должен стать радистом.

Однако после посещения резидентуры «Отто» и знакомства с «Кентом» Венцель делает неутешительные выводы. Он докладывает в Центр: «Положение с радиосвязью у «Кента» неутешительное. Речь идет не о помощи, а почти о новом обучении. «Кент» принимает 4-5 групп, имеет совершенно неправильное понятие о волнах, антеннах, аппаратуре. Дом плохо подходит для связи. Преподаватель, который готовил радиста до меня, капитан бельгийской армии, был неопытный болтун...»

В том же письме «Герман» предлагает план организации радиосвязи резидентуры «Отто», по которому должно быть подготовлено четыре радиста (в их число входил и разведчик-нелегал «Хемниц»), собрано два радиопередатчика, подобрано несколько радиоквартир.

И действительно, усилиями «Германа» за три месяца сделано то, над чем резидентура билась два года. Первым, в качестве радиста, был подготовлен «Хемниц». В июле 1941 года, спустя две недели после нападения фашистской Германии на Советский Союз, он установил связь с Центром. Корреспондент получил псевдоним «Днепропетровск». Радиостанция располагалась в отдельной вилле на окраине Брюсселя.

В августе 1941 года на связь вышла и парижская агентурная группа резидентуры «Отто» (псевдоним корреспондента «Оскол»), радистами здесь были супруги Сокол, Герц и Мириам.

Таким образом, со второй половины 1941 года резидентура имела две независимые друг от друга линии связи с Центром.

Из-за несовершенства самодельной аппаратуры и слабых навыков радистов связь оказалась ненадежной,. но все-таки она была. В первые трудные месяцы войны, когда развединформация ценилась на вес золота, резидентура «Отто» сыграла весьма важную роль. Она передала немало важных сведений.

С начала войны прервалась связь Центра с разведывательной организацией в Берлине под руководством

96

Ильзы Штебе («Альта»). В Центре знали о больших информационных возможностях берлинской резидентуры и старались как можно скорее восстановить связь с «Альтой». С этой целью 24-25 августа 1941 года «Кенту» отдается приказ — встретиться с ней. В радиограмме называются истинные фамилии и адреса сотрудников берлинской резидентуры. «Кент» должен был обучить «Альту» шифру и организовать ей связь с Центром через радиостанцию «Отто». В октябре-ноябре «Кент» провел несколько встреч с сотрудниками берлинской резидентуры.

Центр спешил. В большинстве европейских резидентур не было своих радиоспециалистов. И Москва вынужденно прибегла к взаимопомощи, направляя радистов из одной резидентуры в другую. К декабрю 1941 года, к трагичному дню провала «Хемница», дела в советской военной разведсети в Европе обстояли следующим образом.

Разведчик-радист «Соня» готовила радистов в резидентуре «Дора» в Швейцарии; радист «Герман» обучал трех радистов для «Отто» и двух для «Паскаля»; нелегал «Кент» выезжал в Бельгию и Швейцарию для инструктажа по ведению шифропереписки с агентами «Доры», а в 1941 году встречался в Берлине с резидентом «Альтой» и одним из руководителей резидентуры «Старшины» и «Корсиканца» Адамом Кукхофа. Эта структура внешней разведки НКВД тоже осталась без связи.

Таким образом, был нарушен важнейший закон разведки — закон глубокой конспирации. Произошло переплетение связей между агентурными звеньями резидентур. Провал одного звена грозил общим провалом. Позже, анализируя причины провала «Красной капеллы», Леопольд Треппер писал: «Радиодело, которое в соответствии с его характером должно было быть исключительно внутренним делом каждой группы, руководиться специалистами, свободными от всяких других работ, превратилось в сборище людей из различных стран и групп. Программы по радио превратились в «коллективное имущество» большого количества людей, которые по

организационным соображениям не должны были иметь ничего общего между собой.

Радисты-ученики различных групп— «Герман», «Хемниц», «Камо», «Джульетта», «Боби» — знали друг друга, и каждый работал не только по своей программе, но и по программам остальных...

Радисты не были техниками, которые занимались бы только радиоделом. Эти люди параллельно с радио выполняли другую важную работу и были организационно связаны с резидентами и большим количеством других работников.

Провал рации «Хемница» явился для немецкой контрразведки трамплином к овладению другими рациями и группами».

Подтверждение этой версии мы находим и в материалах немецкой радиоконтрразведки. «В декабре 1941 года, — утверждается там, -— коротковолновой наблюдательной радиостанцией «Запад» во взаимодействии с органами контрразведки Брюсселя удалось нанести сильный удар, а именно — ликвидировать нелегальный радиопередатчик в Брюсселе.

Рация была размещена на окраине города в отдельно стоящем доме. Было особенно трудно запеленговать ее в течение шести дней напряженной работы пеленгатора.

В послеобеденное время одной из суббот полицейские окружили виллу в Брюсселе, застали врасплох людей, которые охраняли дом, где находилась рация, и через минуту стояли перед ошеломленными радистами на чердаке дома».

Вальтер Шелленберг в своих воспоминаниях также считает, что первопричиной провала «Хемница» была радиосвязь. «Мюллер оборудовал специальную станцию радиоразведки, —утверждает шеф нацистской политической разведки, — которая должна была следить за Бельгией и Северной Францией. Первые следы вели в одно из предместий Брюсселя. По предварительной договоренности с Канарисом в конце 1941 года было решено попытаться захватить бельгийскую станцию. Во вре-

мя этой операции удалось арестовать двух сотрудников советской разведки».

Однако есть и другие мнения. 24 апреля 1942 года в своем докладе в Центр «Паскаль», он же разведчик-нелегал военинженер 3-го ранга К. Ефремов, сообщает: «Провал «Хемница» был вызван не работой радиостанции, а плохой конспирацией, квартиры «Джульетты».

И начальник гестаповской зондеркоманды Гейнц Панвиц на допросе в органах советской военной контрразведки «СМЕРШ»

показал: «„Аламо" (под такой кличкой «Хемниц» проходил у немцев) проживал в Брюсселе и вел легкомысленный образ жизни, что дало повод политической полиции заподозрить его в спекуляции. При обыске у него был найден радиопередатчик».

О подобном «образе жизни» своего нелегала знали и в Москве. Еще летом 1940 года представитель Разведуправления М.Большаков («Баланда») докладывал, вернувшись из поездки по Европе, где он проверял состояние агентурной сети: «„Хемниц" бездельничает, несерьезно относится к оперативной работе. На встречи опаздывает. Иногда приезжает на встречи с любовницами... Безделье его заедает, превращает в лежебоку, разлагает как трудового человека».

И тем не менее, несмотря на такой доклад проверяющего, «Хемница» не отозвали, он остался в Бельгии. Почему? Скорее всего, ответ на этот вопрос навсегда останется тайной. Документальных свидетельств нет, а люди, которые принимали это поистине роковое решение, ушли из жизни.

Но случилось то, что случилось. Арест «Хемница» имел самые серьезные последствия как для резидентуры «Отто», так и для всех советских разведывательных организаций в Европе. Именно с ареста «Хемница» начался провал легендарной «Красной капеллы». Причина тому скорее всего не одна, а сразу несколько: тут и нарушение конспирации, и неверное поведение агентов, и плохая радиомаскировка, низкая квалификация радистов, несовершенство радиоаппаратуры.

99

«Хемниц» знал многое. Даже то, что никогда не должен был знать — шифр «Кента», радиоданные программ связи «Германа», корреспондентов «Сызрань» и «Оскол», состав и легализационное прикрытие работников резидентуры «Отто». Программу радиосвязи «Оскол» знал также арестованный радист «Камо».

Достаточно сказать, что попавший в руки немцев шифр «Кента» помог им раскрыть содержание всех ранее перехваченных радиограмм корреспондента «Днепропетровск».

Во время допросов «Хемница» и «Камо» были получены данные на радиостанцию «Оскол». Это дало возможность немецкой контрразведке 9 июня 1942 года во время сеанса связи с Центром арестовать радистов парижской резидентуры.

Но использовать эту станцию для радиоигры с Москвой гестапо не удалось. Их планы сорвали наши радисты, они не выдали боевых товарищей.

По поводу захвата парижской группы Треппер докладывал в Центр: «...Квартал, где находился дом с рацией, был окружен гестаповцами и мобильными пеленгаторами. Гестаповцы

вторглись одновременно во все дома квартала. Радист и его жена были захвачены во время работы».

Тяжелым ударом для советской военной разведки стал разгром резидентуры «Альта». Эта разведывательная организация в Берлине, руководимая Ильзой Штебе, располагала большими информационными возможностями. Но с началом войны связь с ней была прервана. Восстановить ее поручили групповоду резидентуры «Отто» разведчику-нелегалу «Кенту».

В радиограммах 24-25 августа 1941 года «Кенту» через радиостанцию «Днепропетровск» поручалось встретиться с «Альтой» и «Адамом». Здесь же сообщались их настоящие фамилии и адреса.

«Кент» должен был обучить «Альту» шифру и организовать ей радиосвязь с Центром.

В октябре-ноябре 1941 года «Кент» провел несколько встреч с агентурными работниками берлинских резидентур. Однако восстановить связь так и не удалось.

100

После провала «Хемница», ареста «Кента» гестапо удалось с помощью шифра «Кента» расшифровать ранее переданные радиограммы Центра и приступить к ликвидации оставшейся советской агентуры в Берлине.

Так проведенная «Кентом» сложная агентурная операция по установлению личного контакта с сотрудниками берлинских резидентур не только не принесла пользы, а, наоборот, привела к провалу этих организаций.

К концу 1942 года под контролем немецкой разведки работали наши радиостанции «Сызрань», «Сахалин», «Остров», «Зима», «Орск». Практически на всех станциях были немецкие радисты. Радиоаппаратура находилась в тех же местах, где и была захвачена.

Радиоигру немецкой контрразведки с Москвой вела группа особого назначения. Ее курировал лично Геринг. Игра продолжалась около восьми месяцев, с декабря 1942 года по июль 1943-го, до тех пор, когда Леопольду Трепперу по рации французских коммунистов удалось сообщить о полном провале резидентуры.

За это время произошел разгром резидентуры «Золя». У Озола Валдемарса тоже не было прямой связи с Центром, и 11 марта 1943 года Разведуправление передало тому же «Кенту» приказ установить контакт с «Золя». А «Кент», к тому времени арестованный в Марселе уже пять месяцев, находился в руках гестапо. Немцы расшифровали радиограмму, где были основные данные на «Золя» и его супругу, и без особого труда расправились

с разведчиками.

Такая же участь ожидала и резидентуру «Гари». После оккупации Франции Генри Робинсон остался без связи. Центр через «Отто» по радиостанции «Хемница» отдал указание об установлении с ним контакта. Гестапо вступило в игру. Она наблюдала, как вербовался и готовился радист «Жак», как для радистки «Евы» прибыл из Центра передатчик. Были проведены даже пробные радиосеансы по программе «Амур». Однако все эти мероприятия уже шли под контролем гестапо. Вскоре после этого резидентура «Гари» перестала существовать.

101

Одна из немногих, кому удалось выжить, — резидент-радистка «Соня», она же Урсула Кучинская, она же «Гамбургер», она же «Бартон». Сегодня в Германии «Соня»,пишет книги и больше известна под своим литературным псевдонимом Рут Вернер.

«Соня» была завербована в Китае в 1930 году самим Рихардом Зорге. О ней рассказ в следующей главе.

В эфире «Соня»

Офицер службы безопасности мило улыбался. Разговор шел ни о чем. Как ей нравится Швейцария? Не беспокоит ли шум на улицах?

Госпожа Гамбургер непринужденно шутила, восхищалась Женевой. Но внутренне оба собеседника были напряжены. Сотрудник безопасности готовился разоблачить эту кокетливую госпожу. Как она запоет, когда он раскроет все карты. Офицер предвкушал разоблачение.

— У нас есть точные сведения, — глядя в упор, сказал он, — вы прячете радиопередатчик. Стук ключа Морзе слышала разносчица бакалейных товаров...

Представьте себе состояние человека, у которого действительно дома в тайнике хранится радиопередатчик. Мысль одна: это полный провал. Но как стало известно? Откуда? В какое время были последние сеансы связи с Центром? Когда у дома появляется бакалейщица?

Госпожа Гамбургер старалась быть спокойной. Лишь беспечно отмахнулась:

— Что вы, господин офицер, это детская игрушка. Его можно купить в ближайшем детском магазине. — Она попыталась улыбнуться: -— Приглашаю вас к себе в дом. Вы увидите это телеграфный аппарат и телеграфиста — моего маленького сына.

В доме была такая игрушка, и сын до ухода в школу активно ее эксплуатировал.

103

Искренность госпожи убедила офицера, он отпустил посетительницу, и та на ватных ногах покинула полицейское управление.

Она вспомнила русскую пословицу. Кто-то из ее друзей в Москве, то ли Николай Шичков, который обучал ее азам радиодела, то ли Наташа Звонарева сказала однажды: знала бы, где упасть, соломку бы подстелила. Выходит, в этот раз она успела подстелить соломку.

Но, как говорят, береженого Бог бережет. Уже на следующий день она увезла передатчик в другое место, в горы, к знакомому крестьянину.

Швейцария была третьей командировкой советской разведчицы Гамбургер, а иначе «Сони», как ее звали в Центре.

Псевдоним «Соня» придумал ей Рихард Зорге. Впервые они встретились в Китае, куда «Соня» вместе с мужем Ральфом — архитектором — приехали из Германии. Уезжая из Берлина, она в кругу друзей сказала, что не хотела бы сидеть без дела в доме. Откровенно говоря, сказала и забыла. Но однажды вечером в их квартире в Шанхае появится гость: высокий человек с густыми, вьющимися волосами. Он умел к себе расположить.

Это был Зорге. Тогда он и напомнил «Соне» ее берлинский разговор.

Многого она тогда не знала. Да и не могла знать. Но кое-что Рихард объяснил. В том числе и об опасности, которая подстерегала ее, если согласится на сотрудничество. Она согласилась.

Гостеприимный дом «Сони» должен был стать домом встреч нужных людей. Сложность состояла в том, что она с мужем еще не обзавелись собственной квартирой. Они жили у земляка-немца, представителя одного из германских концернов в Шанхае.

Но «Соню» это не смущало. И хозяин, и муж были рады новым друзьям. Хотя никто из них и не подозревал, что это за связи и куда они ведут.

Нередко случалось так: внизу устраиваются гости, звучит музыка, хозяйка старается никого не обойти вниманием, а в комнате наверху Зорге встречается со свои-

ми помощниками. Вскоре «Соня» начинает понимать: приемы гостей не спасут положение. Надо разнообразить легализацию тайных свиданий. Но как? Она ищет выход. Однако выбор не так широк. И надо быть предельно осторожной. Шанхайская охранка жестока до изуверства. Головы шпионов для устрашения на кольях выставляют у городской стены.

Подсказку дает сама жизнь. Как-то за чаепитием жена

американского представителя фирмы «Симменс» Зауэра, которая родилась в Китае, рассказала историю. Однажды в провинции ее с удивлением спросили: «Вы говорите по-китайски, а ваш муж знает всего три слова. Давно ли он живет в Китае?» — «Тридцать лет»,— ответила госпожа Зауэр. «Тридцать лет? — удивились крестьяне. — Значит, за десять лет он выучивал одно слово?»

«Соню» осенило. Вот оно, прикрытие их разведработы.

Муж поддержал и дал добро на изучение супругой китайского языка. Теперь под видом преподавателей китайского в дом приходили нужные Зорге люди.

Позже, уже в Москве, она узнает, сколь высокую оценку ее явочной квартире дал «Рамзай».

Она покинула Шанхай в 1935 году.

А дальше была столица ее второй родины. Здесь «Соня» прошла полную подготовку по программе радиста, освоила оперативную работу, изучила основы радиотехники, приемы передачи азбуки Морзе и даже обучилась конструированию двухкаскадных передатчиков.

Ее московская радиоподготовка даст о себе знать уже в следующую командировку — в Польше, но особенно в Швейцарии, перед войной, когда резидентура Шандора Радо с ценнейшими материалами останется, по сути, без радиста. Вот тогда «Соня» на своем передатчике и сообщит в Центр: «Директору. По данным, полученным от швейцарского офицера разведки, Германия сейчас имеет на Востоке 150 дивизий. По его мнению, наступление Германии начнется в конце мая».

Но до этого сообщения было еще далеко. После окончания курса подготовки в Москве «Соня» направляется в Польшу.

105

1936 год. В Польше жить трудно. Каждые десять дней надо получать разрешение на пребывание в стране. Но даже в этих условиях «Соня» пытается наладить связи с полезными для разведки людьми.

Вскоре по приказу Центра она переезжает в Данциг. Обстановка в «польском коридоре» осложнялась: фашисты закреплялись здесь. Работа требовала большой осторожности и мужества. Но наша «Соня» с ней справилась. Она самостоятельно собрала передатчик, приобрела на местном радиорынке приемник и передавала информацию в Центр.

За успешную работу в Польше «Соня» была награждена орденом Красного Знамени № 944. Награду в Кремле ей вручил сам Председатель Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета, формальный президент страны Михаил Иванович Калинин.

В 1938 году по решению Центра «Соня» едет в Швейцарию. Едет кружным путем, чтобы запутать след. И вот она, состоятельная, беззаботная дама с двумя детьми и няней, останавливается в Женеве.

Вновь вхождение в обстановку, поиск знакомых, налаживание связей, сборка своими руками радиопередатчика. 28 октября 1938 года «Соня» передала первую радиограмму в Центр. На центральном радиоузле разведуправления ее знали как корреспондента «Жмеринка».

Рассказывает ветеран спецрадиосвязи ГРУ К.Покровский:

«Всех радиооператоров центрального радиоузла военной разведки предупредили: корреспонденту «Жмеринка» максимум внимания. Чтобы ускорить его обнаружение и в эфире долго не держать, одновременно три оператора сели за разные радиоприемники.

В условленное время все трое обнаружили немного сбивчивый от волнения сигнал. Потом новичок передал шифрованную радиограмму и исчез.

Появления «Жмеринки» и шифровки в Москве ждали с нетерпением. Удастся ли «Соне» внедриться вместе с детьми в чуждой стране? Позволят ли обстоятельства установить прямые связи с теми, кто владел

разведданными, крайне важными в предвоенные годы для Советского Союза? И, главное, — как справится она с радиостанцией и организацией радиосвязи с Москвой? Этот вопрос больше всех волновал бывшего радиста Балтфлота, а позднее полковника Н.Шечкова, первого наставника «Сони». Все-таки у нее, как у разведчика-радиста, было маловато опыта.

К счастью, все получилось. «Соня» вышла в эфир и сообщила: группа разведчиков действует, их донесения передаются в резидентуру «Дора» для обобщения».

А условия работы, даже в такой нейтральной стране как Швейцария, становились все более сложными. Пришло сообщение: решением правительства запрещен выход в эфир радиолюбителям. Неужто придется замолчать? Нет, об этом не могло быть и речи. И «Соня» вместе со своими помощниками, «Джоном» и «Джимом», которых сама завербовала и обучила радиоделу, ищут выход. Рассредоточены тайники, сжаты до предела сроки пребывания в эфире, радиопередатчик кочует по всей округе. Но шифрограммы идут в Центр.

С началом Второй мировой войны в Европе многие резидентуры Разведуправления остаются без связи.

Впоследствии известный советский разведчик Шандор Радо в

своих воспоминаниях напишет: «Моя разведгруппа с началом Второй мировой войны оказалась в тяжелом положении. Швейцария наглухо перекрыла свои границы, почтой, как мы делали раньше, добытую информацию не перешлешь. Что предпринять? Каким каналом связи воспользоваться? У нас был радиопередатчик, его разрешалось расконсервировать при крайней необходимости. Такой момент настал. Но беда была в том, что группа не имела ни радиста, ни шифра, ни программы радиосвязи. Я нервничал, удивлялся молчанию Центра. В военное время остаться без связи!

Вскоре нашему ожиданию пришел конец. После понятных предосторожностей ко мне в женевскую квартиру постучала женщина, высокая и стройная, в облегающем шерстяном платье, лет тридцати пяти. В кабинете мы обменялись паролями.

107

— Мой псевдоним «Соня», — с улыбкой сказала гостья.

Так «Соня» пришла на помощь резидентуре «Дора». Она месяцами передавала донесения Шандора Радо.

В апреле 1941-го «Соня» радирует: «Все германские моторизованные дивизии на Востоке. Войска, расположенные ранее на швейцарской границе, переброшены на юго-восток. Дора».

Для сотрудников разведуправления было совершенно ясно — надо срочно укрепить женевскую резидентуру. Случись ошибка, неточность, и группа лишилась бы единственной радиостанции.

Указание изыскать возможность организации еще одной линии связи получил сам резидент — Шандор Радо.

Вскоре судьба улыбнулась разведчику. Хозяин радиомагазина и мастерской Эдмунд Хаммель и его жена Ольга согласились помочь Радо.

«Ольга работала с азартом, — вспоминала «Соня». — Случалось, что заспанный Эдмунд в пижаме и ночных туфлях заглядывал в кухню, где мы практиковались, и жалобно вопрошал: „Еще не кончили? Когда же, наконец, ты пойдешь спать?" Ольга нетерпеливо отмахивалась».

Итак, «Соня» и ее помощники «Джон» и «Джим» обучили Хаммелей обращению с передатчиком. В ночь с 22 на 23 июня 1941 года «Мод» и «Эдуард» (такие псевдонимы получили Хаммели) передали радиограмму в Центр: «Директору. В этот исторический час с неизменной верностью и человеческой энергией будем стоять на передовом посту. Дора».

Но «Сони» в это время в Швейцарии уже не было. Центр принял решение направить ее в Англию, тем более что она вышла замуж за англичанина Л.Бартона и получила английское

гражданство.

Перед ней стояла главная задача: удачно легализоваться, затем собрать радиопередатчик и установить связь с Москвой.

15 мая 1941 года позывные «Жмеринки» вновь услышали на приемном центре.

108

А потом наступило 22 июня. «Соню» потрясла война. Она плакала. «Однажды, приехав из Оксфорда, где я жила, в Лондон, — вспоминала разведчица, — чтобы поговорить с отцом, успевшим бежать из Германии, я узнала от него, что, по мнению ведущих политиков и военных кругов Англии, Советский Союз потерпит поражение не позднее, чем через три месяца. Эту точку зрения в беседе с отцом подтвердил видный деятель лейбористской партии Стаффорд Криппс. «Германский вермахт пойдет сквозь Россию, как горячий нож проходит сквозь масло» — позднее это высказывание стало повсеместно известным».

26 ноября 1941 года «Соня» получает из Центра письмо: «Мы по-прежнему крайне нуждаемся в радистах. Приложите все усилия к тому, чтобы найти по крайней мере одного или двух...» И она вербует и готовит радиста. В стадии разработки находились и другие кандидаты. К сожалению, информационные возможности «Сони» в Лондоне были ограничены.

В июне 1945 года «Соне» была передана новая агентурная радиостанция «Тензор». Особое внимание уделялось вопросам радиомаскировки: все радиоданные сеансов связи менялись, а за внеочередными вызовами корреспондента на центральном радиоузле вводился круглосуточный контроль.

Новая радиостанция была опробована на связи с Москвой и показала хорошие результаты.

Оценивая разведывательную деятельность «Сони» в предвоенный и военный периоды, ее руководители в Центре сделали такой вывод: «Разведчица-радистка «Соня» длительное время работала на советскую военную разведку. Она сумела не только организовать добывание важных для командования сведений, но и своевременно передавать их в Центр на изготовленной ею же в нелегальных условиях радиостанции.

Работа радиста резидентуры не яркая. Она требует серьезной психологической закалки, умения сжиться с мыслью, что каждую минуту тебя подстерегает смерть. Она требует крепких нервов и самообладания.

109

Каждый радист отдавал себе отчет, что обнаружение у него в квартире радиопередатчика грозило смертельной опасностью».

После войны, вручая «Соне» второй орден Красного Знамени,

представитель Главного разведуправления сказал: «Ваши радиограммы, товарищ «Соня», были всегда снарядами, были сильнее снарядов...»

Техническое чудо Бориса Михалина

Война в одночасье перевернула все. Перед военной разведкой встали невиданные задачи. В первые три недели июля 1941 года только Западный фронт забрасывает в немецкий тыл 19 разведывательно-диверсионных групп и 7 партизанских отрядов. Всего 500 человек. Сила большая. Но, оказывается, эти полтысячи разведчиков мало что могут сделать.

Перелом наступает только в сентябре. Что же случилось в сентябре? На этот вопрос начальник отдела агентурной разведки Разведуправления в годы войны генерал Н.Шерстнев ответил так:

«Из всех видов связи Центра с агентурой радиосвязь оказалась основным средством. Именно с тех пор, как в сентябре 1941 года поступила на вооружение радиостанция «Север». До появления этой рации потери агентуры были исключительно большими...»

Итак, радиостанция «Север», или как, ласково называли ее радисты, — «Северок». История появления этого технического чуда увлекательна и трагична одновременно. Радиостанция по праву должна стать в один ряд с такими всемирно известными изобретениями, как создание лучшего среднего танка Второй мировой войны Т-34 или гвардейского миномета «Катюша». Только вот

111

о танке и «Катюше» известно многое, а о «Северке» почти ничего. А ведь не появись станция в первые трудные месяцы войны, потери нашей разведки в тылу врага были бы исключительно большими.

Эту радиостанцию боготворили не только разведчики. Как считает ветеран спецрадиосвязи полковник в отставке А.Семенников, «Северок» был технической основой партизанского радио. «Именно она приносила долгожданные вести из Москвы, поднимала дух советских людей в борьбе с врагом. И мы вправе сказать: тот, кто создал это маленькое чудо - удобную, надежную, портативную радиостанцию, — незримо участвовал в боевых операциях военных разведчиков и партизан.

Недаром за разработку станции автор в 1942 году был удостоен боевой награды - ордена Красной Звезды. Имя этого человека — Борис Михалин».

История создания малогабаритной и единственной в своем роде агентурной радиостанции «Север» началась в 20-е годы.

Тогда впервые на вооружение войск связи Красной Армии

стали поступать средние и длинноволновые ламповые радиостанции отечественного производства. И уже сразу стало ясно — ни одна из этих радиостанций не может быть использована в разведке. Прежде всего из-за малой дальности связи, а также большого веса и габаритов. Достаточно сказать, что радиостанция для штаба фронта могла уместиться только... в железнодорожный вагон. А чтобы перевезти армейскую радиоаппаратуру, заказывали восемь двуколок, дивизионную — четыре двуколки. Представьте себе тайного агента, которого по тылам врага сопровождает гужевая колонна с радиоаппаратурой.

В 1931 году радиоинструктор 4 отдела штаба Дальневосточного военного округа писал в Разведуправление:

«Положение дел в Хабаровске плачевно. Имеется передатчик на шести единственных лампах. Питание от аккумуляторов, которые никак не удается зарядить. Электростанция, как правило, не работает. Второй передатчик — самодельный. Смонтирован плохо. В работе

112

часто отказывает. Настраивается только на одну волну. Для ремонта деталей нет... Агенты-радисты, отправляющиеся за рубеж, подготовлены слабо.

Причины: нет методических указаний руководства, нет наглядных пособий, нет никаких справочных материалов».

Эта цитата из письма радиоинструктора разведотдела округа, который в ту пору находился на важнейшем участке действий военной разведки — Дальнем Востоке, отражает реальное состояние радиосвязи ГРУ. Что ж, как говорится, из песни слов не выбросишь. Таковы были объективные реалии периода зарождения и становления службы.

Уже тогда в разведке понимали: нужна небольшая, компактная, современная агентурная радиостанция. Однако от понимания до конкретного изобретения дистанция огромного размера. И дело не только в людях — конструкторах, инженерах, рабочих. Чтобы создать радиостанцию, нужны редкие металлы, сплавы, необходимые химические вещества, и следует наладить выпуск малогабаритных анодных батарей, элементов накала и еще многого другого. А если поставить изобретение на поток, потребуются тысячи, десятки тысяч подобных комплектов. Задача архисложная.

В 1939 году никому не известный студент Московского электротехнического института Борис Михалин начал разработку портативной радиостанции. И хотя Борис еще учился в институте, за его плечами был немалый жизненный опыт. Тринадцатилетним мальчишкой начал он трудиться, увлекся радиолюбительством,

работал на подмосковном радиоцентре, посещал рабфак. И вот теперь решил дерзнуть: создать малогабаритную радиостанцию для геологов, полярников.

Научный руководитель Михалина профессор Борис Асеев предложил посмотреть на конструкцию шире, в частности, подумать об использовании станции в военных целях. Асеев сумел разглядеть в студенте Михалине будущего талантливого инженера и конструктора и привлек его к работе в лаборатории Наркомата обороны.

Молодому изобретателю помогали Артемьев, Покровский, Мухачев. Закончив разработку радиостанции, Михалин защитил дипломный проект, который вполне мог бы стать кандидатской диссертацией.

Надо сказать, что Борис Михалин сделал весьма удобную, надежную и в то же время гениальную по своей простоте конструкцию. Чтобы уменьшить вес и габариты, изобретатель разработал так называемую трансивную схему, когда для приема и передачи использовались одни и те же лампы и большинство деталей. В результате приемопередатчик весил всего два килограмма (!). Батареи, правда, были тяжелее в три раза. Полный комплект рации размещался в двух холщовых сумках.

Рация получила название «Омега». К сожалению, перед войной был изготовлен только единственный опытный образец.

С началом войны стало очевидно: надо из нескольких опытных образцов выбрать лучший. Но как? Представитель НКВД отстаивал свое изобретение — радиостанцию «Белка», военная разведка, естественно, хотела видеть в строю «Омегу».

В сентябре 1941 года в кабинете заместителя начальника Главразведуправления генерала Большакова состоялось большое совещание, на котором горячо обсуждали недостатки и достоинства станций-конкурентов.

«Кабинет был забит до отказа знакомыми и незнакомыми лицами, — вспоминает ветеран службы спецрадиосвязи ГРУ майор в отставке Константин Покровский. — Кто-то уступил мне краешек стула. Сел, осмотрелся. Лицо генерала выражало напряженное внимание... Почувствовалась обстановка горячего спора, но еще не ясна была его причина.

Выступал незнакомый мне человек:

— ...Кроме того, эта станция была уже в деле, в тылу немцев, и показала себя с лучшей стороны.

— Я понимаю, — горячо и решительно перебил его Асеев, — каждый кулик свое болото хвалит, однако во всех случаях должен присутствовать здравый подход и технический анализ...

Становилось ясным, что шел спор по поводу новых разработок агентурных радиостанций. С одной стороны, защищал свою разработку представитель НКВД, с другой — сотрудник института Главного разведуправления. В армейских разведорганах, в органах НКВД, в партизанских отрядах и соединениях ощущался прямо органический недостаток в малогабаритных, с малым весом, экономичных и удобных для работы в тылу противника радиостанциях.

...Волновался Борис Петрович, защищая изящную схемную придумку молодого специалиста, дипломанта Бориса Михалина, нашедшего талантливое решение использования ламп двухвольтовой серии. Неожиданно, подчиняясь эмоциональному порыву, Асеев заключил:

— Нельзя же сравнивать пустую баночку из-под гуталина со скрипкой Страдивари.

На мгновение наступило неловкое молчание...» Откровенно говоря, за такие слова Борис Петрович Асеев мог поплатиться и головой. Но дело — превыше всего. Шла страшная война, на карту были поставлены миллионы жизней, судьба Отечества.

...Подводя итоги совещания, генерал Большаков сказал:

— Вряд ли в стенах этого кабинета мы найдем единственно верное решение.

И предложил провести полевые испытания радиостанций. Но представитель НКВД тут же возразил: нет времени на испытания, да и «Белка» не нуждается в них.

Все-таки на испытаниях настояли. Начальник службы спецрадиосвязи Рябов привел убедительные доводы: практические испытания займут всего две недели; отряд разместится поблизости от приемного центра; никаких помех друг от друга, зато постоянный контроль.

...Уже через два дня в лесу вырос палаточный городок, заработали станции-конкуренты.

Сохранились воспоминания одного из участников эксперимента:

«Специальный отряд, состоявший из нескольких десятков радистов, инженеров, конструкторов под коман-

дованием молодого радиста лейтенанта А.Дележи, успешно вел полевые испытания радиостанций-малюток, предназначенных для работы в особых условиях, проще говоря, в тылу противника. Испытания проходили в подмосковных лесах, над нашими головами часто шли воздушные бои. В конце сентября выпал снег, занесло наши палатки, это усложнило условия проведения

испытаний, но зато приблизило их к экстремальным, что так часто встречается в жизни.

Почти все станции показали нужные результаты, но особенно, по моему мнению как коротковолновика, ставшего давно профессионалом, была хороша «Омега» Б. Михалина. Это она впоследствии стала тем легендарным «Севером», которым были оснащены многие формирования разведчиков и партизан. Высказывая свое мнение по этому поводу, я заметил профессору Асееву, по предложению которого я оказался в отряде, что с такой станцией готов хоть завтра отправиться в тыл к немцам, если бы мне только разрешили. Борис Павлович благодарно улыбнулся: «Омега» была его подопечной, его болью, его радостью...»

Как известно, между исходными образцами и серийным производством лежит сложный и долгий путь даже в мирное время, а не то, что в войну, не говоря уж о голодающем, отрезанном от всей страны, блокадном Ленинграде.

Но именно здесь, на заводе имени Козицкого, было принято решение выпускать «Омегу» Михалина, которая в промышленное производство пошла под названием «Север».

Потребность в радиостанциях была просто огромна. Она оказалась незаменимой для партизан, разведгрупп ГРУ, спецгрупп НКВД, подпольных организаций. Рождение серийного «Севера» шло тяжело. Не хватало исходных материалов, голодали рабочие и техники. Конструктор Михалин делился своим скудным, крошечным пайком с подростками, которые работали в цехах завода.

Рабочие, голодные, едва стоя на ногах, не отходили от станков, монтажных столов по две-три смены. Курировал выпуск станции представитель разведки Ленин-

градского военного округа Н.Стромилов, — известный полярный радист. Назначая его на эту должность, командование было уверено: его опыт поможет добиться серийного выпуска радиостанции «Север» в рамках жестких технических параметров.

В ходе изготовления станции возникало много неожиданностей, непредвиденных ситуаций. Вот лишь одно из многих.

Рация «Север» имела три радиолампы: две — отечественные и одну — импортную. Станция конструировалась в мирное время, и проблем с приобретением иностранных ламп не было. Но где их взять в войну, да еще в блокадном Ленинграде? Местные разработчики сами покинули город, кто ушел на фронт, кто находился в эвакуации. Однако без лампы — нет радиостанции.

Сотрудники разведотдела Ленинградского фронта,

представители завода бросились на поиски. К счастью, быстро нашли инженера, талантливого специалиста— «ламповика». И он за короткий срок создал новую лампу, не уступающую иностранной по своим параметрам и меньшую по размерам.

Возможно, этот человек и не подозревал, что совершил подвиг. Его изобретение спасло жизнь десяткам тысяч советских солдат и офицеров.

К сожалению, имя этого инженера осталось неизвестным.

«Север» оказался массовой радиостанцией, которая стояла на вооружении разведки и партизан. Известна, например, цифра, что на ней работали свыше трех тысяч радистов ГРУ.

По свидетельству многих из них, станция была проста в управлении и, что очень важно, — выносliва. Она с успехом переносила тряску фронтовых дорог, толчки при спуске с парашютом.

Зная почерк радиста и особенность «Севера», радиооператор узла мог распознать своего корреспондента, что было очень важно в разведке.

В 1944 году, когда вся Белоруссия уже будет освобождена, отдел связи штаба партизанского движения рес-

публики сделает такое заключение: «В основном рация «Север» не только себя оправдала, но, что очень характерно, вытеснила почти все другие типы станций».

Для примера можно привести некоторые цифры. Так, партизанские радисты, действующие в зоне 1-го Прибалтийского фронта, в июле 1943 года имели у себя — двадцать восемь радиостанций «Север» и только одну «Белку». Жизнь и практика разрешила спор в пользу изобретения Бориса Михалина.

Полюбили «Север» не только разведчики и партизаны, но и наши военачальники. Многие командующие фронтами, выезжая в войска, брали с собой радиста со станцией «Север».

Полковник Л.Внодченко, давая характеристику войсковой радиосвязи в войне с Японией, писал: «Опыт показал, что в горно-таежных районах способы организации радиосвязи отличаются от обычных. Экранирующее действие гор снижало эффективность радиосвязи: мешали горные хребты.

Сказывалось это и при развертывании связи в долинах. Ливневые дожди вызывали большие перебои, а иногда и полное прекращение связи.

И тогда широко использовалась станция разведки «Север». На ней держали связь штаб фронта с войсками, с воздушными десантами, высаженными в крупных районах, в городках Маньчжурии и Кореи. Связь была вполне устойчивой. Станция

«Север» зарекомендовала себя с лучшей стороны».

Известны случаи, когда радиосвязь силами и средствами армейских связистов установить не удавалось. Так было в 1942 году под Ленинградом, когда в окружение попал штаб 2-й ударной армии Волховского фронта. Разведчик-радист В.Головин был выброшен с парашютом в район окруженного штаба и оттуда держал связь через станцию «Север» с радиоузлом разведки фронта.

При проведении Керченско-Феодосийской операции радисты Туляков и Приходко с «Северками» были в составе десанта и надежно держали связь со штабом армии.

118

Знали о рации и враги. Фашисткое командование объявило о крупной награде. За пленение радиста с рацией «Север» гарантировалось вознаграждение в сто тысяч немецких марок.

Разведчик П.Автономов («Галка») трижды прыгавший в тыл врага в качестве радиста группы «Кудрявый» в своем отчете писал:

«...Там, за линией фронта, находясь вдалеке от родной земли, где душу терзает тоска по русским людям, по всему родному и близкому, где приходилось частенько курить мох и делить поровну с боевыми друзьями кусок конины, там, где велся неравный бой и постоянно был риск оказаться раненым и готовым пристрелить себя, чтобы не попасть в лапы фашистов, где не существовало спокойного сна и нервы напряжены до предела, там по-настоящему понимаешь, что для тебя значит простое русское слово — Родина.

С восемнадцати лет я воевал. И пусть потерял много здоровья и нервов, пусть кровь моя и щепки от радиостанции остались под Ленинградом, я прошел весь путь войны от первого до последнего дня со своим грозным оружием и своим любимым «Северком» и вышел победителем!»

Вот так у радиста-разведчика воедино слились понятия: война, Родина и любимый «Северок».

Остается добавить, что Борис Андреевич Михалин успешно работал и после войны. В 1958 году он возглавил разработку аппаратуры нового поколения — малогабаритной быстродействующей радиостанции «Электрон», а в 1963-м на базе этой станции создавал известную в кругах радистов-разведчиков аппаратуру «Протон».

В 1967 году талантливого конструктора не стало. А его легендарный «Север» ныне представлен не только на выставочном комплексе Мемориала на Поклонной горе в Москве, но и в музеях Англии и США. И право же, это изобретение давно достойно того,

чтобы выйти из небытия.

Сведения о противнике противоречивые...

Маршал Советского Союза Георгий Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» так пишет о первом дне войны:

«На командный пункт (имеется в виду КП командующего Юго-Западным фронтом. — *Авт.)* прибыли поздно вечером, и я тут же переговорил по ВЧ с Н.Ф.Ватутиным.

Вот что рассказал мне Николай Федорович:

«К исходу сегодняшнего дня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые».

«Сведения о противнике противоречивые...» Что может быть прискорбнее подобного заключения. Это значит только одно: командование не ведает истины, не знает настоящего положения дел. И первая вина в этом — разведки.

За семь месяцев войны в тыл фашистов направлено около десяти тысяч разведчиков и партизан. Проблем у Центра с разведывательно-диверсионными группами и отрядами много, но главная — связь.

Верховный Главнокомандующий И. Сталин в своей директиве скажет: «Связь — основное средство, обеспечивающее управление войсками. Потеря связи — есть потеря управления».

Это означало, что необходимы как минимум три составляющие: малогабаритные, переносные радиостанции с автономным питанием; радисты, которые могли бы работать «под носом» у врага и обеспечивать быструю связь на большие расстояния; и наконец, сеть радиоузлов военной разведки. Им предстояло обеспечивать прием и расшифровку информации из многочисленных источников.

К счастью, радиостанция «Омега», конструктора Бориса Михалина уже была. Ее предстояло поставить на поток.

Что же касается подготовки радистов-разведчиков, то уже через десять дней после начала войны была создана отдельная запасная радиорота, позже развернутая в радиобатальон, а потом в школу младших радиоспециалистов.

Эта та самая легендарная горьковская (сормовская) школа, которая на первых порах готовила радистов и для военной разведки, и для НКВД, и для партизан.

Несмотря на все трудности военного времени, туда попадали только добровольцы и только из средних и высших учебных заведений. Отбор был жесточайший.

Вот как об этом вспоминает бывший начальник штаба школы младших радиоспециалистов полковник в отставке Александр Никифоров:

«К подбору кандидатов подходили серьезно. Иначе и быть не могло. Многим из них после окончания школы предстояла тяжкая работа в тылу врага. Там наших радистов ждала не романтика, а суровая военная действительность, где требуется точный расчет и ни одного необдуманного шага.

Накануне зачисления в беседах с будущими курсантами предупреждали: «Можешь попасть в руки фашистов, и тогда — пытки, мучительная смерть». Не каждый соглашался быстро и спокойно. Но абсолютное большинство давали утвердительный ответ.

121

Режим работы и жизни в школе был напряженный: занятия по двенадцать—четырнадцать часов в сутки, практические тренировки планировались даже по ночам. Выходных; как таковых, для курсантов не существовало.

Учили крепко, понимая, что в тылу врага радисту на чью-то помощь рассчитывать не приходится».

И вправду, даже такая удачная рация «Север» обеспечивала связь на пятьсот—шестьсот километров, а удаление разведгрупп от Центра зачастую превышало это расстояние. Трудности приходилось компенсировать виртуозным мастерством. Радист должен был из «минимощности» рации выжать все, обеспечить бесперебойную связь, провести сеанс в кратчайший срок и быстро покинуть район. Иначе вражеская пеленгация, захват, плен.

Следует учитывать и то, что работа в лесах, в отрыве от населенных пунктов, требовала не только высокого операторского мастерства, но и хорошей технической подготовки. В тылу противника нет радиомастерских, складов с запчастями, нет опытных преподавателей, инженеров и техников. Зачастую не у кого спросить совета, получить консультацию. Радист — он и швец, и жнец — и на дуде игрец. Ибо в разведке неисправность аппаратуры — это не просто потеря связи, это верная гибель группы.

Наконец, жизнь и работа во вражеском тылу связана с постоянным риском, нервным напряжением, длительными переходами, предельными физическими нагрузками.

Все это понимали командиры и радиоинструкторы сормовской школы. И поэтому, как сказал один из ветеранов школы, «пропускали курсантов через такие жернова, после которых там, за линией фронта, не было для них ничего неожиданного, сложного, доселе неизвестного».

Была выполнена и третья задача — развернута сеть подвижных радиоузлов разведки фронтов. Правда, дело двигалось трудно: не хватало аппаратуры, квалифицированных специалистов. Ведь для радиоузлов разведки не подходила типовая армейская аппаратура. Нужны

122

были специальные радиопередатчики и приемники, а они либо выпускались мелкими партиями, либо вообще не производились в стране.

Были и свои, сугубо специфические проблемы и трудности для каждого радиоузла, в зависимости от места его дислокации, периода войны, хода боевых действий фронта.

Генерал-майор в отставке Иван Петров, проходивший службу на радиоузле разведки Ленинградского фронта во время блокады города, вспоминает:

«К осени 1941 года обстановка на Ленинградском фронте сильно осложнилась. Враг вышел на подступы к Ленинграду.

В результате обстрелов и пожаров сократились запасы продовольствия, уменьшились топливные ресурсы.

В этих условиях радиоузел обрел свое второе рождение. Задача состояла в том, чтобы в самые короткие сроки оборудовать подвальные помещения Русского музея по требованиям противовоздушной и противоартиллерийской защиты, демонтировать передатчики на радиоцентре Наркомата связи СССР и смонтировать их в новом помещении передающего центра, построить новое антенное поле в саду Ракова, прилегающего к Русскому музею, а также оборудовать жилое здание в пригородах Ленинграда в районе поселка Шувалово под приемный центр со строительством специальных антенн в близлежащем парке.

Работы начались одновременно на всех объектах и проводились круглосуточно. Основной объем монтажных и строительных работ выполнялся силами специалистов радиоузла. Напряжение людей было огромным».

У радиоузла разведки войска Польского, переданного полякам в сентябре 1944 года, была уже иная жизнь, служба, да и боевые задачи.

Руководил радиоузлом подполковник — инженер Василий Краснов.

«В Польшу мы прибыли в конце сентября 1944 года, — повествует он. — Узел был полностью укомплектован личным составом, табельной техникой.

123

С октября на радиоузле началась интенсивная подготовка

разведчиков-радистов из числа граждан Польши.

Учебная программа была рассчитана на три месяца. Наибольшее количество часов отводилось изучению азбуки Морзе и правил ведения радиообмена.

В октябре 1944 года на радиоузле заметно увеличилось поступление информации от польских разведчиков из тыла противника».

Кроме фронтовых радиоузлов, подобные центры разворачивались и в составе крупных разведывательных и партизанских формирований, таких как соединения и отряды С.Ковпака, А.Сабурова, И.Банова, П.Вершигоры, Н.Федорова. Они поддерживали связь с радиогруппами, которые действовали в отрыве от основной партизанской базы и не имели возможности связаться с радиоузлами разведки фронтов.

Одним из тех, кому пришлось разворачивать подвижные радиоузлы, был сотрудник спецрадиосвязи ГРУ Ф.Парийчук. О событиях тех лет разведчик-радист рассказывает:

«После разгрома немцев под Москвой мне была поставлена задача создать в Брянских лесах нелегальный радиоузел для связи с резидентурами на случай отступления наших войск. В апреле 1942 года с группой радистов, с аппаратурой, необходимым продовольственным и материально-техническим обеспечением мы отбыли на двух грузовых автомашинах к месту назначения. Длилась эта экспедиция почти месяц. Произошло много интересных, поучительных событий. Задача была выполнена. Узел создан вдали от населенных пунктов и магистральных дорог.

Вскоре по возвращении из командировки получил первый приказ создать подвижной радиоузел в районе Сухиничей. Он был необходим для обеспечения радиосвязи резидентурами ГРУ при отступлении противника и передислокации наших резидентур на Запад. На подготовку, комплектование узла, обеспечение его необходимой аппаратурой и всем необходимым ушло при-

мерно десять-пятнадцать дней. Начальником узла был назначен Н.Харлуков. Вскоре двинулись в путь. Выполнение этой задачи было проще, так как двигались по дорогам, хотя и разбитым. Езда на двух машинах «студебеккер» при наличии длинных тросов не представляла особых трудностей, хотя для преодоления одной заболоченной дороги иногда требовался целый день.

Такие же радиоузлы были созданы на Северном направлении в районе Калинина и на Юге».

Поскольку враг занимал огромные пространства нашей страны, Разведуправление активно работало над созданием агентурных сетей на оккупированной территории.

В сентябре-октябре 1941 года такая сеть создавалась в Москве, на случай захвата столицы немцами.

Предстояло подобрать радистов и оперативных работников, создать разведгруппы, разработать легенды, подготовить конспиративные квартиры, снабдить разведчиков документами, легализовать их, разработать программы радиосвязи и опробовать связь.

К тому времени часть Разведуправления уже эвакуировалась, остальные работники располагались в доме номер шесть на Гоголевском бульваре. За месяц было создано пятнадцать разведгрупп, обеспеченных всем необходимым (в том числе и радиосвязью) и легализованных в городе.

К счастью, эту сеть использовать не пришлось. Иначе было в других местах.

Ф.Парийчук, которому пришлось создавать агентурную сеть в Харькове вспоминает:

«Моя командировка в Харьков состоялась за несколько дней до того, как город оставили наши войска. Я и четверо радистов вылетели из Москвы спецрейсом, имея с собой несколько комплектов радиостанции «Север».

При подлете к Харькову сообщили, что аэродром бомбят. Но через некоторое время все-таки удалось сесть.

С трудом добрались до областного управления НКВД. У меня был «грозный» мандат, согласно которому все должны оказывать помощь в работе.

Я попросил начальника управления выделить мне восемь-десять надежных харьковчан, у которых можно было разместить наших радистов.

Дело оказалось весьма сложным. Если подходили хозяева, то не подходили квартиры, и наоборот. Работа шла в условиях налетов немецкой авиации.

Дня за три до сдачи Харькова удалось легализовать все радиостанции, успели провести даже контрольные сеансы радиосвязи».

Итак, решение триединой задачи — подготовка радистов, выпуск радиостанции «Север» и развертывание радиоузла — помогло созданию системы радиосвязи, которая в свою очередь обеспечила управление силами и средствами военной разведки.

Важнейшая составляющая этой системы — мелкие разведгруппы, засылаемые в тыл противника. Это особая

страница истории военной разведки. И прежде всего потому, что не было труднее и сложнее той работы.

Уже подсчитано: самая короткая жизнь на войне у солдата-пехотинца, да его взводного командира. Так вот разведчик, забрасываемый в тыл врага, — это и есть солдат переднего края разведки. Поэтому о нем разговор в следующей главе.

К нам приехал Гарри Гопкинс...

Есть в истории спецрадиосвязи военной разведки операции, никак не связанные с... разведкой. «Специфические задачи в особых условиях», — так называют их сами разведчики-радисты.

Подобное определение может показаться странным. Ведь в службе радиосвязи Разведуправления все задачи и специфические, и в особых условиях. И тем не менее речь действительно идет об уникальных операциях. Из сегодняшних живущих на земле о них знают единицы. Даже в самой военной разведке.

Что это за суперспецзадачи? Чтобы ответить на вопрос, надо вернуться в жаркое лето 1941-го. Теперь, из нашего далека, в самых страшных снах мы не в силах представить трагизм той ситуации.

Уже пал Минск. В плену триста двадцать тысяч советских солдат. Фон Бок бросает свои дивизии на Смоленск. Фон Лееб достиг Ковно и Пскова. Фон Рундштедт хозяйничает во Львове и Тернополе. Предчувствие катастрофы и тяжкое осознание: Советский Союз один на один с гитлеровской Германией.

В эти дни в Москву прилетает личный представитель президента США Гарри Гопкинс. Путь не близкий, опасный, но Гопкинс понимает важность визита. А как понимаем это мы! В Кремле безмерно рады посланцу из-за океана.

Все это говорит о том, что визит личного представителя Рузвельта должен был пройти без сучка и задоринки. Пришлось потрудиться Наркоматам иностранных и внутренних дел, а обеспечение связью визита возложили почему-то на службу спецрадиосвязи военной разведки.

Теперь уже сложно ответить: почему? Ведь обеспечением государственных встреч, визитов занимались иные службы. Но у людей в погонах не принято задавать подобные вопросы. Тем более в военное время, когда враг рвется к Москве.

Да и не это, в конце концов, важно. Главное другое. Как это было?

...24 июля 1941 года, вечером, командир взвода отдельной запасной радиороты лейтенант Роман Гончар был вызван на Арбат, к начальнику отдела спецрадиосвязи Разведуправления.

Пять минут на сборы личных вещей, и лейтенант прыгнул в машину.

Полковник Рябов хоть и встретил улыбкой, но был немногословен: «Времени на беседу нет. Вот пакет. Вскроете его после посадки самолета, и все будет ясно». Полковник протянул пакет, опечатанный сургучными печатями, пожал руку и добавил: «Самолет уже ждет».

Не время и не место было задавать вопросы. Хотя вопросов возникало много. Лейтенант интуитивно понял: ежели уровень секретности столь высок, что даже ему, организатору спецрадиосвязи, не раскрывают суть операции, значит, дело необычное. Как оказалось позже — историческое.

После войны Роман Гончар много читал о приезде Гарри Гопкинса в Москву. Но тогда, по дороге на Центральный аэродром, и предположить не мог, что обеспечивать связью визит посланника президента США будет поручено ему.

Пока ехал на аэродром, машину дважды останавливали патрули. Подозрительно одет был лейтенант Гончар для фронтовой Москвы — в штатский костюм, шляпу.

Самолет стоял в готовности к взлету. За Гончаром закрылась дверь, и машина вырулила к летному полю.

В салоне сидело несколько человек. Некоторые переговаривались на английском. В хвосте самолета — два чемодана и аккумуляторы.

Лейтенант понял: это радиоаппаратура.

Самолет лег на курс, и пассажиры по левому борту, в иллюминаторы увидели море заградительного огня. Впечатляющее зрелище. Поняли: фашистские самолеты опять рвутся к столице.

Через два часа полета самолет словно переместился из тени в свет. Стало ясно, что летят они на север и уже вошли в полосу белых ночей. Гончар вспомнил город на Неве, годы, проведенные в училище связи.

Но самолет забирался все дальше на север. Зашли на посадку, внизу показался аэродром. Полноводная река и большой город на берегу. Оказалось, это Архангельск.

Всех пассажиров увезли, и на взлетной полосе осталось трое: лейтенанты Гончар, Савельев и старшина Мельников. Было три часа утра 25 июля.

Гончар отошел в сторону, сломал сургучную печать, вскрыл пакет. Прочел:

«Вы назначаетесь начальником радиостанции для обеспечения связи Архангельска с Москвой по прилагаемому

расписанию. В вашем распоряжении офицер специальной связи лейтенант Савельев и радист старшина Мельников. Радиостанцию развернуть в помещениях, предоставленных авиационной частью. После установления связи с Москвой надлежит прибыть к начальнику штаба Архангельского военного округа комбригу Григорьеву, и действовать согласно его указаниям».

И подпись: полковник Рябов.

Едва успел прочесть приказ, как подкатила машина.

«Кто лейтенант Гончар?» — спросил майор в авиационной форме, выйдя из машины.

Гончар поднял руку. Майор подозрительно оглядел его, остановил взгляд на шляпе. Шляпа в ту пору и вправду была не в почете.

Пришлось предъявить удостоверение. Майор сказал, что для них выделены две комнаты в штабе части. Окна зарешечены, у дверей круглосуточный пост. Выделен

129

катер для переправы через Северную Двину и связи со штабом округа.

Расписание предусматривало ночной и дневной сеансы связи, а также вызов Москвы в любое время суток. Центр следил за Архангельском каждые десять минут в начале часа. Этот способ связи обеспечивал высокую оперативность прохождения радиограмм.

Расписание говорило само за себя: им предстоит выполнять задачу государственной важности.

Лейтенант Гончар и старшина Мельников развернули аппаратуру и уже после пяти часов утра установили связь с Москвой.Затем Гончар переправился через Северную Двину и прибыл в штаб округа к комбригу Григорьеву.

Комбриг выслушал доклад и немало удивился сказанному. Уж он- то, как никто другой, знал качество связи его штаба с Москвой. Она была неустойчивой, а порой вообще пропадала. Телеграфная линия через Вологду также работала плохо.

И поэтому Григорьев решил сам убедиться в устойчивости радиомоста. Но перед этим он, наконец, раскрыл суть операции. Оказалось, что в ближайшие два-три дня в Архангельск должен прибыть личный представитель президента Ф.Рузвельта господин Гарри Гопкинс. После остановки в Архангельске он вылетит в Москву. На обратном пути из Архангельска отправится в Англию.

«Ваша задача, — приказал комбриг, — обеспечить устойчивую связь с Москвой. Радиограммы без задержки будете доставлять мне на катере. От меня радиограммы в опечатанных пакетах будете получать здесь под расписку. А теперь, —

Григорьев загадочно улыбнулся, — посетим вашу радиорубку».

Судя по всему, комбриг до сих пор не очень-то верил оптимистическому докладу лейтенанта Гончара. Оглядев небольшую, по привычным армейским меркам, аппаратуру, Григорьев засомневался еще больше.

Чтобы убедить начштаба, лейтенант попросил разрешения установить связь в его присутствии. Получив доб-

ро, настроил передатчик на дневную контрольную волну, передал позывные. Через две-три минуты Москва ответила, что слышит Архангельск на четыре балла.

Комбригу ничего не оставалось, как поблагодарить лейтенанта Гончара.

...Вечером 29 июля на летающей лодке «Каталина», которая совершила посадку на Северной Двине, в Архангельск прибыл Гарри Гопкинс. Его встречали: исполняющий обязанности протокольным отделом Наркомата иностранных дел, представители армии и флота.

Осмотрев порт, личный представитель президента вылетел в Москву.

Американский писатель Роберт Шервуд в книге «Рузвельт и Гопкинс» приводит дословный текст телеграммы исполняющего обязанности государственного секретаря Сэмнера Уэллеса Гарри Гопкинсу:

«Президент просит Вас при личной встрече с господином Сталиным передать от имени Президента следующее послание: „Господин Гопкинс находится в Москве по моей просьбе для того, чтобы обсудить с Вами лично или другими официальными лицами, которых Вы, возможно, назначите, жизненно важный вопрос о том, как мы можем наиболее быстро и эффективно предоставить помощь, которую Соединенные Штаты способны оказать Вашей стране в ее великолепном сопротивлении вероломной агрессии гитлеровской Германии.

Я уже уведомил Вашего посла, господина Уманского, что правительство Соединенных Штатов окажет всю возможную помощь в получении вооружения, снаряжения и других видов снабжения, необходимых для удовлетворения самых неотложных нужд и которые могут быть доставлены для реального использования в Вашей стране в ближайшие два месяца.

...Поездка господина Гопкинса в Москву в настоящее время будет, по моему мнению, исключительно важной, так как в результате ее нам здесь, в Соединенных Штатах, станут ясны Ваши срочные нужды, мы сможем прийти к наиболее эффективным решениям о том, как упростить организацию

поставок и ускорить их...

131

Я прошу относиться к господину Гопкинсу с таким же доверием, какое Вы испытывали, если бы говорили лично со мной.

Разрешите мне в заключение выразить общее для нас всех в Соединенных Штатах восхищение замечательной храбростью, проявленной русским народом в деле защиты своей свободы, в борьбе за независимость России"».

Визит Гопкинса в Москву завершился 1 августа 1941 года. В этот же день он возвратился в Архангельск и утром вылетел в Англию.

Вряд ли стоит кому-либо доказывать сегодня, сколь важен был этот визит американского представителя для нашей страны.

Президент США писал о «самых срочных нуждах». Сколько их было тогда у нас этих «самых самых». Понимали это и в Разведуправлении, понимал и лейтенант Гончар. Он сделал все от него зависящее. Вопросы обеспечения безопасности, встречи, проводов «начальника штаба Белого дома», как называли в США Гарри Гопкинса, решались через радиостанцию военной разведки. С 26 июля по 2 августа она, эта радиостанция, держала практически непрерывную связь с Центром, Народными комиссариатами иностранных и внутренних дел.

Давая оценку визита, посол США в Москве Штейнгардт докладывал в госдепартамент: «Прием, оказанный Гарри Гопкинсу советским правительством, и необычное внимание, уделенное ему советской печатью, ясно показывает, что правительство придает исключительно важное значение его визиту...

Гопкинс был быстро принят Сталиным, который дал ему весьма продолжительное интервью и обсуждал с откровенностью, не имеющей, насколько мне известно, прецедента в новейшей истории, цель его миссии и положение Советского Союза. Все советские газеты поместили фотографии и сообщения о визите на первых страницах, что имеет гораздо большее значение, чем во всякой другой стране.

Я уверен, что визит был исключительно приятен советскому правительству и что, как покажет будущее, он

132

оказал самое благоприятное влияние на советско-американские отношения в целом и, в частности, значительно стимулировал советские военные усилия».

Сам Гопкинс после возвращения в США заявил: «После моего совещания в России со Сталиным у меня создалось впечатление,

что президент должен установить личную связь со Сталиным».

Таким было начало союзнической помощи. В 1970 году в интервью «Комсомольской правде» маршал Георгий Жуков скажет: «Эту помощь не надо сбрасывать со счетов. Она, безусловно, сыграла свою роль. Из Англии и Америки мы получали порох, высокооктановый бензин, сталь некоторых марок, Паровозы, самолеты, автомобили, продовольствие. Но это была лишь небольшая часть всего, что требовала война».

Обеспечение радиосвязью миссии Гарри Гопкинса в Москву — один из примеров выполнения тех самых, особых задач, которые выходят за рамки служебных обязанностей спецрадиосвязи.

Что касается организации связи в ходе крупных правительственных и межгосударственных военно-политических мероприятий, при проведении особых операций Верховного командования, то тут порою складывалась такая обстановка, что спецрадиосвязь военной разведки была единственным возможным средством доставки информации.

Так было и во время встречи «Большой тройки» — И.Сталина, Ф.Рузвельта и У.Черчилля в 1943 году, когда радисты Разведуправления держали связь Тегерана с Москвой; и в период проведения труднейшей операции по переброске польской делегации из глубокого немецкого тыла в советскую столицу; и при обеспечении связью спецгруппы 1-го Белорусского фронта, проводившей арест преемника Гитлера — гросс-адмирала Деница и его правительства в 1945 году.

У каждого задания были свои особые черты, сложности, проблемы. Они не повторялись никогда. Обстановка, в которую попадали разведчики-радисты, требовала высокого профессионального мастерства, технических знаний, умения мыслить нестандартно.

Тысячи тайных «сверчков»

Разведчики-радисты — это особое племя людей. Не смею обидеть фронтовиков, ибо кто может сказать, где было труднее, опаснее — в морском бою, в воздухе, в горячей танковой атаке или в обороне в пехотном окопе. Всюду смерть на пятки наступала солдату. А ему приходилось сражаться там, где приказывали. Солдат службу не выбирает.

«Верна поговорка, да не про нашу честь», — говорят разведчики-радисты. Они-то как раз службу выбирали сами.

За ними не было заградотрядов и всевидящего ока военной разведки «СМЕРШ». На фронте не хватало бойцов, а разведчиков-радистов отбирали поштучно, просеивали через такое сито

спецпроверок, что теперь и поверить трудно. И даже после всего этого они имели право отказаться.

Я часто думаю сегодня, когда в нашей стране попраны честь и совесть, а патриотизм стал чуть ли не насмешкой над человеком, что означало тогда добровольно пойти в разведчики-радисты? Для девушки, для юноши совсем в юном возрасте самому шагнуть в тыл врага. В лапы мощнейшей карательной системы, моторизованной, подвижной, оснащенной передовой пеленгаторной техникой.

Пойти в леса и болота, где на сотни верст враги, где нет соседа ни слева, ни справа, а голос «Большой земли» — лишь мерцающий писк «морзянки».

Это могло означать только одно: великое самопожертвование во имя Родины. Понимаю: режут слух высокие слова. Понимаю: кое-кто из нынешней молодежи верит в них не больше, чем в сказку. А ведь все это было с нами, с нашей страной, с дедами тех, кто и в мирную-то армию идти не хочет. А фронт... Не дай Бог, нам с кем-нибудь воевать. Остается лишь надеяться, что и на завтра судьба припасла мир. Ибо смею утверждать: к войне мы теперь не готовы.

Правда, мы и в сорок первом не очень были готовы. Но дух народа был крепок. Мне рассказывал ветеран военной разведки, человек в ГРУ уважаемый и заслуженный, мой земляк — смолянин Александр Никифорович Никифоров — поразительные случаи из жизни курсантов сормовской школы радистов. Вот уж поистине сказка для нынешнего поколения.

Как-то боец школы, девушка, умолчала о том, что родители были раскулачены. «Смершевцы» докопались, ее отчислили. Как плакала она, просила. Прошло столько лет, а ее ротный командир Никифоров до сих пор помнит те слезы и мольбы.

Другая, узнав об отчислении, восприняла это как личную трагедию, как позор. На посту, в карауле, написала большое письмо о любви к Родине, просила не винить никого — командиров, товарищей, подруг, попрощалась и... пустила себе пулю в сердце.

Вот такие люди шли в радисты. Наверное, поэтому служба спецрадиосвязи не знает случаев добровольной сдачи в плен к фашистам.

Что же касается подвигов разведчиков-радистов, то это вообще разговор особого рода. Читая архивные материалы военной разведки, не переставал поражаться подвигам радистов. Мы с детства наизусть знаем имена асов —летчиков, подводников, танкистов, партизанских командиров и даже

разведчиков, но мало что слышали об асах-радистах.

135

Оказывается, и у разведчиков-радистов есть свои Покрышкины, Кожедубы, Маринеско, Кузнецовы. Да, у них «работа» не броская, будничная и, на первый взгляд, не такая уж сложная. Их охраняют, оберегают, случается острый момент — от пули закрывают. И это правда. Иначе нельзя. Как сказал командир разведгруппы Иван Бережной: «Вопрос связи в разведке — вопрос жизни и смерти». Оттого и оберегают, закрывают. Хотя в рейде, в бою не всегда и закроешь.

Листал я архивы, вчитывался в поблекшие строки донесений фронтовых разведчиков и думал: какие подвиги! Не секретить, не запирать их надо в сейфы... Не место им в архивной пыли!

А начать хочется с цифр. Горьких цифр и потерь разведчиков-радистов. Так, за полтора года, с мая 1943-го по декабрь 1944-го, 2-й Украинский фронт подготовил 81 радиста, а потерял 29, что составляет 35 процентов. На Карельском фронте погибло 39 процентов засланных в тыл радистов, а на 3-м Украинском — 50.

Если говорить о причинах гибели, то это еще одно подтверждение крайне опасной работы. Разведчики-радисты разбивались при десантировании и тонули в болотах, горели заживо в самолетах, гибли в боях с карателями и в застенках гестапо. Немало их пропадало без вести. Ведь тыл врага — не поле боя. Некому помочь, вынести из-под огня, о подвиге боевого товарища рассказать.

Так пропала без вести разведгруппа «Вера», в состав которой входила радистка Анфиса Горбунова. После войны в Пскове в одной из камер бывшей гестаповской тюрьмы строители за притолокой двери обнаружили пожелтевший листок из школьного учебника. На одной стороне листка кровью выведены контуры красного знамени, на другой кровью написано: «Сегодня 17-е октября 1942 года. Больше месяца сидим в этой одиночке. Нас трое. Мы честно выполнили свой долг перед Родиной. За это нас истязают фашисты. Чтобы они ни делали, мы погибнем честно, как в бою. Прощайте, товарищи! Отомстите за нас».

136

Только через тридцать лет после войны в Главном разведуправлении узнали о судьбе разведчицы-радистки Валентины Олешко. В августе 1942 года она возглавила разведгруппу, которая была десантирована в тыл противника в районе Гатчины. Еще долго операторы радиоузла Ленинградского и Волховского фронтов искали в эфире позывные Олешко. Но рация молчала.

После приземления группа была схвачена фашистами. Их

отправили в лагерь, на каторжные работы. Раненую радистку склоняли к сотрудничеству, но Олешко отвергла предложения гестапо. Отважной разведчице удалось создать подпольную антифашистскую организацию, но 1 марта 1943-го ее выдал провокатор. Радистка была казнена.

Международный планетарный центр (США) увековечил память советской разведчицы-радистки, присвоив имя Валентины Олешко планете № 2438.

В 1942 году лично Гиммлеру докладывали о возмутительном случае — гибели двух эсэсовцев в городе Тосно Ленинградской области. Шеф полиции безопасности СД в донесении № 156 от 16 января рассказывал, как во время допроса советских разведчиков — радистки Валентины Чеботаревой и лесника по прозвищу дед Вася погибли офицеры рейха. Рейхсфюрер не мог взять в толк, как безоружной девятнадцатилетней девушке удалось расправиться с опытными сотрудниками службы безопасности. Оказалось, русские молчали, и тогда охваченный яростью фашист бросал на стол пистолет и начинал избивать разведчиков. Это заметила Чеботарева. И когда в очередной раз оружие было брошено на стол, она схватила пистолет и выпустила в фашистов всю обойму.

За войну глава СС наслушался разных донесений, но чтобы такое... Гиммлер был вне себя.

Мужественно действовала в критической ситуации и разведчица-радистка Антонина Вернигора (псевдоним «Онега»). Разведгруппа, в состав которой входила Антонина, работала в тылах 2-й немецкой армии, в Польше.

В декабре 1944 года немцы начали карательную операцию. Фашисты вышли к расположению группы, когда

Вернигора, ни о чем не подозревая, в палатке вела очередной сеанс связи с радиоузлом 1-го Белорусского фронта.

Во время приема радиограммы кто-то вошел в палатку. Радистка оглянулась... У входа стоял немецкий солдат. Ему оставалось лишь нажать на спусковой крючок, но разведчица опередила фашиста. Она схватила пистолет, который всегда лежал в готовности рядом с ключом Морзе, и одним выстрелом уложила карателя.

Схватив радиостанцию, Антонина выбежала из палатки. Вокруг шел бой, немцы наседали. Бойцы группы, прикрывая радистку, стали отходить.

Героизм, мужество было присуще разведчикам-радистам не только во время столкновения с врагом, на допросах в гестапо, но и в ходе тяжкой повседневной работы в тылу врага. Там они часто

становились заложниками обстоятельств: радистка Анна Алексеева сгорела в самолете при пересечении линии фронта. В воздухе, во время прыжка с парашютом, погибла, прошитая автоматной очередью, Евдокия Громова. Утонула в озере вместе с радиостанцией при выброске разведгруппы Тина Корнейчук.

Дорого обходились разведчикам ошибки летчиков. Нередко разведгруппа десантировалась вдали от места назначения. Как правило, это была ночь, вражеское окружение и ты один... Куда идти, как найти товарищей?

Подобный случай произошел с радисткой разведгруппы «Воронкин» Анной Быковской. В августе 1944 года она была заслана в тыл врага в районе города Бяльска, что в Польше. При десантировании разведчиков разбросало. Утром, чтобы определиться в обстановке, радистка зашла в дом на краю села. Хозяин дома попытался задержать парашютистку и выдать ее немцам. Быковская уничтожила предателя и ушла в лес. Семь дней в одиночестве, в незнакомом лесу, со скудным запасом пищи, не зная языка, она искала свою группу. И нашла...

За выполнение разведзадания в тылу врага смелая радистка была награждена орденом Красной Звезды и польским «Партизанским Крестом».

В августе того же года разведгруппа «Арап», в состав которой входили радистки Галина Сущева и Лидия Вербовская, была выброшена в семидесяти километрах от места действия.

Ошибка пилотов стоила разведчикам изнурительного двухнедельного перехода по тылам, занятым врагом. Шли ночью, по лесам и горам, обходя фашистские оборонительные рубежи, засады и облавы. Встречались с украинскими и польскими националистами. И все-таки вышли в заданный район и приступили к разведке.

Радистки передали более ста ценных донесений в штаб 1-го Украинского фронта.

Действуя уже в Чехословакии, в районе Моравской Остравы, разведчики остались без связи. В бою у Галины Сущевой пулей была пробита радиостанция «Север». Однако радистка с помощью командира группы отремонтировала рацию и вышла в эфир.

Обе радистки удостоились высоких наград — орденов Красного Знамени.

Сегодня не перестаешь удивляться изобретательности и дерзости разведчиков-радистов.

Галина Степашина вела сеансы связи прямо из расположения гитлеровской дивизии, забираясь по ночам в русскую печку, а Лиза Вологодская спряталась вместе с рацией в собачью конуру и

оттуда передавала радиограммы. Вот как она сама вспоминает о тех днях: «Мне приходилось жить и работать в чрезвычайно сложных условиях, постоянно сталкивалась со смертельной опасностью. Радиосвязь с Центром проводилась из самых различных мест и в разное время суток. Радиостанцию развертывала в лесу, в землянках, в сараях, стогах сена, на чердаках, в подвалах домов. Прятаться приходилось где попало, в навозных ямах, в жиже. Однажды — тут мне помогли невысокий рост и малый, в сорок килограммов, вес, — пришлось прожить несколько месяцев в собачей конуре. И не одной, а вместе с собакой...

Я проработала в тылу врага десять месяцев, передав штабу 1-го Украинского фронта свыше 300 разведдонесеней. Известно, что самая большая награда для развед-

чика — это сознание того, что его работа не прошла даром. И вот, когда меня награждали орденом Отечественной войны II степени, мне сказали: «Ваши радиограммы подтверждены боями».

Елизавета Вологодская совершила подвиг, который поистине уникален. История Великой Отечественной войны не знает другого такого. Девушка-радистка, оказавшись в лапах фашистов, сумела перевербовать и склонить к сотрудничеству офицера гестапо (!). Капитан Гартман устроил побег советской разведчице. Лиза две недели скиталась по лесу, проверяя, нет ли слежки. Потом она вышла к своей разведгруппе и рассказала о случившемся.

Капитан Гартман, действительно, встретившись на явке с представителем разведгруппы «Голос», стал сотрудничать с советской военной разведкой. Он передал много ценных сведений, в том числе и план минирования Кракова. Эти документы дали возможность спасти от уничтожения город.

В шестидесятые годы известный советский писатель Юлиан Семенов, узнав удивительную историю спасения Кракова, написал книгу «Майор Вихрь». По ней был поставлен одноименный кинофильм.

Вот как автор в заключительной части повести рассказывает о спасении Кракова:

«В одиннадцать часов вечера, когда по шоссе от Кракова отступали войска немцев, в трехстах метрах от них, на снежном поле, в маскировочных халатах, работали Вихрь, Аня, Тромпчинский, Седой и его люди. Они долбили мерзлую землю и оттаскивали ее в белых мешках в лес. Они продирались сквозь окровавленную, ледяную, коричневую, острую землю к тому кабелю, в котором была смерть Кракова. Шурф становился с

каждым часом все шире и глубже, а потом руки Вихря ощутили бронированный кабель. Вихрь лег на спину и увидел небо, а в небе, среди звезд, совсем рядом с собой бледное лицо Ани.

— Все в порядке, девочка, — сказал он и заплакал, — здесь. Давайте шашку, братцы, будем рвать. Вот он — кабель.

140

У Седого тряслись руки и ходила челюсть, он плакал и хлюпал носом».

В жизни, разумеется, все было несколько иначе, но о том, что Лиза Вологодская и ее товарищи спасли Краков, нет сомнения. Это исторически установленный факт.

Таковы лишь некоторые подвиги и некоторые фамилии наших разведчиков-радистов. А сколько их было на той войне!.. Только в последние два года, с мая 1943-го по май 1945 года в гитлеровском тылу действовали 1236 разведывательных групп.

Пытаюсь представить себе эту тысячу двести тридцать шесть... На огромных пространствах советско-германского театра военных действий, по обе стороны линии фронта, тысячи тайных «сверчков» днем и ночью звучали в эфире. Каждый из этих «сверчков» нес информацию, добытую ценой крови, а порой и ценой собственной жизни... .

Тегеран-43: было ли покушение на «Большую тройку»?

1943 год. Тегеран. Встреча «Большой тройки» — И.Сталина, Ф.Рузвельта, У.Черчилля. Одно из самых загадочных событий в истории разведок — немецкой, английской, советской. До сих пор об этом снимают фильмы, пишут книги, спорят.

В центре всех споров вопрос: готовился ли террористический акт или угроза, нависшая над главами государств, не более, чем сталинский политический маневр? Главная задача маневра — заманить Ф.Рузвельта в резиденцию советского посла в Тегеране. Что, собственно, и было сделано. Американский президент на несколько дней стал гостем советского руководителя.

Известно, что сам Рузвельт, возвратившись из Тегерана, на пресс-конференции в Вашингтоне утверждал: немцы замышляли убить Сталина, Черчилля и его самого. Президент добавил, что спаслись они только благодаря Сталину, который вовремя узнал о покушении.

Рузвельт рассказал журналистам, как он оказался в большом, но плохо защищенном здании американского посольства, находящемся в полутора милях от города. Там он получил срочное письмо от Сталина. Глава Советского Союза писал о замыслах фашистов и пригла-

142

шал президента расположиться в своем представительстве.

Что он и сделал на следующее утро.

Некоторые американские журналисты назвали этот шаг Рузвельта «похищением президента советским ГПУ».

Так что два взгляда на одно событие существовали уже в декабре 1943 года, сразу после окончания конференции.

Есть документальные свидетельства встречи в Тегеране наркома иностранных дел В.Молотова и посла США Гарримана. Вот ее официальная запись: «Молотов сообщает, что в последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать.

Поэтому с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства.

...Гарриман не сомневается в серьезности дела, но ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, он хотел бы получить более подробную информацию.

Молотов отвечает, что речь идет о лицах, связанных с германским агентом в Иране Майером. В отношении группы Майера иранское правительство приняло меры и выслало некоторых лиц из Ирана. Однако агенты Майера еще остаются в Тегеране, и от них можно ожидать актов, которые могут вызвать нежелательные инциденты.

...Гарриман говорит, что он немедленно сообщит президенту об информации, переданной Молотовым».

Позже и британский премьер-министр У.Черчилль вспоминал: «Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией.

143

Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет...»

Таким образом, вся «тройка» по сути подтверждает факт подготовки германских спецслужб к террористическому акту.

Остается лишь выслушать противоположную сторону. Что говорят немцы?

По нашим данным, задача совершить терракт была поставлена лично перед Отто Скорцени и его «командос» из спецшколы под Копенгагеном.

В середине шестидесятых годов в «Правде» появилось

сообщение со ссылкой на интервью в парижском «Экспресс». Корреспондент привел слова Скорцени, проживающего в ту пору в Мадриде:

«Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого.

Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране... Но бац! *(Смеется)*... из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

Что же это за причины? Сегодня, когда рассекречены ранее недоступные документы о действиях спецслужб в Тегеране, можно с уверенностью утверждать: осуществить преступный план Отто Скорцени не дали советские и английские разведчики.

Как это было? Совсем не так увлекательно, как показано в известном фильме «Тегеран-43», где советский разведчик, которого сыграл популярный актер Игорь Костолевский, оказался в центре заговора и разгромил его.

Да, решение подготовить и провести террористический акт против «Большой тройки» было принято Гитлером и носило кодовое название «Длинный прыжок». А во главе операции действительно стоял известный фашистский диверсант и террорист Отто Скорцени.

144

Этот факт впоследствии подтвердил и шеф политической разведки гитлеровской Германии Шелленберг. В своих мемуарах он пишет, что терракт против И.Сталина, Ф.Рузвельта и У.Черчилля приурочивался «к одной из международных конференций». Речь идет конечно же о Тегеранской встрече.

Однако в Иране работали не только «выкормыши» Скорцени.

Ранней весной 1941 года эксперт по вопросам школы и религии из Германии Бруно Шульце обратился к советским властям за транзитной визой. Он хотел проследовать по железной дороге до Баку, оттуда пароходом до иранского порта Энзели. Виза была получена, и. Шульце отбыл в путешествие. Конечной целью эксперта стал Тегеран, германское посольство.

Но перед тем, как посетить посла Германии в Иране Эттеля, Бруно Шульце разыскал коммерческого атташе Шпекта.

Шпект был резидентом абвера. Он радушно принял немецкого эксперта. Но разговор их оказался весьма далеким от проблем школы и религии. Тем более, что под именем Шульце и

личиной эксперта скрывался майор германской военной разведки Бертольд Шульце-Хольтус.

Абверовец приехал подготовить почву для своего внедрения в консульство в Тебризе, что на севере Ирана.

Возвращался майор вновь через Баку. По итогам поездки он подготовил отчет, который был направлен руководству абвера. Вскоре Шульце-Хольтуса поздравил его непосредственный начальник — полковник Пиккенброк, позже принял сам шеф абвера адмирал Канарис. Так в мае, за 35 дней до начала войны с Советским Союзом, в Тебризе появился новый вице-консул.

Политическую разведку Шелленберга в Иране представлял Франц Майер.

В архиве Службы внешней разведки России сохранился документ британской миссии в Тегеране. В нем о Майере сказано так: «Молодой, истерический, отважный Майер... представлял собой типичного эсэсовца...

145

Он решил создать нечто более грандиозное и красочное, чем немецкая кампания в Норвегии, оказав в то же самое время помощь своим товарищам на Восточном фронте и подняв свои акции в Берлине».

Иными словами, Майер, имевший широкие связи в иранских политических, деловых и военных кругах, в совершенстве владеющий персидским языком, решил создать в Иране мощное прогерманское националистическое движение. Целью движения стал захват власти в стране и превращение Ирана в союзника Германии.

Во многом эта идея удалась. По данным нашей разведки, в Иране действовало более двадцати установленных советский резидентурой прогерманских, антисоюзнических националистических организаций. Крупнейшей из них, наиболее дисциплинированной и боеспособной была, так называемая «Голубая партия».

Но почему «Голубая»?

Она получила свое название от голубых бюллетеней депутатов иранского меджлиса, которые голосовали против ратификации Договора о союзе между Ираном, СССР и Великобританией, подписанном в январе 1942 года. Оппозиционеры оказались в меньшинстве, но не признали своего поражения. Они договорились продолжить антисоюзническую деятельность — создали нелегальную партию и военную организацию. Возглавил «Голубую партию» депутат меджлиса, литератор и общественный деятель Хабибулла Новбахт. В молодости он учился в Германии, овладел немецким языком. В

середине тридцатых годов перевел на персидский язык книгу Гитлера «Майн кампф».

«Голубая партия» стала реальной силой. Ею в первую очередь и занималась наша иранская резидентура. Возглавлял ее Иван Агаянц («Форд»). Он прибыл в страну 1 августа 1941 года.

В 1942 году в Иран был командирован Владимир Вертипорох. Он стал резидентом в Мешхеде.

Примерно в это же время начал свою деятельность в Тегеране и Павел Журавлев. В 1943 году он курировал все резидентуры внешней разведки в Иране.

146

Ноябрь 1942 года. «Форд» сообщил в Центр: «Голубая партия» ставит перед собой главную задачу — подъем националистических сил на борьбу с «англо-советской оккупацией», захват власти и нанесение удара в тыл союзников совместно с германскими войсками.

В это же время Фриц Майер направляет Шульце-Хольтусу письмо: «Недавно я имел встречу с генералом Захеди, командиром корпуса в Исфагане. Значительная часть иранской армии готова восстать по нашему сигналу».

Вскоре на конспиративной квартире майор абвера Шульце-Хольтус встречается с тремя офицерами иранского генштаба. Они обсуждают военные аспекты сотрудничества с германскими войсками.

Все это становится известным советским и английским разведчикам. В «Голубой партии» рядом с Новбахтом работают наши агенты. Один из них, «Тигран», разрабатывает и вербует владельца лавки Шамса, по телефону которого (за неимением собственного) часто звонит Новбахт. Теперь в квартире Шамса установлен параллельный аппарат, и советская резидентура в курсе всех телефонных контактов заговорщиков.

В дальнейшем к разработке привлекаются двое братьев Голь Мухаммеди. Им присваиваются псевдонимы «Омар» и «Джан».

Наши разведчики предпринимают все меры для более глубокого проникновения в структуры «Голубой партии».

Однако заботы резидентуры не ограничивались лишь «Голубой партией». Одна из разработок носила название «Заговор». Эта фашистко-националистическая организация была тесно связана с разведкой Германии через Майера и Шульце-Хольтуса. Новбахт со своими сторонниками также входил в состав «Заговора». Основой же «Заговора» была еще одна организация — «Иране меллиюн».

Ознакомившись с докладом «Форда» о деятельности «Иране меллиюн» в январе 1943 года, руководитель советской внешней

разведки Павел Фитин оставил та-

147

кую пометку: «Этой разработкой надо крепко заинтересоваться».

И резидентура «крепко интересовалась».

Таким образом, сведения, поступавшие из разных мест и источников, рисовали далеко не радостную картину. Советской и британской разведками было установлено: в Иране практически по всей стране развернулась подготовка к вооруженному восстанию и государственному перевороту. Цель — сделать Иран союзником Германии. Вот о чем говорилось в листовках, подпольно распространяемых в стране: «Мусульманский народ! Наступил момент! Англичане и русские отбирают у нас все то, что еще осталось в стране! Момент наступил».

Английские разведчики передали советскому резиденту документ. Он завершался тревожными выводами: «Может настать время, когда «пятая колонна» окажется сильнее персидского правительства, если она в самом деле уже не стала сильнее».

Дальнейшие события показали правильность прогнозов англичан. Вождь племени кашкайцев на юге Ирана Насыр-Хан поднял мятеж против правительства с целью оказать содействие Германии.

Кашкайцы напали на самерунский военный гарнизон, захватили оружие и боеприпасы, казнили начальника — полковника Шикаки.

Стало известно также, что в разных местах Ирана десантировались группы немецких парашютистов.

В стране возник острый политический кризис. Перед спецслужбами Советского Союза и Великобритании встала важнейшая задача разгрома гитлеровской агентуры и прогерманского националистического подполья.

17 августа 1943 года нарком госбезопасности Меркулов сообщает заместителю наркома иностранных дел Деканозову, что НКГБ согласен совместно с британцами на арест иранских антисоюзнических деятелей.

29 августа британский посланник Буллард делает официальное представление премьер-министру Ирана Сохейли о необходимости пресечения прогерманских, антисоюзнических сил.

148

Через час такое же представление делает советский посол Максимов. В списке 162 человека — активисты «Голубой партии», «Иране меллиюн» и других организаций.

Аресты начались.

Труднее было найти и задержать опытных немецких разведчиков — Майера и Шульце-Хольтуса. Их активно разыскивали советские и британские спецслужбы.

Нашей группе радиоперехвата удалось запеленговать в одном из богатейших районов Тегерана сигналы вражеской радиостанции. Но выследили и взяли Майера англичане. При аресте были захвачены рация, шифры, документы и весь архив абверовца.

Арест Майера и других немецких офицеров имел важное значение. Эти аресты предопределили конец германской разведки в Иране. Правда, Шульце-Хольтус и несколько германских диверсантов еще оставались на свободе, но они находились в зоне восставших племен и по сути не имели опоры и поддержки. Подполье в Тегеране было разгромлено.

Отдельные гитлеровские агенты лишились руководства, связи, денег. Попросту некому было готовить и организовывать террористический акт против «Большой тройки». И в этом огромная заслуга советской и английской разведок.

Свершив эту поистине титаническую работу, уничтожив германскую резидентуру и профашистское националистическое подполье, наша разведка не прекращала свою работу и в период самой встречи «Большой тройки».

Кстати говоря, до сих пор даже в кругах специалистов упорно бытует мнение, якобы Тегеран на время конференции стал неким «островом молчания».

Это утверждает и Ю.Кузнец, автор книги «Прыжок в никуда», написанной на богатой документальной основе, предоставленной Службой внешней разведки. Он подчеркивает: «Было проведено и другое, экстраординарное мероприятие... Чтобы не допустить преждевременной утечки информации о самом факте пребывания

в Тегеране Рузвельта, Черчилля и Сталина, тем более о содержании их переговоров, Тегеран был отключен от всех видов связи. В течение почти четырех суток из столицы Ирана не велось никаких радиопередач. Междугородные и международные радио-, телеграфные, телефонные обмены были прекращены...

Все виды связи заработали лишь тогда, когда самолеты союзнических лидеров были уже в воздухе».

Выходит, что все четыре дня, находясь на «острове молчания», Сталин ничего не знал об обстановке в стране, на фронтах. Не мог принять решение отдать приказ. Право же, странно.

В своих послевоенных мемуарах начальник оперативного управления Генштаба генерал Семен Штеменко пишет, что в

Тегеране он трижды в сутки докладывает Сталину об обстановке на фронтах. И в свою очередь передает... в Москву распоряжения Верховного. Да и сам Сталин то и дело требует связи то с Генштабом, то с командующими фронтами.

Да, действительно, нет международной радио-, телеграфной и телефонной связи, но действует безотказный «мост», налаженный службой спецрадиосвязи Разведуправления.

Все самые сложные вопросы, связанные с проведением конференции, ее подготовкой, завершением, передаются шифром спецсвязи.

Трудно представить последствия потери связи. Два опытнейших радиооператора военной разведки А.Семенов и В.Туманов несут службу непрерывно, в особом режиме. Аппаратура постоянно находилась под напряжением, даже в те редкие часы, когда не было радиообмена, каждые пятнадцать минут обязательно проверялось состояние связи. Москва и Тегеран (корреспондент «Лира») круглосуточно запрашивают друг друга. Для всех радиограмм, касающихся конференции, вводится серия «молния особой важности».

Поступившие из Тегерана телеграммы с центрального радиоузла передавались в Генштаб, в Наркомат иностранных дел, в НКВД.

150

Конференция завершилась. После продолжительной дискуссии был принят план операции «Оверлорд», согласно которому союзные армии в мае 1944 года должны были высадить главный десант в Северной Франции, а вспомогательный — на французском побережье Средиземного моря.

...1 декабря 1943 года Сталин убыл из Тегерана. Кортеж Верховного Главнокомандующего промчался по улице Кавама-эс-Салтане. В иранском аэропорту Сталина ждал самолет.

Так завершилась историческая встреча «Большой тройки». Так закончилась величайшая операция в истории нашей разведки.

Так трудно, что и передать невозможно

Разведчики не любят оставлять воспоминаний. Понимаю: такая профессия. Но сердцем не приемлю. Ибо, как сказал кто-то из великих, вместе с человеком уходит целый мир. С разведчиком уходит несколько миров. Ведь он проживает не одну — несколько жизней.

Актер вживается в образ на сцене. Сфальшивит, ну что ж, огорчит зрителя. Разведчику фальшивить нельзя. Это может стоить ему свободы, а порой и жизни.

Разведчики-радисты не исключение. Из сотен этих мужественных людей с помощью ветеранов спецрадиосвязи

отыскали два десятка человек, которые согласились вспомнить, написать о своем боевом прошлом.

Мечтой было найти дневники, написанные там, в тылу, в рейде. Хотя, откровенно говоря, понимал, сколь фантастичны эти желания.

Однако счастье улыбнулось. Софья Родина, разведчица-радистка соединения Героя Советского Союза А.Бринского («Брука») записывала в блокнот свои мысли и впечатления. Они сохранились. Их нельзя читать без волнения, а порой и без слез. Записки молодой девушки-радистки потрясают. Это бесценный документ той героической эпохи.

Мне показалось, они будут интересны не только мне. В них точно и тонко передают дух той поры. И никакое авторское повествование не сможет их заменить. Поэтому и хочется дать слово ей, разведчице-радистке. Послушаем ее волнующий голос, биение сердца... Попытаемся, из нашего прагматичного далека понять, как жили, любили, воевали эти прекрасные душой люди.

Итак, разведчица-радистка Софья Родина.

Отрывки из дневника приводятся в их первозданном виде. Рука автора не коснулась ни единой строки фронтового дневника.

Полет на задание

18 мая 1944 года.

Мы с Верой сидели на взлетной полосе и не могли встать, потому что наши «Сидоры» повесили нам на грудь, а на спину водрузили тяжелые парашюты. На левом боку была радиостанция «Север», а на правом — радиопитание к ней: каждая батарея — размером и весом равнялась хорошему кирпичу, а их было штук восемь. Все хорошо привязано, чтобы при прыжке не оторвалось и не потерялось.

Двери у самолета СИ-47 расположены низко. Нас кое-как затолкнули в темное чрево самолета, и мы с трудом приткнулись на скамью.

Летим двумя самолетами в Польшу в Яновские леса, на базу группы Василенко. В нашей группе летят шесть радистов, старший — Игорь Козырев.

Наш самолет слегка покачивало, за бортом темнота... .Вдруг яркие всполохи, словно праздничный фейерверк, озарили темное небо. Это взрывы зенитных снарядов, самолет обстреливался зенитками при пересечении линии фронта. Затем постепенно все стихло, мы сидим молча в глубоком раздумье. Кажется, что-то долго летим... Но вот раздается команда: «Парашюты пристегнуть к тросу». Правая рука на кольце.

Дверь самолета открылась, и я вывалилась в темную бездну вслед за Игорем, толкнув его рукой... Мягкий рывок, и надо мной появился огромный купол парашюта. Показалось, что долго

лечу. Достаю из кармана телогрейки фонарик. Верхушки деревьев, затем... шлеп, не устояла на ногах, упала, брюки мокрые, в сапогах вода. Барахтаюсь в канале с водой. Господи! Ведь подумают, что я от страха...

Я ничего не боялась, прыгала с парашютом уже не раз: и с крыла самолета У-2, а в Монино из люка, из дверей. Мне долго пришлось ожидать вылета на задание, так я пристраивалась прыгать с парашютом к любой группе, ехала на тренировку.

...Села на краю канавы и думаю, пусть найдут меня здесь. Огляделась, рядом лес. Вижу поле, костры...

Боже мой, а рация! Где она? Я совсем забыла о ней. А вдруг она намокла? Тогда осталось только застрелиться! Щупаю — мокрая. Скорее к костру сушиться. А ноги не слушаются, заплетаются. Кричу ребятам, но никто не реагирует.

Гляжу, все оживленно говорят по-польски, наших нет. Пристально вглядываются в небо. Я объясняю, что мы уже прилетели и надо искать грузовые мешки, а они смеются, помогают мне снять вещи, усаживают у костра.

Что за чертовщина? Куда мы попали? Наконец вижу своих. Пришли Игорь Козырев, Миша Калошин. Пояснили мне, что кругом поляки, они получили груз из Лондона. Парашюты у них зеленого цвета, а нам показалось — черного. Все стали гасить костры и собирать грузовые мешки.

Наши товарищи приземлились все хорошо, за исключением Веры, которая зависла между двумя деревьями. Летчик не ошибся, выбросил нас правильно на обусловленные костры.

Через два дня мы были уже на месте. Меня определили радисткой в польский отряд, командиром которого был Анатолий. Он свободно говорил по-русски. На сумке моей радиостанции был нашит красный крест. Ведь по версии я медсестра.

... Вскоре мы направились на север вдоль реки Висла под Демблин. По пути вели разведку противника. И вот Анатолий приносит мне первое, довольно-таки пространственное сообщение обо всех укреплениях и объектах противника, встреченных по пути. Зашифровала информацию, но передать радиограмму не смогла, так как связи с оперативным центром (Пелиха) пока не было. Моя рация была в мертвой зоне (расстояние 80—90 км).

Завхоз Владек — весельчак, любимец всего отряда, обеспечивал нас питанием, размещал на стоянку в деревнях в хоро-

ших домах. Меня опекал и даже ухаживал, «строил» глазки и сыпал комплименты. Он хорошо говорил по-русски.

Однажды Анатолий принес мне важные сведения об укреплениях по р. Висле и просил связаться с Центром. Сведения зашифровала и передала Пелиху. Радиосвязь с узлом у меня в это время была надежная. Со мной работал мощный передатчик, и слышала я его на девять баллов. В одной из радиограмм, полученных из Центра, говорилось: «В вашем отряде находится Владислав Ющик — агент гестапо. Немедленно арестовать, допросить и доставить в штаб». Передала радиограмму Анатолию и спрашиваю, кто это такой.

Командир молчал, лицо его бледнело и, не сказав ни слова, ушел. А через несколько дней Владек был арестован.

...Мы по-прежнему в пути. Во время остановок в деревнях занимали подворье с большим сараем, в котором хранилась солома. Для проведения сеанса связи ребята обычно помогали мне развернуть радиостанцию, главное, подвесить повыше антенну и правильно расположить противовес (это делалось по компасу).

Мной была принята радиограмма за подписью Маланина, в которой сказано о том, что Яновские леса были блокированы, шли бои. Ющика необходимо допросить и расстрелять.

Только в кино все просто

Июнь 1944 года.

Трудно представить себе работу радиста разведгруппы в тылу врага, если самому не пришлось выполнять такую задачу.

В кино, поди, как все просто. Вдумайтесь только... со мной работала мощная радиостанция типа РАФ, а у меня небольшая рация «Север», мощностью всего-то 2,5 ватта. Антенна длиной 12 метров должна подвешиваться на высоту 10—15 метров, а противовес натянут над землей и сориентирован точно по компасу на радиоузел (Киев).

А что такое радиограмма? Это не просто морзянка. Это важное разведывательное донесение, которое должно быть подготовлено для передачи в эфир кратким телеграфным языком, кроме того, оно должно быть закрыто — зашифровано. Это

делала я. Шифр сложный... Каждое слово перед работой надо было превратить в алфавит из цифр. Смысловой текст радиограммы преобразовать в цифровое изображение, разбить на группы по 5 цифр в каждой и подвести, суммировать со строчками шифрованных цифр. И это только часть работы, которая должна быть представлена до того, как возьмешься за развертывание радиостанции и подвеску антенны.

Иногда радиостанцию развернешь в таком месте, что трудно связаться с Центром. Тебя не слышат... Принимаешь меры. Наконец, тебя услышали на два балла, а я их на девять. Из-за слабой слышимости моей станции часто приходилось повторять текст радиограммы. Центр, к примеру, давал: повторите с 16-й группы до 30, с 52 до 60, с 65 до 80 и т. п... И повторяешь им, повторяешь, а батарейное питание рации от длительной работы все садится и садится... надо прерываться (сберечь питание) до следующего сеанса связи.

Часто по причине опасности мы не могли долго оставаться на одном месте, нашу рацию могли запеленговать. И это действительно было так. Это вам не в кино...

Бывало и так, что времени не было развернуть радиостанцию. Иногда в ночь преодолевали до тридцати километров, а порой и шесть километров не могли одолеть. Так было, например, в Южной и Юго-Западной Польше, где в основном пески, покрытые голубоватым мхом, где можно ехать на велосипеде с деревянным ободом колес. По такой местности налегке-то идти не просто, а тут на тебе еще столько навешано: радиостанция, бумага, компас,

часы, пистолет и 500 патронов к нему, бельишко кое-какое. Пистолет должен быть на животе, чтобы в мгновение его можно привести в действие... Бывало, наступаешь на такую почву, и нога по щиколотку уходит в землю.

Отряд наш — большой, разведгрупп много, донесений в Центр хватало... Одним словом, работа, работа, без сна и просвета. Днем ребята спали, а я работала... а вечером снова марш.

Кое-кто говорил, что я стирала и чинила белье и одежду бойцам. Это же смех... У меня не было времени этим заниматься, мне даже поесть было некогда! Больше того, Ване Кулешову приходилось стирать мое девичье белье, голову мыть мне, если удавалось где раздобыть теплую воду.

Мне было так трудно, что и передать невозможно!

156

Тяжелые будни и лирические размышления

22 сентября 1944 года.

Вчера выдался хороший вечер, я была почти счастлива и забыла о многом. Не думала, что вот следующая облава нас все-таки поцарапает. Эта прошла стороною, каратели не дошли до нас с полкилометра.

...Зажгли фонарь, забылись, замечтались так, что пропустили последние известия!

— Мечты... Какие милые и необузданные!

Мечтать в такой обстановке, говорить о будущем, когда вокруг все напоминает о суровой действительности, даже любить — все равно, что в двенадцатилетнем возрасте, сидя в теплой уютной комнатке в Москве, говорить об открытии необитаемых островов.

И все-таки, дрожа от холода, накрывшись с головою плащ-палаткой, думать о будущем после войны, когда не надо нащупывать на поясе пистолет, который мешает хорошо лежать, еле слышным шепотом разговаривать об учебе, мечтать о работе на севере, где-нибудь на земле Франца-Иосифа, доставляет много удовольствия. Помогает забыть, что ты партизан, сидишь в лесу на польской земле, и переносишься на Большую землю, мысленно, конечно!

Отрадно думать о России, России-матушке! Мечтаю, что скоро, может быть, к зиме, будем в Москве; очутимся в подземных дворцах метро! Вот когда ходишь по Москве, ежедневно проезжаешь по ней много километров, то не ценишь этого, не замечаешь красоты, глаз привыкает. Но, очутившись за тысячу километров от, нее, чувствуешь потребность видеть вновь, ощущать тротуары своими ногами!

Но мы все здесь стали немножко националистами. Как никогда чувствуешь гордость за то, что ты русский. Мы с Володей представляли себя в квартирке на тихой улочке в Москве. Оба работаем, чтобы иметь возможность учиться. Я работаю по специальности, и у меня больше свободного времени, вечерами я встречаю его утомленного, но сияющего. Как сладки эти мечты!!!

157

22 ноября 1944 года.

22 ноября под Которинym (Польша) против нас была проведена карательная операция с применением бронетранспортеров и легких танков. Наша группа бойцов численностью в 25 человек скрывалась в молодняке (в кустарнике в человеческий рост), растянувшемся примерно на 500 метров. Когда танки с трех сторон начали «утюжить» этот кустарник, мы стали прорываться через наступавшие цепи пехотинцев. Мы не просто бежали как зайцы, а пробивались к опушке леса с боем, ведя автоматный огонь, и забрасывали врага гранатами. Может быть, по причине нашей малочисленности каратели не стали нас преследовать.

К вечеру нас собралось 7 человек, зашли на хутор Которин, фашистов там уже не было. Обогрелись и подкрепились немного, а утром пошли на место вчерашнего боя... Пришли туда и местные крестьяне с подводами. Подобрали тридцать трупов наших товарищей. Власовцы-каратели раненых наших бойцов не оставляли в живых, они добивали их разрывными пулями. Крестьяне-поляки обещали похоронить убитых, а мы отправились на поиски наших бойцов, отбившихся от группы.

7 декабря 1944 года.

Прошло уже много времени, когда последний раз я оторвала карандаш от этой страницы!

Много воды утекло с тех пор, и из веселой, резвой хохотушки стала скучная, даже угрюмая Софка, уж не срывается с ее уст тот беззаботный задорный смех, а проскальзывает лишь утомленная улыбка. Что такое случилось, что перевернуло в ней душу?

Первая октября — первая утрата в жизни!

30 сентября мы возвращались в Бродово. Это день моих именин. Мы, конечно, справили их, хоть и в дороге. Наутро мы были в лагере. Все ждали возвращения Проселкова, который должен вернуться ночью. Шел страшный дождь. Все промокли до нитки. Я с адъютантами и двумя больными сушилась.

Зашли два поручника от Павла, сообщили: наша группа была в Радзеховицах, была стычка с жандармами и есть раненый. Я не спрашивала о Володе, но по описанию Эдика поняла, что не он. Всю ночь не сомкнула глаз.

158

Утром еще затемно пришел Рудченко с раненым Кобцом. Доложил подробно о стычке с жандармами. Была рукопашная между Кобцом и жандармами. Тима уложил двух из автомата, потом оторвались от погони и ждали Колю с Володей и Николаем Ивановым. Те не вернулись...

...У меня перехватило дыхание, эта фраза сверлила мне мозг, я больше ничего не слышала, я повторяла ее, но казалось, не понимаю, что это, значит, и продолжала твердить: «Не вернулись...» Я шла в лагерь, надеясь, что еще протяну навстречу Володе руки, что, как раньше он поцелует мои пальцы, ладошки, хотела прикоснуться губами к его мягким, белокурым волосам.

...Подаю руку Анатольке, Тиме, пацанам, ищу глазами Володю... а его нет. Один Ванюшка понял меня. Он знал, как крепко любила я того гордого политрука.

Было много, много работы, я весь день не вставала с места, дождь все не переставал.

Я верила в то, что вернутся не сегодня, то завтра.

...Но нет, они уже не вернутся. Их окружили двести жандармов в семь часов вечера в доме. Коля был ранен в живот еще в комнате, двоих наших положили во дворе. Погибнув сами, они убили семь врагов и двоих ранили.

Два дня лежали у дороги два белокурых и один черноволосый красавец — цвет нашего отряда. За них жандармы расстреляли 13 поляков в Патшикуве и Патшекуве Пасеки.

Их зарыли в лесу. На могиле мне не удалось побывать.

12 декабря 1944 года.

Начались морозы, нужно переходить на зимние квартиры, в лесу уже не усидеть. Самолета все не давали, был же обещан в первой половине октября, а шла вторая. Пишут оправдательные радиограммы о постоянном тумане и т. д.

Обстановка все усложнялась. Из-за границы возвращались разбитые группы, поговаривали о движении «народцев» в наш район, о крупной облаве.

25 декабря 1944 года.

...Мы шли, как всегда, по одному, гуськом. Впереди пара проводников, группа Панова, наша штабная, саратовского, хозяйственники и поляки — около ста человек. Мы проходили по

159

этой дороге два часа назад и вернулись. Нам сообщили о предстоящей облаве, о том, что назначенное для дневки место окружено и мы в мешке. Я шла, дремала, как никогда хотелось спать. Вдруг отчетливо из темноты слышим крик: «Стой, кто идет?» Залегли по обе стороны дороги, и мгновенно по нам

открыли пулеметный огонь. Мы беспорядочно отвечали. Шепотом передаем команду отходить. Быстро ползем и перебегаем по дороге, по нам беспрерывно бьют из пулеметов и карабинов, и, кажется, из автоматов.

Отошли метров двести от леса, но огонь не прекращается. Никто ничего не знает. Впереди меня шел Павел — капитан, слышу его приказ — через дорогу направо. Передаю команду. Все, кто слышал, собрались направо в лесу. Зовут Сергея, зовут Павла, ждем команды. Сзади огонь сплошной линией, бьют разрывными. Кто-то сказал: «Сзади преследуют» и ...все понеслись по лесу, по кочкам, по колено в воде. Не было слышно никакой команды. Впереди широкий ручей и за ним поле. Ждут, что скажут командиры. Павла не оказалось, один Сергей. Кроме наших, несколько поляков и Ванда. Она нас ведет в хороший лес. Тихо продвигаемся, нас около сорока человек.

Дошли до густого кустарника, здесь решили переждать день. До рассвета часа два с половиной. Мокрые по колено, морозит. Легли немного отдохнуть. Утром распределились по группам и решили: каратели не зайдут в этот кустарник, такой он был густой. Тихо лежали, не шевелясь. Вокруг во всех направлениях были слышны выстрелы, гул машин. Невдалеке слышны крики. Скоро должно стемнеть, был третий час по-польски.

Крик, говор все приближались, был уже слышен топот ног, шорох по кустам и разговор по-русски: «Здесь, должно быть, есть». В эту минуту сзади дали огонь из автоматов, немцы шарахнулись от кустов, и на пару минут все затихло.

Потом заговорили пулеметы, карабины и автоматы. Били с трех сторон по нашему кустарнику. Столпились несколько человек и все спрашивали: «Где Сергей? Где командир?» Снова стрельба, и снова шарахаемся в разные стороны. На нашем конце кустарника, откуда шли немцы и украинцы, скопилось около двадцати пяти человек. Свист пуль заставил нас лечь в канаву, послышался стон и голос Саши: «Пристрелите меня, братцы». Я поняла, что Саша ранен. Гриша не вернулся, он

прямо бежал между двух огней. Ураганный огонь был направлен и сосредоточен на нем. По нашему краю бил только один пулемет. Рядом хрипел Саша, он остался лежать в канаве перед кустарником. Возле него на карточках прощался Михаил. Саша, бледный, увидел меня, слабо кивнул головой и улыбнулся: «Ноги, кажется», — прошептал он и снова захрипел.

Минут через десять мы с Вандой выбежали первыми. По нам вели ураганный огонь. Мы то и дело попадали и вновь бежали. Слева метра на три впереди бежала Ванда. Вдруг она, как сноп,

ничком упала, и не поднимала головы, я пробежала вперед, оглянулась — она недвижимо лежала в том же положении.

Через минуту мы перебежали дорогу, еще кусты, еще дорогу. Прислушались. В направлении оставшихся ребят били все так же. Прибавился рев танкового мотора. Решили ждать темноты, которая наступила через полтора часа.

Нас оказалось восемь, но Ванды среди нас не было.

Мы дошли до деревни Котфин. Ночь переспали в деревне, на день ушли в лес. Под вечер ходили на место боя, где увидели все своими глазами. Стоит ли говорить, насколько тяжело было смотреть на своих товарищей, Сашу и Тиму пристрелили. Видимо, они еще были живы. Анатолька был убит одной пулей под лопатку, которая осталась в сердце. Ивану разрывной вырвало грудь. Мы смотрели на это с поникшими головами!!!

30 декабря 1944 года.

Вечером к нам приходит... Кого я не ожидала видеть... — Володя Фетисов! С ним около трех месяцев я жила на Соколе в Москве, на одной служебной квартире. Коллега по работе.

Оказывается, он был вместе с Костей за границей Польши. Рассказал подробности о том, как их атаковали жандармы в селе, как ранили Костю в ноги автоматной очередью, как потом гнались за ними по пятам два километра. Командир был ранен в живот, его несли, но вынуждены были оставить одного умирать. Костя, видимо, застрелился или попал живым в руки немцев. О судьбе оставшихся раненых никто не знает и никто, вероятно, не будет знать. Ведь никто так далеко из наших групп не ходил и уже не пойдет, так как наступила зима. В этом бою из

нашей группы в 21 человек вернулись только девять. Мы знаем о восьми разбитых русских группах, а скольких не знаем.

1 января 1945 года.

Пришел долгожданный Новый год!

Никаких изменений. Наступления нет, выпал снег — партизанам скоро придет копец! Настоящая зима берет свои права! Даже в Мадриде, где не было снега около ста лет, сегодня лежит снег. В Риме также.

Когда? Когда придет сюда наша освободительница?! Мы все тут накроемся, если не освободит нас Красная Армия!!! Может быть, некоторых уже постигла эта судьба здесь, никто не знает о судьбе сорока шести, лучших ребят

Софья Родина осталась жива. Вышла из польских лесов и вынесла записи, которым ныне нет цены. Я много раз перечитывал их. Перечитывал и думал: возможно ли сегодня такое самопожертвование? А если нет, то как нам жить дальше?

Центр благодарит за работу

Наше время богато на сюрпризы. Порою неожиданно (разумеется, на взгляд обывателя) по страницам (газет и журналов прокатывается волна «эксклюзивных», как модно теперь говорить, исторических разоблачений.

«Эксклюзив» этот, конечно же, основан на неких новых, ранее совершенно неизвестных, секретных материалах. Оказывается, журналист, проявив недюжинное мужество, хитрость, высокий профессионализм, проник-таки в несгораемые сейфы спецслужб. Документы, которые добыл он, вне всякого сомнения, расцвечены грифами, наподобие «Государственной важности», «Хранить вечно», «Вскрыть после смерти».

И что же открывается? Материалы просто потрясают устои общества. Вот лишь один пример недавних «потрясных» разоблачений наших средств массовой информации.

Оказывается, наши партизаны совсем не те, за кого себя выдавали. Они не местные мужики-мстители в телогрейках, взявшие в руки оружие по зову сердца, а засланные в тыл «энкэвэдешники» и «гэрэушники». Более того, эти «засланные» и загоняли силой в партизаны тех самых мужиков.

Один из известных политиков заявил даже с экрана телевизора: теперь, когда говорят о партизанах, его просто «тошнит», и он слушать о них не желает.

Трудно сказать, чего больше, в этих утверждениях: невежества, ненависти к собственной истории, продажности, умопомешательства? Не знаю. И не могу понять, зачем это нужно.

Ведь что касается «засланных», так их отправлял во вражий тыл еще Главнокомандующий русской армией фельдмаршал Михаил Кутузов в 1812 году. В составе партизанской группировки действовали тогда 30 казачьих, 7 кавалерийских и 5 пехотных частей. В боях с французами в партизанской войне прославили себя полковник Давыдов, майор Храповицкий, штаб-ротмистр Бердяга, поручик Макаров. Все они были офицерами известных боевых частей, таких, к примеру, как Ахтырский гусарский, Волынский уланский полки.

Так что это давняя воинская традиция, и не стоит засылку в тыл кадровых воинских формирований почти через двести лет подавать как некое потрясающее историческое открытие.

Ну, а если выяснять правду о том, шли сами мужики в партизаны, либо их заставляли идти, то правда такова: было и то, и другое. Как, впрочем, и в солдаты, на фронт попадали и добровольцами, и по призыву.

И лжепартизаны, которые грабили соседние деревни, тоже не

новость. Но если утверждать, что все партизанское движение было таким, значит, в очередной раз оболгать историю, извратить истину.

Да, действовали партизанские группы, отряды, заброшенные в тыл из Центра. Да, это были кадровые разведывательно-диверсионные подразделения ГРУ и НКВД, но разворачивались и целые соединения, сформированные из местных патриотов-добровольцев, во главе с местными командирами.

Разным оно было, наше партизанское движение, как, впрочем, и вся война, и народ, вынесший на собственном горбу эту самую страшную в мировой истории войну.

Однако не забудем главного, о чем напрочь забывают, захлебываясь в разоблачениях, иные авторы: нынешние богатые и благополучные, которые учат нас жить

сегодня, уже к июню сорок первого были не более чем пылью у фашистских сапог. Это правда. С мольбой глядели они на Советский Союз — последнюю их надежду обрести независимость и свободу. И в каких бы грехах нас ни обвиняли потом, в поствоенный период, именно мы вернули порабощенной Европе ее растоптанное имя. Не американцы, не англичане, а мы. Остальные нам только помогали. Конечно, спасибо им за помощь. Но главную тяжесть войны вынесли мы — советские люди.

А мы — это в том числе и партизаны.

...Историю переброски польской делегации из оккупированной Варшавы в Москву я неспроста вынес в отдельную главу. Даже в ряду самых сложных партизанских операций она стоит особняком.

Сколь трудным и опасным оказалось это, на первый взгляд, обычное дело — переправка через линию фронта нескольких поляков.

Признаюсь, рассказать эту историю решился и еще по одной причине, авось отпадет охота у некоторых борзописцев рассуждать о наших партизанах, как о неких «лесных разбойниках» и мародерах, грабящих в лихое, военное время собственный народ.

Итак, 1944 год. В марте делегация Крайовой Рады Народовой, временного органа антифашистских сил Польши, с помощью местных патриотов отправляется из Варшавы на восток, к линии фронта.

В составе делегации четверо человек. Поляки устанавливают контакт с разведгруппой «Дубовик», под командованием Н. Матеюка.

31 марта Матеюк передал радиограмму в. Москву «Центру. Ко

мне прибыли Ян Стефан Муравский — член ЦК, Тадеуш Василевский — член Президиума Крайовой Рады Народовой, Казимир Сидор — член Крайовой Рады Народовой, шеф люблинского штаба Армии Людовой, Марьян Спихальский, член ЦК, член главного штаба Армии Людовой.

Указанные лица идут официальными представителями для переговоров с правительством СССР по вызову товарища Димитрова. Варшава поставила в известность

165

Москву. Переправа через Буг и сопровождение за Бугом были организованы отрядом имени Ворошилова в очень тяжелых условиях. Дальнейшее сопровождение отрядом невозможно. Нет боеприпасов. В связи с создавшейся обстановкой находимся в лесу под с. Рагозное. Молнируйте. Номер 56. Дубовик».

Центр сразу же отреагировал на донесение Матеюка. Уже 1 апреля разведчица-радистка Л.Орлеанская («Маргарита») приняла телеграмму: «На номер 56. Явившихся к вам четырех поляков Центр ожидает лично с нетерпением. Отнеситесь к ним корректно и примите все меры к безопасной их отправки к нам с доверенными людьми и охраной через базы Черного. Номер 12. Центр». Уже 4 апреля Матеюк выделил в охрану поляков своих разведчиков, радистку Л.Афонину («Звезда»), и группа двинулась к линии фронта.

Но их ждала Неудача. Пробиться через гитлеровские заслоны не удалось. Группа возвратилась на базу разведотряда под руководством Банова, позже была переправлена в бригаду подполковника Каплуна.

Комбриг Каплун сформировал специальный отряд разведчиков. В него вошли и поляки. Две недели отряд искал в прифронтовой полосе, занятой гитлеровцами, брешь, чтобы проскользнуть через линию фронта. И вновь пришлось возвратиться ни с чем.

Само возвращение оказалось крайне тяжелым. Бригада уже несколько дней вела бои в небольшом лесу, окруженном болотами, недалеко от Бреста. Было известно, что гитлеровское командование усилило свои войска на Ковельском направлении. Сюда подтянулась танковая дивизия СС «Викинг». Положение бригады Каплуна становилось критическим. В этой ситуации переброска поляков на советскую территорию приобретала особое значение. Центр постоянно требовал от Банова, Каплуна, Матеюка во что бы то ни стало переправить польскую делегацию в Москву.

Однако маневр наших разведывательных отрядов и групп под натиском крупных сил противника постоянно затруднялся.

Вспоминает Людмила Орлеанская:

«...Быстро собрались командиры и решили перейти в лесок, который был на взгорке. Молодой, не очень густой, но выбора не было. Разведка доложила о приближении фашистов. Заняли круговую оборону. Женщины и раненые поместились в одной из лощин, там же расположился штаб.

Сюда приводили раненых, мы их перевязывали, приносили пустые диски, ленты от пулеметов, которые мы набивали патронами. Наш запас был взорван, и мы брали боезапас у раненых.

Бой шел жестокий, длился целый день, до темноты.

Так, в Ромблеве нас настигла та самая отборная дивизия головорезов СС «Викинг», которая много дней шла за нами по пятам.

Пока враги подходили к лесу, самолеты нас уже бомбили, дивизия имела все — минометы, танки, пушки, пулеметы и автоматы, а у нас — винтовки, автоматы, что прислали с «Большой земли», у некоторых — немецкие пулеметы, добытые в боях.

Начали экономить патроны. До вечера еще далеко. Фашисты задались целью нас уничтожить.

Наконец, начало смеркаться. В лесу это особенно заметно. Стихала перестрелка. С темнотой на взгорке мы увидели огромное пожарище. Это фашисты подожгли деревню.

Подошли партизаны. Командиры совещались недолго. Собрали раненых, оружие, положили все на повозки, и первые конные, а за ними остальные двинулись в сторону горящей деревни.

Как только замелькали силуэты партизан в отсветах пожара, фашисты открыли огонь из автоматов и пулеметов. Немцы редко заходили в лес даже днем, не то что ночью, но на дорогах по деревьям насажали «кукушек-снайперов».

Опять завязалась сильная перестрелка. Свернули на лесную дорогу. В стороне услышали стон, встали, прислушались: да, кто-то стонет. Пошли, увидели двоих тяжело раненных. Как они тут очутились? Может, посчи-

тали их мертвыми или решили, что нет смысла везти. Один уже почти умирал, у второго весь бок был разворочен, крови много потерял, чуть живой.

Один из них попросил, чтобы мы пристрелили. Я смотрела очумелыми глазами и не могла понять, что он просит. А он молил пристрелить, так как с рассветом придут фашисты и будут

издеваться.

Я сказала, что не смогу этого сделать. Раненый замолчал и обреченно махнул рукой. У меня в кармане брюк лежал пистолет. Вложила его в руку раненого. Не знаю, правильно ли я поступила, но иначе поступить не могла».

Исчерпав возможности перехода линии фронта, Центр принял решение перебросить членов делегации из немецкого тыла самолетами. Руководство операцией было возложено на представителя Центра майора П.Савельева и офицера разведотдела 1-го Украинского фронта Н.Леонтьева. Непосредственно переброску проводила специальная группа, которую возглавил О.Горчаков. В нее вошли два радиста — Киселев («Вова») и Потупова («Лена»). Все разведчики обладали достаточным опытом работы в тылу врага.

Комбриг Каплун получил указания Центра и приступил к оборудованию площадки для приема самолета У-2 с «Большой земли». Разведчики подобрали для этого небольшую поляну с твердым грунтом. Со всех сторон поляна была окружена болотом. По ночам бойцы бригады тайно выравнивали ее — пилили деревья, корчевали пни, вырубали кустарник, сносили кочки. На случай нападения противника разработали систему обороны этого лесного аэродрома, установили пулеметы, подготовили сигнальные костры.

Ночью 5 мая спецгруппа Леонтьева с аэродрома подскока северо-западнее Ковеля, на двух самолетах У-2 вылетела на Запад, в район расположения бригады

Каплуна.

Однако над партизанской площадкой появился лишь один самолет. Покружив над лесом, он возвратился назад. Корреспондент «Лена» сообщила в разведотдел

фронта: «5 мая 1944 года. В 24.00 был над точкой посадки. Поляна выбрана удачно. «Вова» на подскок не вернулся. 6 мая повторим вылет...»

Второй самолет не смог найти лесной аэродром. Возвращаясь, он сбился с курса и сделал вынужденную посадку в районе Мозыря, к счастью, на нашей территории. Радист Киселев сообщил в Центр: «Сигнальных костров у цели не обнаружил. Местонахождения Леонтьева неизвестно. Наш самолет произвел вынужденную посадку... Прошу прислать горючее и пропеллер. Вова».

Леонтьев и Соловьев по поводу неудачного вылета доложили в Москву: «На точку улетели два самолета У-2, задание осталось невыполненным. Для партизан бросили вымпел о необходимости

подрубить лес. Один самолет на аэродром подскока Не вернулся. Ввиду плохой погоды 6 мая не летали...»

Однако и дальнейшая переменчивая погода спутала планы разведчиков. На брестские леса обрушились проливные дожди. Они шли, не переставая, несколько дней.

Выполнение задания затягивалось, и это тревожило Центр. Корреспонденты «Вова» и «Лена» сообщали в Москву: «7 мая вылет не состоялся в связи с плохой погодой». «8 мая была нелетная погода». «С 9 мая по 12 мая не летали ввиду плохих метеоусловий».

Тем временем положение польской делегации осложнялось. 11 мая, через радиостанцию группы Матеюка они обратились в Москву: «Центр, тов. Димитрову. Делегация наша два месяца в дороге. Здоровье членов делегации плохое. Две недели ожидали переброски через фронт самолетом: без результата. Для реализации целей нашей миссии необходима ваша помощь. Номер 39».

Центр требует от майора Савельева ускорить проведение операции. Вновь к партизанам вылетают два самолета. 15 мая польская делегация вывезена на советскую территорию и на следующий день была отправлена в столицу.

Так по линиям специальной радиосвязи военной разведки была подготовлена и проведена важнейшая политическая операция. Эта связь в сложнейшей обстановке

стала единственным средством, обеспечившим успех операции.

Однако вскоре после делегации Крайовой Рады Народовой встала проблема вывода из немецкого тыла еще одного поляка — генерала Роля-Жимерского.

Первое сообщение о встрече с генералом поступило также от группы Матеюка. В ответ радист Орлеанская приняла радиограмму Центра: «Первое — Центр благодарит вас за работу, проведенную в связи с перелетом и отправкой... поляков, и достойно вас отметит. Об этом никто, повторяю, никто кроме вас знать не должен.

Второе — донесите, где находится сейчас Роля-Жимерский, есть ли с ним связь? Через кого и как часто она может осуществляться?»

Получив необходимые данные, Центр решил вывезти генерала в Москву самолетом через базу оперативного центра под командованием В. Пелеха («Галицкий»), находившегося в это время в Липских лесах, в Польше под Люблином.

В этот район по указанию Москвы и направилась группа

Матеюка.

Обстановка под Люблиным была напряженная. Гитлеровская дивизия СС «Викинг» проводила непрерывные карательные операции. Разведгруппе приходилось уходить из-под ударов фашистов. В одном из таких переходов сгорело имущество разведчиков. К счастью, радистке Орлеанской удалось сохранить радиостанцию «Север». Это была единственная живая ниточка связи со своими на «Большой земле».

В боях с карателями дважды ранен командир группы Матеюк. Его вынесли обессиленного, окровавленного на ближайшую партизанскую базу.

21 июня Центр направил Пелеху телеграмму, в которой требовал срочно организовать отправку польского генерала.

Но сложная обстановка, плохая погода мешали выполнению операции. Разведчики Пелеха никак не могли принять самолет. Лили дожди, мок грунт, над площадкой висела низкая облачность.

170

Первая попытка посадить самолет 30 июня закончилась неудачей. Он потерпел аварию. Чтобы самолет не попал в руки врага, разведчики вынуждены были его сжечь.

Вспоминает Людмила Орлеанская:

«Вскоре нашли площадку для посадки самолета. Собственно, это не площадка, а хорошо укатанная дорога. Но вот беда, отсюда в 30 километрах немецкий аэродром, и к тому же деревня недалеко. Такое соседство нас не устраивало. Фашисты в любую минуту могли прилететь и разбомбить.

Поискали другую площадку, но не нашли и дали прежние координаты и опознавательные знаки.

На другой день получили шифровку с датой прибытия самолета. В шифровке был приказ мне и Николаю Матеюку вылететь этим самолетом.

Стали готовиться. Подвезли поближе раненых, разложили костры. Как только услышали шум моторов, костры залегли.

Весело было у нас на душе, шутили, смеялись, но, по возможности, тихо.

Показался самолет. Дали ракету, есть ответная, и самолет, развернувшись, стал приземляться. Вот коснулся дороги, побежал, встал. Быстро погасили фары, открыли двери, выбросили груз. Вышел экипаж, поздоровались и заторопились в обратный путь.

Самолет, быстро набирая скорость, побежал по дороге, оторвался. И тут кто-то увидел, что дверь осталась открытой. Николай пошел закрывать ее, и в это время самолет сделал

резкий разворот. Его отбросило, но он удержался на ногах.

Еще разворот, и мы увидели, что летим выше леса, но что-то в этих резких разворотах мне показалось ненормальным. Николай опять пошел к двери. И вдруг — удар о землю. Очнулась, лежу на полу. Какая-то тяжесть сковала меня. С трудом подняла голову, увидела лежащего у двери Николая. Встала, подошла к нему. Из головы у него капала кровь. Вышел экипаж, принесли бинты, перевязали и стали выгружаться. Подбежали

партизаны, спрашивают, в чем дело, а командир самолета злой, как сто чертей, торопит с выгрузкой.

Вынесли раненых. И тут поняли, что самолет не полетит совсем.

Повозки с ранеными двинулись в обратный путь.

Группа партизан и экипаж остались у самолета. Решали, как быть. Сняли рацию, все остальное и зажгли самолет. Спрятать такую махину некуда, да и небезопасно, фашисты могли его найти. Знатный был факел. Пока ехали, видели его.

Возвратились мы на базу, и наутро в Центр полетела радиограмма с нашими новостями. Мы запросили, как нам быть? Центр долго молчал, думал. Наконец, сообщили, что мы должны пройти ближе к линии фронта на Восток, и там нас вывезут самолетом».

И вот 5 июля 1944 года корреспондент «Сом» сообщил: «Центру. В 02.20 самолет вылетел и взял курс на восток. Все благополучно». «Дуглас» пилотировал опытный пилот подполковник Чукаев. Вместе с генералом Роля-Жимерским в Москву были доставлены раненый Матеюк и радистка Орлеанская. И вновь успех операции стал возможен лишь благодаря надежной связи радистов разведуправления.

Нам судьба — судья...

Когда-то в юности разведчик-радист Лихо прочитал пословицу: «Не нам судьба — судья, а мы судьбе хозяева». Хорошая пословица, верная, думал тогда Лихо. Теперь вот, сидя перед начальником службы спецрадиосвязи полковником Рябовым, признаться, усомнился в ее верности. На деле оказывалось наоборот: нам судьба— судья...

Его подняли с постели, и после тяжелого ночного дежурства на приемном радиоцентре Разведуправления он оказался на ковре у начальства. Всего пять месяцев, как Лихо вернулся из Китая, куда был направлен еще в апреле 1941 года. А теперь, подумать только, январь 1944-го. Хотелось на фронт. Но он знал Рябова. Начальник службы считал, что для радиста фронт везде. Что ж, и вправду, солдат службу не выбирает.

Не хотелось только обратно в Китай. И поэтому он так и сказал Рябову: «Если командировка на Восток и вы спрашиваете мое согласие, то его нет». Полковник ответил: «На Запад». Лихо согласился сразу. Не спрашивая — куда, с кем. Оказалось, его вместе с радистами Долговым и Каргашиным включили в состав советской военной миссии в Югославии. Предстояла дальняя дорога к партизанам Тито.

Полмесяца ушло на сборы, беседа в ЦК — и в путь...

173

19 января 1944 года военная миссия на двух самолетах стартовала с подмосковного аэродрома.

Шли низко над землей. При подлете к дельте Волги в камышах увидели стада диких кабанов. Рев самолета поднял их с лежки. Офицеры прильнули к иллюминаторам. Вспомнились счастливые мирные дни, охота с ружьишком за плечами... Остаток полета прошел в охотничьих рассказах.

В Астрахани заходили на посадку в сумерках короткого зимнего дня. Добрались до города, отправились в гостиницу «Новомосковская».

Радисты приехали втроем, последним рейсом, и застали в гостинице строгую, озабоченную администраторшу. Пробегая мимо усевшихся на диване разведчиков, она озабоченно пробормотала: «Куда ж мне этих поселить?»

Кто-то из троих пошутил, мол, тяжко с размещением?

Администраторша сделала резкую остановку и подозрительно спросила: «Вы что, русские?»— «Русские!» — гордо ответили разведчики. «А-а... —обрадовалась женщина, — тогда на диване переспите!» И побежала дальше по своим делам.

И тем не менее радистов вскоре поместили в трехместный номер, а адъютант начальника миссии сообщил, что скоро будет ужин.

Ужин был восхитительным!

На следующий день из Астрахани путь лежал в Баку, оттуда — в Тегеран.

Тегеран встретил советскую военную миссию глинобитными заборами, плоскими крышами жилищ и пирамидами фруктов у обочины дороги. Продавцов много, но покупать эту фруктовую роскошь некому.

По улицам города брели отощавшие, оборванные люди. Устроились в гостинице «Надери» на улице Стамбуле. Обедать предложили в ресторане, на первом этаже. Радисты решили разговеться — заказали давно забытый с довоенных лет шашлык и бутылку вина. На маленькой эстраде скрипач и пианист самозабвенно исполняли «Землянку»...

174

Шашлык был хорош, но цены?! 120 реалов — гласил счет. Вывернули карманы и с постными физиономиями поднялись к себе в номер. В Тегеране жить еще несколько дней, а денег уже ни реала.

О ресторанных ценах прознал и начальник миссии генерал Корнеев. Он съездил в посольство и вскоре объявил: в ресторане денег не платить, лишь визировать предъявленные счета. Воодушевленные этим сообщением офицеры дружно направились на ужин.

Но разведчик есть разведчик, даже после сочного шашлыка он не теряет голову. И поэтому, не сговариваясь, все семнадцать человек подписывали счета одной фамилией... Иванов. Официант удивленно таращил глаза: «Странные эти русские. Как вы разбираетесь в таком количестве однофамильцев?»

Перед вылетом из Тегерана произошла неприятность.

Заместитель начальника миссии в гостиничном туалете обнаружил на куче с мусором книжку с программами радиосвязи. Обронил ее радист Каргашин. Поднялся шум. Вторая книга была у Лихо. К счастью, порядком измятая, она оказалась на месте. Долгов, будучи старшим в группе, ее изъял, и обе книги передали на хранение шифровальщикам. Радисты с облегчением вздохнули...

В Каире решили связаться с Москвой. 24 января из аэропорта привезли передатчик «Джек-2» и приемник «Метеор». Развернув на крыше здания наклонный луч, радист Лихо стал вызывать Центр по экстренному контролю.

Но попытки были безуспешны. Лихо слышал знакомые позывные Центра для других корреспондентов, но своего нет.

После нескольких часов бесполезного блуждания в эфире доложил Долгову: Москва на вызов не отвечает.

Привезли другой, более мощный передатчик «Барс» и приемник «Хаммарлунд». Возобновили вызовы, но безрезультатно.

К этому времени на столе радиста выросла внушительная стопка радиограмм. Некоторые офицеры миссии отпускали едкие замечания в адрес горе-радистов.

175

Долгов, злой и расстроенный, сам несколько раз проверив по азимуту направленность антенны, качество настройки передатчика, лишь разводил руками.

Вечером все уехали с виллы, а радист Лихо продолжал безуспешно вызывать Центр. Еще неделю назад он сам работал начальником смены того самого приемного радиоцентра, с

которым теперь не мог установить связь, помнил все позывные и частоты основных корреспондентов, слышал их отлично, но его теперь не слышал никто. Почему? Он искал и не находил ответа.

Всю ночь радист провел у передатчика. Утром, едва стрелки часов показали семь, он услышал четко и громко позывные Центра. Передал ответные позывные, повторил, и Москва обнаружила их. Слышимость была отличная.

К приезду офицеров миссии Лихо уже передал большую часть радиограмм. Обрадованный Долгов бросился докладывать начальнику миссии.

Генерал Корнеев, выслушав доклад, уточнил: какое сегодня число? «25 января...» — ответил Долгов. «Я так и просил, начать с нами радиосвязь не раньше 25-го», — сказал удовлетворенно генерал.

Вот и вся причина, почему Центр не отвечал на вызовы целые сутки.

Поток информации возрастал, и радист Лихо уже спал прямо в импровизированной аппаратной, подложив под голову стопку бумаг. Суточный обмен достигал огромной цифры — 18 тысяч групп. И все-таки во время обеда, когда его подменил Долгов, он схватил такси и помчался посмотреть знаменитые египетские пирамиды. Вскарабкался на вершину одной из них. Высота около ста пятидесяти метров, дух захватывает.

Далее путь миссии лежал через Тунис в город Бари, что в Италии. Их разместили в гостинице «Империал», превращенной в дом отдыха для офицеров 8-й английской армии.

Началась подготовка к последнему броску через Адриатику в Югославию.

По полученным данным посадка наших самолетов на полевых аэродромах Югославии оказалась невозмож-

ной. Они оказались под снегом. Было решено сформировать передовую группу, выбросить ее на парашютах в район Босанского Петроваца, чтобы оттуда получить рекомендации о возможностях переброски всей миссии.

Правда, позднее от «парашютного десанта» отказались. Вся миссия разместилась в трех планерах и на буксирах английских транспортных самолетов вылетела в Югославию.

Вот как о том полете вспоминал сам полковник в отставке Лихо:

«Югославский берег был довольно плотно укрыт облачностью, лишь пики отдельных вершин ярко сияли снежными шапками. На наше счастье, именно над посадочной площадкой было свободное окно. Один из истребителей сопровождения

нырнул в окно, облетел посадочную площадку, и после этого все три самолета с планерами спустились ниже и планеры, отцепившись, благополучно приземлились, точнее приснежились. Глубина снега была около метра.

Это было 23 февраля 1944 года в двенадцати километрах от города Босанский Петровац. Нас на санях доставили в город, в большой, чудом сохранившийся зал, на торжественное собрание, посвященное дню Красной Армии.

Нет слов, чтобы выразить радость, теплоту, сердечность, проявленную югославами.

Утром отправились в город Дрвар, где находился Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии. Там для развертывания радиостанции мне отвели двухэтажный сарай. На первом этаже «квартировала» хрюшка, на втором я установил свой передатчик. Рядом с сараем пристроил двигатель с электрогенератором. Постелью служила принесенная партизанами охапка душистого сена.

Времени на раскачку не было. Уже через полтора часа бодро застучал движок электростанции, и связь с Москвой была установлена.

В эфир пошли первые радиограммы с югославской земли от корреспондента «Пурга».

177

В начале марта группа разведчиков во главе с полковником Николаем Патрахальцевым вышла из Дрвара на север, в Словению. Путь пролегал вдоль горной цепи Динарских Альп. Снег был глубок, двигаться тяжело.

На пятый день перехода, когда разведчики отдыхали в одной из разрушенных босанских деревень, к ним подошла женщина и спросила, правда ли, что здесь русские большевики? Ей ответили утвердительно и показали на радиста Лихо.

Она подошла к радисту, сняла с него пилотку и стала ощупывать голову. Ее спросили, что ищет? «Рога, — ответила женщина. — Нам говорили, что все большевики с рогами». Такова была официальная пропаганда в довоенной Югославии.

По пути в Словению группа Патрахальцева побывала в главном штабе партизан Хорватии. Потом 36-часовой марш, стычка с усташами, переход реки Куна и выход к словенскому городу Метлику.

Здесь группу Патрахальцева встретил комиссар главного штаба Народной освободительной армии Словении Борис Кидрич. Состоялся митинг.

Лихо развернул «Север», чтобы связаться с Долговым. Но связи не было. И это вполне объяснимо. С такими примитивными

антеннами Долгов и не мог принять слабые сигналы «Северка» в горных условиях.

Приняли решение ехать в город Черномль, где действовала сеть переменного тока .и радист смог бы работать с более мощным передатчиком— «Джек-2».

В Черномле Лихо разместился в комендатуре и установил связь с «Пургой» (миссия генерала Корнеева) и Москвой.

Позже из словенских партизан удалось подготовить помощника: ведь работы, не связанной с радиосвязью, прибавилось. Приходилось выбирать площадку для посадки наших самолетов, перевозивших оружие, продовольствие, боеприпасы для словенских партизан, а с открытием этого местного аэродрома полностью его обслуживать.

178

Посадочная площадка получила наименование «Оток», по названию близлежащей деревни. Немцы пытались бомбить полевой аэродром, но безуспешно.

Однажды на площадке для сброса грузов за час до прилета самолетов услышали звук двигателя. Зажгли сигнальные костры и... получили в подарок две немецкие бомбы.

К счастью, меткостью немецкий штурман не отличался, бомбы взорвались в стороне от костров и никто не пострадал.

Противника отгоняли огнем зенитных установок, снятых с американских самолетов, которых называли «летающими крепостями». Подбитые над Германией, они всякий раз старались дотянуть до югославской территории.

Ездить приходилось много, и потому радист Лихо достал сначала велосипед, потом мотоцикл. Но для мотоцикла нужен бензин. Запросили Центр. Ответ был положительный, и при очередном сбросе Лихо в одном из мешков нашел канистру. Однако особой радости подарок с «Большой земли» ему не доставил: канистра всего лишь на двадцать литров. Много не накатаешься. Посетовав на скупость Центра, Лихо тем не менее залил половину содержимого канистры в мотоцикл. Странно, но мотоцикл не желал заводиться.

Тем временем на площадку подъехал Патрахальцев. Радист пожаловался, мол, бензина прислали мало, да ещё и дурного качества. Полковник хитро ухмыльнулся и спросил Лихо, сколько литров он залил в мотоцикл? Ничего не подозревающий радист ответил, что половину. «Тогда ты свою долю водки использовал, — сказал Патрахальцев, — а остальное я забираю».

Что ж, это было справедливо. Оказалось, Центр прислал разведчикам подарок к 1 мая.

Площадка «Оток» интенсивно использовалась для сброса

грузов, десантирования людей. По свидетельству югославов, советские летчики за три месяца доставили оружия больше, чем англичане и американцы за год.

Разведчику-радисту Лихо пришлось заниматься не. только радиосвязью, приемом грузов, людей, но встре-

179

чей и сопровождением разведчиков, которые в конце войны активно засылались Москвой в Германию.

Об одном из таких случаев рассказывает сам полковник в отставке Г.Лихо:

«Самолетом из Москвы, через Бари, на посадочную площадку «Оток» были доставлены два разведчика. Майор, сопровождающий их из Москвы, потребовал от меня расписку в получении людей.

Через неделю я сопровождал этих двух разведчиков через Черномль до станции Постойна. В районе станции был взорван мост. Пассажиры, прибывающие из Триеста, выгружались из вагонов, переправлялись гужевым транспортом на другую сторону, садились в поезд и следовали в Германию.

Этим мы и воспользовались. Посадили своих разведчиков в сани и в общем потоке доставили к поезду. Операция прошла успешно. Правда, крепко намялись. У разведчиков оказалось четыре больших, увесистых чемодана. Нести эти неподъемные чемоданы по узеньким заснеженным тропам было невероятно тяжело. Но что делать, я и помогавшие мне югославы тащили их, сменяя друг друга. Разведчики шли налегке. Им надо было сохранить приличный вид, чтобы от них не пахло костром, не были измазаны. Так мы шли семь дней.

Радиосвязь была также интенсивной и требовала большой оперативности. Каждое утро в авиагруппу в город Бари передавали результаты ночных полетов на «Оток», днем и вечером — метеосводку, данные об ожидаемых самолетах. В Москву помимо основной работы шли сообщения о результатах ночного десантирования, о системе сигнальных костров.

Стал привычным и действовал безотказно постоянный радиомост между группой Патрахальцева и миссией генерала Корнеева при штабе Тито. Но однажды помощник Лихо не смог связаться с «Пургой». К передатчику сел сам советский радист-разведчик. Безуспешно. Оказалось, что радист Каргашин в Бари, операторы приемного центра Разведуправления в Москве находятся в том же положении.

180

Внезапное молчание «Пурги» говорило о чрезвычайных обстоятельствах.

Операция «Прыжок шахматного коня»

Связь с радиостанцией «Пурга» оборвалась в день рождения маршала Тито, 25 мая 1944 года. Городок Дрвар, где находился Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии и советская военная миссия, молчали.

Встревоженный начальник Разведуправления доложил об этом в Генеральный штаб. Начальник Генштаба маршал Александр Михайлович Василевский приказал наблюдать за эфиром круглосуточно. Но «Пурга» не подавала признаков жизни.

В профессионализме начальника радиостанции майора Л.Долгова в Разведупре не сомневались. Значит, что-то случилось. С кем? С Тито? С его штабом? С советской миссией? На эти тревожные вопросы не было ответов.

Во время очередного доклада в Кремле маршал Василевский сообщил Сталину: из Югославии никаких вестей. Верховный поставил задачу — выяснить обстановку.

Только 2 июля, ранним утром, из двадцать первой кабины приемного радиоцентра в Москве раздался радостный крик молодого оператора, лейтенанта И.Сперанского: «Пурга» зовет!» Закончилось тревожное недельное молчание станции. Долгов был на связи...

Операция под кодовым названием «Прыжок шахматного коня», которую проводил 500-й батальон головорезов Скорцени, провалился.

Вот как о тех днях вспоминает известный государственный деятель Югославии, писатель и публицист Родолюб Чолакович. Он сам был участником событий.

«Утром 25 мая нам пришлось покинуть Шиповляне при несколько необычных обстоятельствах: немцы сбросили воздушный десант на Дрвар, намереваясь захватить Верховный штаб и товарища Тито.

События этих дней по своей напряженности и драматизму превзошли все, что знала наша освободительная война. Их можно сравнить лишь с ноябрьскими событиями 1941 года в городе Ужице, когда нашему Верховному штабу пришлось уходить под натиском немецких танков и самолетов...

План выброски в Дрваре парашютного десанта был разработан и тщательно подготовлен самыми ответственными лицами в немецкой верховной ставке.

Гитлер еще в начале 1944 года отдал приказ во что бы то ни стало уничтожить Тито. По существу, приказ этот был признанием со стороны немецкого верховного командования роли и значения товарища Тито.

Десант немецких парашютистов на Дрвар и явился попыткой немецкой верховной ставки выполнить приказ Гитлера. Операция получила кодовое название «Прыжок шахматного коня». Для ее проведения Гиммлер выделил в распоряжение генерала Лотара Рендулича, командира 2-й танковой армии, 500-й батальон СС, в котором были собраны отъявленные головорезы.

Организаторы десанта правильно решили, что операция может иметь успех только при условии, если она будет подготовлена в абсолютной тайне. Строгая конспирация соблюдалась с самого начала, то есть начиная со штаба генерала Рендулича.

Только 23 мая командному составу батальона было сообщено, что «рано утром они будут сброшены на Дрвар, центр красного руководства, и должны в первую очередь молниеносным ударом ликвидировать Главной штаб Тито».

К словам Чолаковича остается лишь добавить, что 500-й батальон СС, который, кстати, был сформирован из отбывших наказание или ожидающих решения военного суда головорезов СС, усилили еще «отрядом Бенеша». Названного так по имени майора Бенеша, командира диверсионного отряда «Союз истребителей Юг-Восток».

Проштрафившиеся эсэсовцы рвались в бой, желая искупить свою вину и выслужить прощение. И, наконец, в десант была включена специальная часть, в задачу ко-

торой входил захват ценных штабных материалов, документов, радиостанции, шифров, кодов. Словом, все то, что могло представлять интерес для немецкой разведки.

Батальон СС с «отрядом Бенеша» был разделен на шесть боевых групп— «Пантера»; «Штурмующий»; «Беспощадный»; «Рвущий»; «Кусающий»; «Уничтожающий». Всего в отрядах— 340 человек. На тридцати четырех планерах они должны были направиться в Дрвар.

Детальный план операции разработал полковник генерального штаба фон Фарнбиллер и дал ему вполне нейтральное, по военным меркам, название: «План введения в действие 500-го парашютно-истребительного батальона СС».

Под таким названием он и был утвержден генералом Рендуличем только 24 мая, за день до высадки десанта.

Согласно плану операции, десантные части отправлялись на задание с трех аэродромов: Петровграда, Баня Луки и Загреба. «Отряд Бенеша» стартовал с аэродрома в Церкле, а специальная часть из Загреба.

Кроме этих подразделений в Дрвар выбрасывались на

парашютах еще три боевые группы— «Голубые», «Зеленые» и «Красные», численностью 314 человек.

Десантная операция поддерживалась массированным налетом авиации.

Основная задача — уничтожение Верховного штаба и союзнических военных миссий, возлагалась на планерные десанты. Парашютисты должны были перекрыть дороги к городу и взять живым или ликвидировать Тито.

В приказе по 500-му батальону СС его командир капитан Ринке требовал: «Как только станет известно местонахождение штаба, все части батальона, оказавшиеся вблизи этой главной цели, должны без промедления и беспощадно ликвидировать Главный штаб Тито. Ответственных работников штаба по возможности взять живыми». Кроме частей, участвующих в операции «Прыжок шахматного коня», фашистское командование бросило на Дрвар значительные силы из других мест — Срба, Бихача, Баня Луки, Боснийской Круны. Они должны были, совершив прорыв, соединиться с десантом в Дрваре.

183

Однако выполнить свою задачу фашистам не удалось.

Хотя в Дрваре у югославского командования не было ни одной боевой части, эсэсовцев мужественно встретил батальон охраны Верховного штаба и молодые курсанты военных школ. Враг захватил сам город, но так и не смог прорваться по мосту через реку к пещере, где находились Тито и его соратники.

Фашисты понесли большие потери, а штабу Тито и офицерам англо-американской и советской военных миссий удалось уйти в направлении города Потоци и далее в Купрешко Поле. Но и здесь было опасно оставаться. Решили перебазировать Верховный штаб на остров Вис в Адриатическом море, оттуда можно было наладить управление войсками.

Но как это сделать? Только самолетом. Могли помочь наши летчики. Советская авиабаза находилась в Бари (Италия). Но как добраться до Бари? У Тито не было самолета. Оставалась одна надежда — радиосвязь.

Но, уходя от карателей из Дрвара, радисту Долгову пришлось уничтожить основную аппаратуру, осталась лишь радиостанция «Север». А на ней установить связь из южной части Югославии с Москвой практически невозможно.

И тем не менее Долгов сделал невозможное.

«2 июня 1944 года состояние неведения, наконец, прекратилось, — напишет в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С.Штеменко. — Мы получили радиограмму Н.В.Корнеева. Как он рассказал впоследствии, его

помощник по радиосвязи — толковый и расторопный Долгов — сумел поднять радиостанцию на вершину одной из самых больших гор и установил на ней сколь было можно высокую антенну. Дублируя текст, Долгов передал в Бари С.В.Соколову* и в Москву просьбу выслать на Купрешко Поле самолет к 22 часам в ночь на 4 июля».

Летчик А.Шорников сумел ночью пролететь над морем и горами и посадил свой самолет на незнакомую, необорудованную площадку среди скал.

* Полковник Соколов С.В. был командиром советской авиабазы в Бари.

184

Маршал Тито, его ближайшие соратники были доставлены на авиабазу в Бари, оттуда путь лежал на остров Вис.

В сентябре 1944 года обстановка потребовала перебросить Верховный штаб в румынский город Крайова, невдалеке от границы с Югославией. Это было сделано в глубокой тайне. Даже члены англо-американской военной миссии, как говорят, у себя под носом не заметили передислокации штаба Тито.

Такие сложные операции, разумеется, успешно завершались не сами по себе. Это результат больших совместных усилий разных специалистов, и в том числе радистов. А они находились не только при Верховном штабе Югославской армии, но и в штабах соединений в Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. В разное время наши разведчики-радисты работали в Италии, Албании, Греции, Румынии.

В отчете о работе авиабазы в Бари полковник С.Соколов 26 марта 1945 года написал: «Радиоузел со всеми поставленными задачами справился хорошо, обеспечив проведения всех операций. Нормальное проведение связи с корреспондентами проходило за счет чрезмерного перенапряжения сил радиооператоров и перегрузки аппаратуры, которые в среднем работали по 18-20 часов в сутки. Причем большая часть нагрузки падала на передачу. Радиооператоры укрывались в лесах и болотах, им постоянно мешали налеты немецкой авиации, мучили холод, голод, усталость. Нередко приходилось разворачивать связь, находясь во вражеском окружении».

В представлении к награждению разведчика-радиста Урванова подчеркивалось: «Не прекращал своей работы в любых условиях. Даже находясь в полном окружении противника, давал бесперебойную радиосвязь».

А бесперебойная связь нередко была нужна как воздух. Только на нее и приходилось надеяться. Поскольку даже наши

отношения с союзниками — англичанами складывались не всегда гладко.

Чего стоила переброска Национального комитета Югославии с того же острова Вис на посадочную пло-

щадку Дивцы, что в семидесяти километрах от Белграда в октябре 1944 года.

За двое суток до планируемого полета наша авиабаза дала заявку штабу Балканских воздушных сил союзников и одновременно запросила советскую военную миссию (радиостанция «Пурга») о возможности приема наших самолетов на остров Вис.

Положительный ответ из миссии был получен. Казалось, все идет нормально. Но в день вылета советских самолетов штаб Британских воздушных сил прислал сообщение: погода на острове Вис плохая, аэродром размок.

Вновь запросили нашу военную миссию. «Пурга» подтвердила свое прежнее сообщение. Начальник авиабазы Соколов уведомил англичан о вылете самолетов. Союзники вновь отказались их принять.

Еще раз запросили генерала Корнеева: ответ положительный. И тогда полковник Соколов передал англичанам: «Самолеты уже вылетают и возвращаться не будут».

Вылет состоялся, задание выполнили. Но сколько сил и нервов стоило оно. Трое суток связь между базой в Бари и миссией практически не прерывалась. Ну а погода на острове Вис была просто прекрасной, а взлетно-посадочная полоса имела металлическое покрытие.

Вот так порой помогали нам союзники. И не будь постоянного радиомоста, переброска югославов значительно осложнилась бы. Но, к счастью, связь оказалась надежной.

А тем временем война шла своим чередом. В октябре 1944-го освобождена столица Югославии — Белград. Сюда переехал Верховный штаб. В городе Панчиво, под Белградом начал развертываться новый радиоузел «Альфа». «Пурга» впоследствии стала официальной радиостанцией Советского посольства в Югославии.

«Черная нора» для русского «лиса»

В штабе 2-й Полевой армии ждали высокого гостя из ставки Гитлера. Его приезд не предвещал ничего хорошего. Почти год в тылах армий действовала советская разведгруппа. Судя по всему, она была малой по составу, мобильной и весьма дерзкой. Две радиостанции группы постоянно «висели» в эфире. Все усилия военной контрразведки обезвредить русских ни к чему не

привели. Даже если операторам функабвера* удавалось засечь место передачи, карательные подразделения всегда опаздывали. Командир русских разведчиков, как старый, хитрый лис, ускользал незамеченным, умело обходя расставленные капканы. И так продолжалось не месяц, не два. Почти год. Еще как-то можно было объяснить и понять трудности борьбы с «лисом», когда он действовал в непроходимых лесах Белоруссии, но с лета он на территории Польши, а теперь в Восточной Пруссии. Здесь вокруг уши. 14 дивизий резерва сосредоточил для решающего сражения фюрер. Казалось бы, где ни ступишь, всюду немецкий солдат. И тем не менее ненавистные уши работают, радиопеленгаторный дивизион завален шифрограммами русских. Но расшифровать пока не удалось ни единого знака.

* Функабвер *(нем.)* — служба радиоконтрразведки в гитлеровской Германии.

187

Оберштурмбаннфюрер С С Шенкендорф, едва переступив порог штаба армии, вызвал к себе начальника контрразведки майора Шварценберга. Представителю ставки хотелось растоптать майора.

— Вы ленивы и неповоротливы, майор! — ревел эсэсовец.

— Да, но, господин оберштурмбаннфюрер, мы обескровлены, у нас не хватает людей... — пытался оправдаться майор.

— Молчать!.. У вас под носом работают русские радисты. А за спиной — польские партизаны.

Штурмбаннфюрер кричал, что они сумели подслушать разговор Рузвельта и Черчилля, подключившись к трансатлантическому кабелю, а тут в самой Пруссии Шварценберг не в состоянии уничтожить две радиостанции.

Майор бледнел, сетовал на дерзость и профессионализм советских разведчиков. «Они как опытная щука, — лепетал начальник контрразведки, — всегда ускользают из наших сетей». Рядом с майором навытяжку стоял командир пеленгаторского дивизиона. Он лишь разводил руками: «Господин оберштурмбаннфюрер, у русских очень опытный радист, специалист экстра-класса. Работает на ключе искусно и стремительно. Мы не раз засекали сигналы русской радиостанции, но она постоянно ускользала и появлялась через сутки километрах в двадцати от прежнего места».

Оберштурмбаннфюрер Шенкендорф и сам понимал, что им противостоят профессионалы высокого класса, но от этого было не легче. В ставке фюрера нервничали. Перед ним поставили задачу во что бы то ни стало уничтожить русскую разведгруппу, заставить замолчать их радиостанции.

— Карту! — потребовал Шенкендорф. Майор метнулся к сейфу, вытащил карту, дрожащей рукой расправил на столе.

Оберштурмбаннфюрер склонился над картой. Сериц, Рыпин, Млава... Где-то в этом треугольнике действуют неуловимые русские разведчики.

188

Кто они, эти «иваны» и их командир? Как назвал его майор, хитрый русский лис. Вот мы и приготовим для него нору. Черную нору.

...В предновогоднюю ночь 1943 года группа разведчиков перешла линию фронта у села Рудня, что в двадцати пяти верстах северо-восточнее белорусского городка Овруч.

Группой «Овин» руководил опытный разведчик майор Геннадий Братчиков («Овод»). Он ходил в глубокий тыл еще на Черниговщине. Геннадий Иванович закончил Ленинградское военное училище связи. Принимал участие в боях на Халхин-Голе, воевал под Сталинградом. В характеристике сказано: «Энергичен, настойчив. В среде разведчиков и партизан считается опытным, умным, бесстрашным, решительным организатором. Награжден орденом Красного Знамени...»

Училище связи в Ленинграде в 1939 году закончил и капитан Иван Чижов («Озон»). Уже на войне он стал первоклассным радистом, преподавал радиодело. Он не только виртуозно работал на станции, но быстро шифровал.

Третьим участником группы был лейтенант Алексей Сульженко, он же «Барс», он же «лейтенант Борис».

Сульженко шел в головном дозоре вместе с разведчиком «Оленем» — Виктором Маро и «Гончаром» — Дмитрием Гончаровым.

За ними двигались «Овод» с «Озоном» и еще один радист, «Олекса» — Семен Мазур.

Разведгруппа прошла по тылам врага почти семьсот километров. В ту зиму в Полесье не замерзли болота и реки. Приходилось двигаться потаенными тропами следом за местными лесовиками, плыть на утлых лодках-душегубках, продираться сквозь трясины и заросли на лошадях.

И каждый день Центр получал радиограммы: координаты дислокации штабов, складов оружия и боевой техники, аэродромов. Шифровки сообщали о переброске живой силы по железным и шоссейным дорогам Волковысск-Барановичи, Брест-Барановичи.

В заключение Центра о работе группы «Овод» в лесах Белоруссии сказано: «За первые три месяца группа

189

«Овод» передала по радио 157 ценных и очень ценных разведывательных донесений».

Весной 1944 года группа вышла в район Иванцевичи— Пружаны. Надо было подготовиться к новому переходу на Запад. Несмотря на вынужденную остановку, разведданные группе поставляли резидентуры, созданные «Оводом» — в Ячмене, Пружанах и Слониме.

Между тем войска 1-го Белорусского фронта стремительно продвигались на Запад. А разведчики, должны быть, как всегда, на двести-триста километров впереди своих войск.

В начале июня «Овод» получает радиограмму: «Срочно уходите за реку Буг».

В июне группа выступила в поход. Теперь перед разведчиками лежала «терра инкогнито» -— «неизвестная земля». Беловежская пуща — самый крупный лесной массив средней Европы. Партизаны с опаской рассказывали, что пуща наводнена эсэсовцами — тут какие-то секретные склады вермахта. Да здесь же охотничьи угодья СС. Сам рейхсмаршал Геринг любил пострелять тут кабанов.

«Овод» послал в разведку «Барса». Надо было выяснить обстановку и по возможности принять из Центра груз — продукты питания.

«Барс» вернулся через неделю. Груз принял, закопал. Немцы спешно вывозят склады боеприпасов: им не до разведчиков.

Что ж, как поется в песне, сборы были не долги. В путь. Разведчики еще не могли и предположить, какой их ждет удар. Когда дошли до медвежьей берлоги, где «Барс» припрятал продукты, ахнули. Кабаны разрыли берлогу и съели все до последней крошки. Это значит: стокилометровый переход по лесам и болотам Беловежской пущи придется проделать на голодный желудок.

В сутки преодолевали километров по пятнадцать-двадцать. Порой в чащобах приходилось буквально прорубать себе путь топором. Наконец, голодные и уставшие, вышли из пущи в районе станции Гайнуваки.

Впереди верстах в пятнадцати река Западный Буг, а за ней еще более неизвестная, неизведанная территория.

В ночь с 18 на 19 июля 1944 года группа «Овод» в числе первых переправилась на ту сторону. Через три года они возвратились на западную границу Советского Союза.

За Бугом разведчики, казалось, попали в бурный людской поток. Все дороги были забиты отступающими гитлеровцами. Немцы бежали к Варшаве.

«Доктору». Дорогу Янув-Суленов патрулируют солдаты 194 полка жандармерии. «Овод».

«Доктору». Сообщаю польскую сводку движения по шоссейным и железным дорогам Вышкув-Насельск-Минск—Мазовецкий... «Овод».

«Доктору». 31.07. Нахожусь в районе станции Тлуц (35 км северо-восточнее Варшавы)... Ухожу в лес южнее местечка Вышкув. «Овод».

В конце августа в районе Цеханува разведчики взяли языка. Он рассказал много интересного. Оказалось, группа «Овода» вышла в тылы Второй полевой армии вермахта.

«Доктору». Пленный сообщил, что среди гитлеровцев, прибывших из Германии, распространяются слухи: личный состав ВМФ и морской пехоты Германии переводится в сухопутную армию; в Германии создалось критическое положение с ГСМ*. В тыловых городах почти нет автотранспорта с бензинными двигателями. «Овод».

«Доктору». Польские друзья из Журомин и Рыпин сообщили: 30.09. в Рыпин из Бродница прибыло одиннадцать эшелонов с живой силой и техникой дивизии «Герман Геринг», переброшенной из Германии. «Овод».

В тот же день, когда была передана эта радиограмма, группа получила незабываемый подарок: самолет Си-47, стартовавший с аэродрома Брест—Мелышевичи, десантировал на площадке подготовленную разведчиками три грузовых мешка, два мешка сухарей и одного человека. Им оказался старый знакомый, боевой товарищ Владимир Бояринцев, он же «Боцман». Братчиков не раз просил Центр вернуть в группу «Боцмана». И вот теперь Владимир в объятиях товарищей. Он привез письмо из Москвы, из Разведуправления: «Действуйте и дальше

* ГСМ — горюче-смазочные материалы.

так, как вам подсказывает ваше русское сердце. Всей вашей работой доволен... Будьте бдительны... Вы делаете великое дело... „Доктор"».

Такое письмо стоило всех мешков с сухарями.

...Оберштурмбаннфюрер Шенкендорф прибыл в радиодивизион функабвера, который дислоцировался в Серице. Его сопровождал майор Шварценберг.

Вскоре командир дивизиона объяснял высокопоставленному эсэсовцу принцип действия их установки.

— Антенна точно указывает географическое направление радиопередатчика. А на карте, в точке пересечений нитей — место, где работает русская рация. Сегодня мы запеленговали их

на берегу Вкры, оберштурмбаннфюрер.

— Вот так все просто? — удивился Шенкендорф, который впервые побывал у абверовских «слухачей».

— Так точно! — рапортовал Шварценберг. Оберштурмбаннфюрер побагровел:

— Тогда какого же черта? Все гениально просто, а русская разведка до сих пор на свободе. Накрыть их в этой точке.

— Да, но, господин оберштурмбаннфюрер, накрывали. Но к тому времени они оказывались в другом месте.

— А расшифровка радиограмм?

— Мы обращались к лучшим специалистам рейха...

— И что же?

Майор Шварценберг лишь пожал плечами.

— Слушайте меня внимательно, майор — устало сказал эсэсовец. — Пеленгаторы работают днем и ночью. Ввести режим полного радиомолчания, разговоры по телефону ограничить и пользоваться кодом.

Шенкендорф резко встал и обрушил кулак на стол:

— Мы начинаем операцию «Черная нора». Оберштурмбаннфюрер взялся лично за подготовку

этой карательной операции. Уж он-то захлопнет русского «лиса» в этой норе.

Для проведения операции была создана специальная команда из шестидесяти восьми человек. Шенкендорф лично отбирал людей.

192

В нее вошли самые верные сыны рейха. Костяк из ветеранов карательных операций против партизан в тылу группы армии «Центр». Почти все награждены «Железными крестами».

Солдаты штурмовой группы — осужденные браконьеры, охотники, контрабандисты. В команде много знающих русский и польский языки. В подкрепление — кинологи с собаками. Обязательно в намордниках, чтобы лаем раньше времени не выдали себя.

Поведет ягдкомманду* опытный лесник, давний агент гестапо.

Техническую поддержку осуществляют пеленгаторы радиодивизиона функабвера.

В октябре 1944 года на хуторе Залесский в бою с окружившими их карателями были убиты два советских разведчика. В ногу ранен командир группы. Но «лис» и в этот раз ускользнул из рук эсэсовцев.

Немцам стало известно, что в ходе преследования русские уничтожили в болоте свою радиостанцию «Север» и два

комплекта батарей к ней.

Но 5 октября фашистские пеленгаторы перехватили новую радиограмму. Как и прежние сообщения, им не удалось его расшифровать.

А разведчики докладывали:

«Доктору». 05.11. Во время карательной операции 28.10 убит «Барс». «Гончар» тяжело ранен в предплечье. Вальтер Больц ранен в левую ногу... «Овод» и «Озон» находятся в болотах реки Вкра в районе Сельдынь. «Боцман».

В тот же день в Центре приняли еще одну радиограмму.

«Доктору». 05.11. Преследуют каратели. Батареи и рация «Озона» утоплены в болоте. Я ранен, ходить не могу. «Овод».

И тем не менее разведгруппа, находясь в критическом положении, продолжала работать. В подтверждение этого их радиограммы.

* Ягдкоммандо *(нем.)* — истребительная команда.

193

«Доктору». 21.11. В Рыпине расквартирована дивизия «Герман Геринг» численностью 16000 человек. «Овод».

«Доктору». 21.11. Выброску груза на переданные сигналы прошу отменить. Преследуют каратели. «Овод».

Содержания радиограмм фашисты не знали, но их передача из глубокого тыла 2-й Полевой армии приводила Шенкендорфа в ярость.

В операцию «Черная нора» включались все новые силы. Кольцо карателей сжималось вокруг безмерно уставших, раненых советских разведчиков. Не было еды, питья, батареи радиостанции на исходе. Ждать помощи неоткуда.

Убит «Барс», ранены другие члены разведгруппы, но звезда «Овода» еще светила. Он думал о будущей работе, о борьбе.

«Доктору». 08.12. Радиста могу поселить на квартиру в Быдгощи. Прошу радиста-мужчину любого возраста, желательно знающего немецкий или польский... Поспешите с выброской... «Овод».

Это была последняя телеграмма майора военной разведки Геннадия Братчикова.

...Оберштурмбаннфюрер СС Шенкендорф утром возвратился из Берлина. Он заслушивал майора Шварценберга о ходе операции «Черная нора», а сам в мыслях был далеко от этих мест.

Ему снова мерещился профиль шефа разведки Шелленберга и резкие слова:

— Прекратить болтать. Мы пытаемся сохранить в тайне планы фюрера на Западном фронте, а в вашем районе, где сосредоточено четырнадцать дивизий резерва, уже год сидит этот

русский разведчик...

Оберштурмбаннфюрер как мог заверил Шелленберга. Теперь наступил его последний шанс.

— Ягдкоммандо охватывает район расположения русской разведгруппы, — слова майора с трудом доходили до сознания Шенкендорфа. — Вооружение — пулеметы, автоматы, огнемет, бесшумные винтовки, винтовки с оптикой... У всех на ногах плетенные «мокроступы», предназначены для преодоления болот в

плавнях реки Вкры. Для перевозки кладки подготовлены лошади. Начало операции в двадцать три часа. Приняты все меры по предотвращению попыток прорыва разведчиков через наши порядки. База русских окружена стальным кольцом, оберштурмбаннфюрер. Шенкендорф помолчал и отдал приказ:

— Начинаем послезавтра, одиннадцатого декабря, «Овод» и «Озон» превратили стог сена в шалаш. Стог находился на небольшом острове посреди реки Вкры. До ближайшего села километров десять. Пустынно, необитаемо. То, что и нужно разведчикам.

«Овод» страдал от раны в ногу. Пытался сам достать пулю, не удалось, засела глубоко. Теперь «Озон» каждый день перевязывал командира.

Наложив покрепче повязку, «Озон» достал радиостанцию, свой любимый «Северок», настроился на волну Москвы.

«...Вчера войска 3-го Украинского фронта в ходе наступательных боев вышли на южный берег острова Балатон...»

«Овод» тем временем изучал карту. Впереди лежала территория «старого рейха» — последний гитлеровский оплот. Меньше чем через три недели годовщина их рейда по тылам. Братчиков задумался: а ведь дата, что и говорить.

Хауптштурмфюрер СС, командир ягдкоммандо, отправил одно отделение на хутор Мысьлин, остальных людей бросил на окружение острова.

...«Овод» услышал автоматную дробь на хуторе и схватил пулемет. Тут же раздался голос по усилителю:

— Сдавайся, ты окружен.

Над островом взмыли осветительные ракеты. «Овод» ударил по камышам. Штурмовая группа бросилась в атаку.

Утром в Бежуни на главной площади лежало замерзшее тело человека. По приказу немцев труп должен был лежать три дня. Но уже во вторую ночь кто-то унес тело русского разведчика из-под носа полиции. Боевые товарищи, оставшиеся в живых, похоронили близ хутора

Мысьлин в одной могиле гвардии майора Братчикова и капитана Чижова.

А наутро операторы радиодивизиона функабвера перехватили радиограмму.

«Доктору». В борьбе с карателями на хуторах Мысьлин и Вонтрубки погибли командир «Овод», «Озон»... Командование группой взял на себя, заместителем назначил «Оленя». Прошу утвердить. «Боцман».

Срок пребывания разведгруппы в тылах врага и объем проделанной работы — беспрецедентны.

Радиоузел 1-го Белорусского фронта принял 690 донесений. Ни одна из радиограмм группы «Овин» не была расшифрована, хотя этим занимались лучшие специалисты вермахта.

Разведотдел штаба фронта сделал такое заключение о разведдеятельности группы «Овин»: «За время работы в тылу противника группа прошла большой путь от города Овруч до Вислы, и далее в западную часть Польши, где приходилось встречаться с большими трудностями. Несмотря на сложные условия работы, группа с поставленными задачами справлялась хорошо и своевременно обеспечивала командование фронта ценными разведданными о дислокации войск противника, перевозке живой силы и техники по железным и шоссейным дорогам».

...Несмотря на непрерывные преследования немцев и частые облавы, группа детально освещала положение войск противника в районе действия, перевозки по железным дорогам Торн-Серпц-Насельск, Бродница-Сериц-Полоцк.

Установила гарнизон и военные объекты города Сериц, указав цели для бомбометания. Обнаружила прибытие дивизии «Герман Геринг»... Первой дала сведения, которые помогли вовремя засечь формирование новой группы армий...»

Такова по-своему уникальная история разведгруппы «Овин». Ее командиру майору Братчикову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

У разведки... женское лицо

Женщины в разведке — тема особая. Английский разведчик Бернард Ньюмен, в годы Первой мировой войны работавший в самом сердце германского генштаба — в оперативном отделе, — писал: «Я вовсе не желаю... сказать, будто вообще не было женщин-разведчиц, хотя их деятельность не была особенно выдающейся. Среди них нашлась только Мата Хари, да и та не совершила сотой доли того, что приписывалось ей в романтических произведениях».

Да, действительно, женщин-разведчиц не так уж много. Однако, как известно, нет правил без исключений. Таким исключением является служба спецрадиосвязи военной разведки.

В годы Великой Отечественной войны среди выпускников горьковской школы младших радиоспециалистов более половины — женщины. А школа подготовила пять тысяч разведчиков-радистов. Факт, надо сказать, беспрецедентный. Такого не знала ни одна разведка мира.

Суровая фронтовая необходимость заставила широко использовать женщин в разведке. Представьте себе, на оккупированной территории — на железнодорожной станции, в аэродромном поселке остается в качестве резидента-подпольщика мужчина. Но в гестапо работали профессионалы, и такой резидент автоматичес-

ки попадает под подозрение: как и почему молодой, здоровый мужчина оказался не на фронте? Иное дело — женщина.

Известно, например, что на случай оставления нашими войсками Москвы, в 1941 году Разведуправление готовило развернуть в столице широкую сеть агентов. Резидентом должна была стать опытная разведчица подполковник Полякова.

В службе спецрадиосвязи ГРУ два Героя Советского Союза. И обе — женщины — Анна Морозова и Леэн Кульман. Это тоже говорит о многом.

Вообще, когда слушаешь ветеранов, рассказывающих о женских судьбах в разведке, понимаешь: такое не должно было произойти. Но произошло.

Что такое группа глубинной разведки? Это семь-десять человек наиболее подготовленных, физически сильных, опытных мужчин. Среди них одна, иногда две молодые девушки-радистки.

Первое испытание — прыжок с парашютом в совершенно незнакомую местность. Раньше в фильмах о разведчиках показывали предварительную подготовку, парашютные тренировки. Сегодня можно и нужно сказать: никаких тренировок не было и в помине. В горьковской школе изучали только радиостанцию и практическую работу на ней. Какая парашютная подготовка? Не хватало ни времени, ни возможностей. Так что первое задание в немецком тылу начиналось с первого прыжка с парашютом.

Как приземлялись? Всякое бывало. Повисали на деревьях, топли в болотах, разбивались... Десантировались и благополучно.

А потом, как правило, длительный марш-бросок подальше от места приземления. По лесу, оврагам, речкам, подальше от

человеческого жилья, а значит от тепла, отдыха. Нередко, когда на хвосте висели каратели. Мужская нагрузка ложилась и на хрупкие женские плечи.

Отдых там же в лесу, в поле, в лучшем случае в стогу сена. Девушки вместе с мужчинами. Да кто же ее отпустит от себя. Радистку берегли пуще глаза. В туалет, прос-

198

тите, ходила с сопровождающим. Иначе нельзя. И так изо дня в день, нередко долгие месяцы.

Вот такая романтика разведслужбы.

Сегодня о таком подумать страшно, а они делали, наши девушки-разведчицы. И не сказать, не вспомнить о них в этой книге, на мой взгляд, была бы большая несправедливость.

Лебединая верность

Немецкий полицай Костя Поваров взорвался на партизанской мине. Пошел в лес и взорвался. Жители Сещи, небольшой станции на Смоленщине, узнав о смерти фашистского прихвостня, шептали: «Собаке — собачья смерть». И лишь Аня Морозова знала, какой человек погиб в лесу у деревни Струковки: прекрасный, бесстрашный разведчик, руководитель сещинского подполья. Она лишилась поддержки, опытного наставника, крепкого мужского плеча.

Советские войска, оставляя Сещу в сорок первом, понимали стратегическую важность местного аэродрома. Этот первоклассный аэродром был построен накануне войны. Не было сомнения: немцы устроят здесь свою авиабазу. Так и случилось.

Авиабаза в Сеще стала крупнейшей в дальней авиации Гитлера. Она формировалась в Висбадене, входила во Второй воздушный флот люфтваффе генерал-фельдмарашала Альберта Кессельринга. Фашистские эскадрильи совершали налеты на Горький, Ярославль, Саратов. Именно ястребам Кессельринга Геринг приказал уничтожить Москву. Для этого было выделено триста самолетов и лучшие, первоклассные летчики.

Позже Геринг перебросил Второй воздушный флот в район Средиземноморья, а некоторые соединения передал штабу оперативной группы «Ост», которой командовал сначала фельдмарашал фон Рихтгофен, потом — генерал-лейтенант Риттер фон Грейм.

199

В Сеще базировалась Первая авиационная эскадра люфтваффе.

Все, что делалось на базе, очень интересовало советское командование, и поэтому резидент военной разведки Константин Поваров пошел служить в полицию. Он хорошо разбирался в

людях. Вскоре в подпольной резидентуре уже работали Аня Морозова, Паша Бакутина, Люся Сенчилина, Лида Корнеева. Помогали поляки, мобилизованные в немецкую армию: два Яна — Тима и Маньковский, Стефан Гаркевич, Вацлав Мессьяш, чехи — унтер-офицер Венделин Рогличка, Герн Губерт.

Это они вели тайную войну с комендантом авиабазы полковником Дюдой, подполковником Арвайлером, оберштурмфюрером СС Вернером.

В дни Сталинградской битвы по базе был нанесен мощнейший удар советской авиацией — уничтожено несколько десятков самолетов, сгорел склад бензина. Подробную карту авиабазы с обозначениями штаба, складов, мастерских, ложной взлетно-посадочной полосы, системы противовоздушной обороны составила сещенская резидентура. И вывела из строя крупнейший воздушный узел на целую неделю. И это в дни самых ожесточенных боев на Волге.

По ориентирам разведчиков базу бомбили регулярно.

Однажды Венделин Рогличка сообщил: летчики и техники решили отдохнуть на природе в селе Сергеевка. Данные были переданы партизанам. Те совершили дерзкое нападение на фашистский дом отдыха, уничтожив почти двести офицеров и солдат.

А как радовались подпольщики, когда удалось узнать, что в начале сорок третьего на сещенский аэродром прилетели новые ФВ-190 и модернизированные истребители танков Ю-87. Их испытывал один из асов люфтваффе Ганс Ульрих Рудель.

Под контролем резидентуры был не только аэродром, но и железнодорожная станция. Как-то среди привычных уже немецких составов появились вагоны с эмблемой «желтого слона». Что за слон? Подпольщики узнали: это эмблема химических войск вермахта. Оказывается, в ва-

гонах хранились новые, современные противогазы. Саша Барвенков, совсем еще мальчишка, выкрал новый образец. Противогаз через партизан был отправлен в Москву.

Вели не только разведку, но и занимались диверсиями: на бомболюки ставили мины замедленного действия, которые взрывались в воздухе, и самолеты гибли. Только в период Курской битвы разведчики Анны Морозовой сумели взорвать шестнадцать самолетов.

Кстати говоря, и о приближающемся наступлении на Курской дуге в Центр сообщила сещенский резидент Морозова. Подпольщикам удалось подслушать разговоры немецких летчиков. Эта информация стала еще одним подтверждением уже

имеющихся разведданных.

После многочисленных взрывов самолетов «по неустановленным причинам» по Сеще прокатилась волна арестов. В застенки гестапо угодил Ян Маньковский, Мотя Ерохина. Они погибли, никого не выдав. Из-под ареста удалось бежать Яну Тиме и Стефану Гаркевичу. Резидент переправила их к партизанам.

В сентябре 1943 года Сеща была освобождена. Ушли воевать дальше на запад ее боевые друзья, а Аня Морозова осталась. Она работала в строительной конторе, радовалась тишине и продуктовой карточке. Болела мама, отец ушел на фронт, вокруг сестренки. Надо было их кормить, заботиться. Да и навоевалась. Два года в подполье по острию ножа ходила...

А в октябре, когда уже наступили холода, побывала на могиле Кости Поварова. Посидела у холодного холмика. И защемило сердце...

Не могла она больше сидеть в тихой конторке. Хватило ее всего на месяц. Отдышалась немного, отдохнула и решила снова в бой. Знала, как заплачет, запричитает мать. Знала и другое — надо помочь запастись им на зиму картошкой, дровами, отложить хоть немного денег из ее мизерной зарплаты. Так и сделала... А зимой уехала из Сещи, попала в школу разведчиков-радистов. Здесь встретила своих боевых друзей — командира разведгруппы, который передавал ее сведения в Центр, Ивана Косырева, Люсю Сенчилину, Пашу Бакутину.

201

В ее личном деле появилась запись: «Товарищ Морозова имеет в прошлом большой опыт работы на оккупированной территории и по своим деловым и политическим качествам может быть направлена в тыл противника... При наличии документов сможет проживать легально на территории, оккупированной немцами...»

Бывшему резиденту сещенской резидентуры Морозовой предстояло освоить новую разведспециальность — радиодело.

Уже через два месяца она передавала на ключе восемьдесят знаков буквенного текста и семьдесят — цифрового. В учебной характеристике Анны Морозовой говорилось: «В связь вступает хорошо. Цифровой текст принимает без вопросов. Передача на ключе четкая. Радиожаргон знает хорошо и правильно им пользуется.

Вывод: к работе по обеспечению радиосвязи в тылу противника готова».

Аня получила псевдоним «Лебедь». На выпуске кто-то из ее командиров, напутствуя ее, сказал: «Лебеди смелые и верные

птицы...» Она была назначена разведчицей-радисткой в группу «Джек».

Разведгруппа состояла из опытных разведчиков. Возглавлял ее капитан Павел Крылатых, Он уже трижды побывал в тылу врага.

Второй радисткой была Зинаида Бардышева («Сойка»). В 1942 году в составе группы «Ловкий» она действовала в районе Минска. Награждена орденом Красной Звезды.

Кроме них, еще семь разведчиков, в том числе и заместители командира — Николай Шпаков и Иван Мельников.

Неспроста в этот коллектив вошли только опытные, обстрелянные разведчики. «Джек» была первой из советских разведгрупп, выброшенной на собственно немецкую землю, в самое логово врага.

Роминтенский лес, бывший заповедник Гогенцоллернов. Рядом, под Растенбургом, — главная ставка Гитлера. За ее охрану отвечает сам Гиммлер. Сюда предстояло десантироваться «джековцам».

202

Даже видавшим виды разведчикам от такого задания становилось не по себе. Однако кто-то должен быть первым.

Первой стала группа «Джек».

...27 июля 1944 года над Восточной Пруссией был высажен десант. Шестеро из десяти разведчиков повисли на деревьях. Им помогли спуститься товарищи, но купола парашютов так и остались висеть на деревьях, как свидетели высадки. Снимать некогда. Надо было как можно быстрее покинуть район приземления. Самое досадное, что грузовой мешок с боеприпасами, двухнедельным рационом питания и запасным комплектом батарей найти не удалось.

В тот же день гауляйтеру Восточной Пруссии Эриху Коху доложили: самолет-разведчик в Долине лосей засек висевшие на деревьях парашюты. Советский десант. В трех ночных переходах от ставки фюрера «Вольфшанце». И это через неделю после неудавшегося покушения на Гитлера.

Огромная машина полиции безопасности и СС была приведена в действие. Облавы шли днем и ночью. Пеленгаторы засекли выход в эфир радиостанции советских разведчиков.

А «Джек» уже передавал первые разведданные об укрепленном районе «Ильменхорст», который по своей мощи превосходил известную «линию Зигфрида». Фронт был еще далеко, и наше командование ничего не знало об этом укрепрайоне, протянувшемся до Мазурских болот.

Уже на третью ночь в стычке с карателями был убит

командир, капитан Крылатых. Руководство группой принял на себя Шпаков. Он командовал ею два месяца. За это время разведчики выходили в районе города Гольдап, на линию дороги Кенигсберг-Тильзит, на берег залива.

Мучил голод. Лишь изредка «Джеку» удавалось принять груз. Мешали облавы, засады, непогода. А в это время в сводке разведотдела фронта появляются слова: «От разведгруппы «Джек» поступает ценный материал...»

Этот «ценный материал» оплачен жизнями разведчиков. Убит Зварика. Пропали без вести в бою с карате-

лями Раневский и Тышкевич. Оказался отрезанным от своей группы Шпаков. Позже он тоже погиб. Третьим командиром стал Иван Мельников.

Досаждали егеря, лесники, которых в прусских лесах было немало. Каждый из них мог донести полиции.

Дневки разведчики проводили в лесу. Ночью выходили в поиск.

Холодало. Шли дожди. Наступил октябрь. Фронт стоял на месте. Из-за нелетной погоды груза с продуктами ждать не приходилось.

Однажды вышли к немецкому аэродрому. Поближе подойти послали одного из бойцов. Тот принес сенсацию: на аэродроме самолеты нового типа «Мессершмитт-112».

Анна Морозова, хорошо изучившая немецкие летательные аппараты еще в Сеще, усомнилась в верности сведений, сама пошла к аэродрому. Возвратилась, доложила. Стоят модернизированные «Мессершмитты-110Е».

В связи с этим мне вспомнилось еще одно замечание английского разведчика Ньюмена: «Совершенно бесполезно посылать женщину в неприятельскую страну для того, чтобы выудить детали новой гаубицы, если она, встретив на дороге одновременно гаубицу и индийского йога, не сможет отличить одно от другого».

Оказывается, ошибался англичанин. Не знал он русских разведчиц.

В ноябре Центр сбросил нового командира группы «Джек» — Анатолия Моржина. Молодой лейтенант, увидев, как изможднены разведчики, попросил Москву о переходе группы на юг, в Польшу. Центр разрешил.

До польской границы дошли четверо: Моржин, Мельников и радисты — Морозова и Бардышева. Обосновались в лесной землянке у деревни Вейдо. Впервые за много месяцев поели горячей пищи.

Однако долго отдыхать было некогда. Командир налаживал разведку. Однако развернуться по-настоящему не успели. Центр принял радиограмму «Лебедя»: «Три дня тому назад на землянку напали эсэсовцы. По сведениям поляков, немцы схватили Павла Лукманова, он не выдержал пыток, выдал нас. «Француз» умер мол-

204

ча. «Сойка» сразу была ранена в грудь. Она сказала мне: «Если можешь, скажи маме, что я сделала все, что смогла, умерла хорошо». И застрелилась.

«Гладиатор», «Крот», тоже были ранены и уходили, отстреливаясь, в одну сторону, я — в другую. Оторвавшись от эсэсовцев, пошла в деревню к полякам, но все деревни заняты немцами».

Трое суток блуждала Анна по лесу. Наткнулась на разведчиков спецгруппы капитана Черных.

Заночевала группа в крестьянской хате близ деревни Нова Весь. Не знала тогда Анна Морозова, что в этих местах, неподалеку, геройски погиб командир разведгруппы «Овод» — Геннадий Братчиков.

...Каратели напали на хутор ранним утром. Упал, сраженный пулей, капитан Черных. Анна выбралась из хаты и бросилась к плавням. Пуля пробила руку. Но и на этот раз смелой разведчице-радистке удалось спастись.

Поляки спрятали Анну в смолокурне. Но собаки шли по следу радистки. И тогда она вытащила две гранаты и пистолет «Вальтер».Крестьянин-смолокур, прятавшийся в плавнях, стал последним свидетелем гибели советской разведчицы. Она убила трех фашистов и подорвала себя гранатой.

Анна Морозова стала Героем Советского Союза. Польша наградила ее крестом Грюнвальда.

Резидент Хелене

Что остается от разведчика, когда он уходит в мир иной?

Дети. Если он дожил до этого счастливого дня, до их рождения. А если он был молод и не оставил потомков?

Дела. Но их держат в секрете, зачастую и после смерти разведчика.

Письма. Написанные на листочках из школьных тетрадей, на досках парт, на клочке исподнего белья и даже на стенах тюремных камер.

205

Порой это единственное из немногого, что остается от разведчика.

К счастью, Леэн Кульман, разведчица-радистка, Герой

Советского Союза, любила писать письма. Она писала их сестре Ануке. Нежные, во многом наивные, но удивительно честные, патриотичные. Наедине со своими мыслями Леэн не могла врать, даже если ее слова покажутся нам, сегодняшним, слишком громкими и выспренными. Такими они были, девочки и девушки грозных сороковых годов. Поэтому и победили.

Они знали, что им делать, «если завтра война...» А знаем ли мы?

Поэтому и хочу обратиться к письмам патриотки-эстонки, Леэн Кульман, одной из двух героинь службы спецрадиосвязи военной разведки. Когда она писала их, ее заброска в тыл была впереди, но как угадала она многое из того, что произошло потом с ней. И как тверда и верна осталась своим убеждениям. Несмотря на пытки, боль, унижения.

Теперь мы часто поражаемся бездуховности и безнравственности ныне живущих. Так не время ли вспомнить о таких, как Кульман? Время.

Из письма Леэн сестре:

«Так много есть о чем сказать, но к чему все это. Если люди были так близки, как мы, близнецы, если они вместе так много пережили, перенесли так много трудностей, тогда сильно ощущаешь отсутствие близкого человека.

Все пережитое без него словно оставляет где-то пустоту...»

Когда она писала эти строки, ей было всего двадцать два, а пережить, действительно, пришлось много.

Леэн, а при рождении ее звали Хелене, родилась шестым ребенком в семье сапожника. Полуголодное детство, да еще отравляющий душу национализм. Чтобы стать более «незаметными», вся семья сменила имена и фамилии на более эстонские. Хелене стала Леэн, старший брат Борис — Энном, младший Александр теперь звался Агу, мать Лидия Кульман взяла фамилию Мурдвеэ.

Тяжело заболел и умер отец. Мать кормила пятерых малолетних детей.

«В 1932 году, — напишет Кульман в биографии, — умерла от несчастного случая моя школьная подруга Майга Берзинь. С этого времени ее родители начали поддерживать меня материально... Летом я жила у них, зимой — у матери.

Летом 1940 года была с приемной матерью в Пярну. 21 июня произошел полный разрыв между мной и приемными родителями».

Леэн уезжает в Таллин, к старшей сестре, поступает в педагогическое училище.

С началом войны, в дни обороны Таллина помогает раненым, участвует в тушении пожаров.

Из письма Леэн сестре:

«Не вешай нос. Это только начало трудностей. Но все это проходящее. Помнишь, ты сама однажды написала в мой альбом приблизительно такую мысль, что буря и дождь пройдут и опять будет светить солнце. Так исчезнет и самая большая боль и горе, и наступит опять время, когда можно будет смеяться от всего сердца и быть счастливой. Украшают ее именно трудности...»

А трудностей было хоть отбавляй. В августе Леэн, когда немцы уже ворвались в пригороды Таллина, эвакуировалась на пароходе «Суур-Тылл».

Город пылал. Ранним утром пароход снялся с рейда. Немцы бомбили порт. На следующий день они прибыли в Ленинград. Кульман запишет в своем дневнике: «Нельзя плакать, нельзя быть слабой. Для этой борьбы нужны железные люди».

В конце октября Леэн окажется в эвакуации в селе Ункурду Челябинской области. Будет работать в колхозе, жить в русской семье Анны Кузнецовой. Здесь она вместе с другими девушками узнает, что на Урале формируется эстонская дивизия. Вместе с парнями они идут в военкомат, и 9 января 1942 года их зачисляют добровольцами. Леэн попадает в медико-санитарный батальон.

207

25 января у Кульман «первый рабочий день». Она дежурит в инфекционной больнице. Вскоре ее назначают политруком санитарной группы.

И все-таки есть горечь разочарования: тыл, больница... Хочется чего-то большого.

Из письма Леэн сестре:

«Когда живешь ради одной идеи, когда хочешь сделать все, чтобы она осуществилась, тогда никакая трудность не будет непреодолимой. Хотя порой невольно на глаза набегают слезы, но они быстро высыхают в азарте труда. Все проходит и изменяется. Нет ничего вечного. Представьте себе, как скучно было бы жить пустой, будничной, скучной жизнью. Мы, комсомольцы... избрали для себя другой путь, более трудный и красивый. Жизнь, полную борьбы и радости победы. И не променяем ее на более легкую жизнь».

Вскоре Кульман направляют в разведшколу, В характеристике написано: «Имеет большое желание скорее идти на фронт для борьбы с фашизмом».

...14 сентября 1942 года после возвращения из ночного полета морской летчик капитан Летуновский написал рапорт:

«Вылет произведен в район города Тарту, 2,5 км южнее местечка Вялги. Парашютист выброшен в 22 часа 44 минуты с высоты 300 метров при скорости самолета 240 км/час. Парашют раскрылся нормально, и приземление произошло в указанном месте...»

Утром следующего дня приемный центр разведотдела штаба Балтийского флота принял радиограмму: «Все в порядке, приступаю к выполнению задания. „Камбала"». Такой псевдоним был присвоен одной из первых советских разведчиц, действовавших на территории оккупированной Эстонии, — Леэн Кульман.

Лес северо-восточнее Тарту выходил к Чудскому озеру. Сюда и приземлилась разведчица-радистка. В ее задание входило собирать сведения о передвижениях военных кораблей и грузового транспорта в порту Пярну, о перевозках по железной дороге Рига—Нарва, о боевом составе флотилии, которая базировалась на Чудском озере.

Леэн Кульман вела наблюдение за дорогой, за озером, а вечером торопилась в лес. Там была «забазирована» ее радиостанция. Каждый переход таил в себе большую опасность. Ведь у нее кроме старого эстонского паспорта ничего не было. А на дорогах дежурили немецкие патрули...

В лесу на берегу озера было оставаться не безопасно, да и приближалась зима. 19 сентября в разведотделе получили телеграмму: «Отправляюсь в Тарту». После этого разведчица надолго замолчала. Перед ней встали сложные проблемы.

Мать с сестрами Марией и Регина жили на окраине города и радостно встретили Леэн. Но надо было как-то «легендироваться»: устроиться на работу, по возможности обменять старый эстонский паспорт. Но в условиях оккупационного режима, слежки гестапо сделать это было трудно. Тем более их семью многие знали в Эстонии. В советские времена муж старшей сестры — Аркадий занимал высокий пост.

Подумывала Леэн об отъезде в Пярну.

Но там жили приемные родители Берзини. Можно было только гадать, как они себя поведут при встрече с Леэн.

На хуторе под Луутснику, что невдалеке от Выру, жила сестра Ольга. Место было глухое, Леэн никто не знал. Вот туда она и отправилась. Но перед отправкой все-таки смогла собрать в Тарту развединформацию.

11 октября «Камбала» передала сразу несколько радиограмм.

Остановившись у сестры, разведчица-радистка наблюдала за движением вражеских колонн на шоссе Псков-Рига, делала поездки по железной дороге, узнавала расположение немецких

гарнизонов. Возвращаясь на хутор, она зашифровывала разведданные и разворачивала в сарае радиостанцию. И так каждый день. Сестра Ольга, которая помогала ей в работе, позже рассказывала: «Когда Леэн уходила в сарай, чтобы установить связь со своими начальниками, я брала в руки пятимесячную дочь Лууле и прогуливалась у дороги, чтобы в случае опасности предупредить сестру».

209

Время шло. Питание радиостанции начало сдавать, и слышимость к концу ноября - началу декабря была не более двух-трех баллов. В архивах остался доклад оператора: «До 6.11.42 года корреспондент работал со слышимостью 1-2-3 балла, временами пропадал совершенно».

Такое состояние связи беспокоило Центр.

Радистке была направлена телеграмма: «При первой хорошей погоде высылаем вам все необходимое...»

Разведотдел планировал прислать несколько комплектов радиопитания, но Леэн без помощи Центра решила эту проблему. Где и как она достала батареи, теперь уже навсегда останется загадкой.

20 ноября. «Камбала» вновь застучала в эфире на полную мощь.

Чтобы более эффективно выполнять задания Центра, Кульман принимает весьма смелое решение: переехать в Пярну к своим приемным родителям.

Из письма Леэн к сестре:

«У людей часто бывают трудности из-за того, что личные интересы страдают ради общественных. У меня сейчас совсем по-другому. Я знаю, что все, что я делаю ради Красной Армии, одновременно делается и для блага моих близких.

Каждое свое достижение я с двойным удовлетворением и радостью отношу как на счет Родины, так и личного благополучия. Жизнь в этих больших трудностях так прекрасна и так ценна. Если бы достичь всего, чего так хочется и чего ждет от тебя Родина! Может ли быть больше радости, чем право сказать после войны, что я помогала нашей победе!..»

Фриц и Эмилия Берзини приняли беглянку, приютили, поместили в одной из комнат своей большой двухэтажной виллы на улице Сунелузе.

Леэн рассказала о своих мытарствах, эвакуации. И только. Остальное знать они не должны.

Рацию разведчица спрятала в шкаф, замаскировала.

Днем Леэн уходила в город, гуляла по набережной, на железнодорожной станции, по каменному молу, с которого был

виден весь залив.

210

В конце декабря радистка вела передачи из дома Берзиней: передала расположение складов, график прохождения воинских эшелонов.

После рождественских праздников Леэн покинула Пярну и возвратилась на хутор под Луутснику. В новогоднюю ночь она передала в Центр свою последнюю радиограмму: «Приветствую Родину в Новом году».

3 января 1943 года на хутор внезапно ворвались фашисты и учинили в доме сестры обыск. Казалось, все обошлось, но в конце обыска одному из фашистов удалось обнаружить в матраце радиостанцию.

Леэн в тот день арестовали. Вот как об этом позже вспоминала ее сестра Ольга: «Леэн была очень спокойной. Только лицо ее было бледнее обыкновенного. Ее твердое поведение помогло и мне сдерживать слезы. Она хотела мне что-то сказать, но ей не разрешили. Улучив момент, она прошептала: „Тебя я не вмешаю. Ты ничего не знаешь о всей этой истории. Ясно?"».

Однако арестовали не только разведчицу, но и ее родственников, знакомых.

Три месяца фашистские спецслужбы вели допросы, склоняли к работе на себя. Но после ареста Центр не получил ни одной радиограммы. Это значит, что советская разведчица-радистка отказалась сотрудничать с фашистами.

Как она погибла, не знает никто. Известно только, что в середине февраля ее, измученную, больную, в кандалах привели в тартускую тюрьму.

Сохранились два коротких документа немецкой полиции безопасности.

Советская разведчица Леэн Кульман отправлена в распоряжение политической полиции города Выру, а позже передана немецкой сыскной полиции в Пскове.

Второй документ еще короче: находясь под арестом, Кульман умерла.

Из письма Леэн сестре:

«Кто знает, каких еще жертв потребует теперешнее время. Если мы когда-нибудь будем стоять перед вопросом — жизнь или смерть, то будем знать, что перед

211

нами будущее, ради которого есть смысл бороться и которое вдохновляет нас на жизнь. Но если нужно, то цель настолько велика и возвышенна, что можно отдать и жизнь. Не легко, и бездумно, а с глубоким убеждением, что так правильно, что так

отдано самое дорогое для обеспечения нашей победы».

В 1965 году Леэн Андреевна Кульман было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Рассказ о двух женщинах — героях военной разведки мне хочется закончить словами фрейлины ее величества Анны Вырубовой. Она однажды записала в своем дневнике: «Не могут понять... того, что может выдержать женщина, не может выдержать ни один мужчина...» Право же, мудрые слова. И к ним стоит прислушаться.

Удачная сделка «Арапа»

В известном кинофильме «Подвиг разведчика» в главной роли с Кадочниковым советский, разведчик пытается «выудить» из сейфа высокопоставленного гитлеровца важные, секретные документы. Сколько раз замирали наши мальчишеские сердца, когда вдруг с экрана завывала сирена тревоги и Кадочников, как кажется, неизбежно попадал в ловушку.

Не знаю, использовал ли сценарист в ходе работы над фильмом какие-то документальные материалы, или случай «с неприступным сейфом» оказался фантазией автора?

Скоре всего, никаких документов не было. Иначе авторы кинофильма «завернули» бы сюжет покруче. Главное, что придумывать бы ничего не пришлось. Все давным-давно придумала жизнь.

...В начале зимы 1944 года фронт стоял у предгорий словацких Бескид. Словацкое восстание было подавлено. Немцы перегруппировали силы и подтягивали резервы. У Моравской Остравы вырос глубокоэшелонированный район обороны.

Разведуправлению штаба 1-го Украинского фронта как воздух нужны были данные о немецкой обороне.

«„Арап". Добыть планы укреплений и направить через линию фронта. Павлов».

Такую радиограмму получил из Центра командир разведгруппы «Арап» капитан Белявский. В группу кроме

него входили заместители — «Остов» и «Агроном», радистки «Ора» и «Ира», бойцы «Яныч», «Маренич» и «Адик».

Ночью 7 октября 1944 года они были десантированы в тыл противника для выполнения специального разведывательного задания командования. Приземлилась группа «Арап» в двадцати километрах западнее Моравской Остравы.

Капитана Белявского в Центре звали «счастливчиком Адамом». Почему Адамом? Да потому, что фамилия Белявский была его псевдонимом. На самом деле он Адам Евсеевич Нимищенко. Родился в Белоруссии, до войны закончил

учительский факультет. Потом воевал, партизанил. По личной просьбе направлен в тыл врага.

До Словакии в глубоком тылу находился дважды. По рапортам гестапо был также дважды уничтожен. Но выжил. Наверное, поэтому и «счастливчик».

Отвечая на этот вопрос после войны, он скажет, что дело не в везении. Одного везения мало.

На телеграмму Центра Белявский ответит: «„Павлову". Принимаю меры к выполнению задания. „Арап"».

...Однажды утром, словно пройдя сквозь стену, перед полковником, начальником немецкого гарнизона в Моравской Остраве вырос советский разведчик. На это трудное и, на первый взгляд, безумное дело его послал капитан Белявский. Послал к матерому фашисту в лапы — прямо в штаб, в кабинет. Словом, на явную смерть.

Но как оказалось потом, командир разведгруппы точно просчитал немецкого полковника. Сначала он собрал о начальнике гарнизона информацию. Чехи, обслуживающие виллу, докладывали о каждом шаге фашиста. А экземпляр, право же, попался любопытный. Несмотря на войну, полковник питал слабость к хорошим духам, а ежевечерне сочинял письма домой в Померанию. Там у него были две любимицы-дочери на выданье.

Белявского привлекал не сам полковник, а его сейф. Гамбургский чудо-сейф, в котором хранилась схема обороны Бескид. Слепки от ключей «Арап» имел, да что толку, не помогли они. И тогда руководитель разведгруппы решил сделать фашисту предложение: продать схему.

Полковник вначале возмущался, но потом поинтересовался, есть ли у посланца деньги. А запросил он немало: пятьдесят тысяч долларов.

У посланца чесались руки — прикончить подлеца, но нельзя. Пропажа схемы обороны, убийство начальника гарнизона заставило бы немцев принять контрмеры и перегруппировать силы.

Посланник Белявского начал торг. Но фашист стоял на своем. Снизить цену не удалось. Тогда советский разведчик предложил пятьдесят тысяч рейхсмарками. На что полковник лишь усмехнулся: война кончается, кому нужны сейчас марки Германии. Только доллары!

Переговоры закончились ничем. Посланец покинул кабинет, дав полковнику на раздумье три дня.

В свою очередь, начальник гарнизона поднял по тревоге батальон СС и приказал прочесать близлежащие леса.

Но Белявский предусмотрел и этот ход фашиста. Перед тем как направить своего «парламентера» в Моравскую Остраву, он увел разведгруппу на запасную базу.

Это было уже в марте 1945 года, и «Арап» находился в тылу полгода. За это время многое произошло. Удалось наладить связь с чешской подпольной организацией «Р-3» и узнать о 178 штурмовой дивизии, о танковых мастерских, дислоцированных в Гае, о расквартировании в Острвце десяти тысяч немецких солдат.

«Р-3» по просьбе Белявского разведала систему противовоздушной обороны Моравской Остравы, узнала об армейском штабе, который расположился в костеле в Турзовке.

Координаты этих объектов передали в Центр радисты группы — Лидия Вербовская и Галина Сущева. Остальное, как говорится, было делом техники. Советской авиационной техники.

Агент «Арапа» — «Матуш» сообщил, что по железной дороге Кошице-Богумин проследовала большая танковая часть. «Ора» передала эту информацию «Павлову». А к вечеру «Арап» получил срочный запрос. Центр сомневался в достоверности разведданных. Самолеты прочесали участок дороги, но танков не нашли.

215

Белявский разыскал «Матуша». Тот и сам был удивлен исчезновением танковой колонны. Подключили своих наблюдателей, наконец, нашли. Оказалось, платформы по боковой ветке дошли до тупика в лесу и там разгрузились.

Белявский сам лично перепроверил эту информацию, отмахав по лесу два десятка километров. И убедился: на опушке стояли замаскированные танки.

Вскоре советские бомбардировщики уже бомбили колонну.

За этот период были и потери. Заместителя «Арапа» — «Остова» арестовало гестапо. Да и сам Белявский чуть не попал в лапы фашистов. Его спас подпольщик «Инженер», вытащив в последний момент из постели.

Возникали проблемы и со связью. У «Оры» не ладилось с передатчиком. Пришлось из двух «Северков» собрать один, более-менее работающий. Крепко помогал «Инженер», он выручал с питанием для радиостанции. Иначе дело плохо. Самолет с аккумуляторами, питанием, одеждой не смог отыскать группу Белявского из-за сплошной облачности.

Однако все эти заботы и хлопоты были позади. Впереди — фантастическая операция по изъятию у начальника гарнизона схемы обороны.

...«Арап» вместе со своим заместителем «Агрономом»

внимательно выслушали «парламентера». Тот назначил встречу фашистскому полковнику на завтра, в офицерском казино. Белявский вручил своему посланнику пятьсот долларов и рекомендовал договориться с полковником для начала оказать им небольшую, но хорошо оплачиваемую, услугу. И вручить деньги без всякой расписки. И прозрачно намекнуть: пятьдесят тысяч долларов в пути.

Прикрыть посланника «Арап» попросил бойцов из организации «Р-3».

Однако полковник в казино не появился. Гестапо также не нагрянуло. Значит, начальник гарнизона ничего не рассказал гестаповцам и готов дальше продолжать торг.

...Поздним вечером посланник Белявского неожиданно появился на вилле фашиста. Часовых, охранявших

виллу, тихо сняли, и наш разведчик вошел в кабинет гитлеровца. Для каждого их них план оборонительного района Бескид имел огромную ценность. Для полковника — безбедное будущее после войны где-нибудь в Латинской Америке или в Африке, для военной разведки — тысячи спасенных жизней советских солдат.

Полковник не выдержал, спросил о деньгах. Но посланник напомнил ему о карателях. Кто может поручиться, что начальник гарнизона опять не поступит так же и в его сейфе окажется не настоящая карта оборонительных объектов, а фальшивка? Не хотелось бы рисковать.

Вот пятьсот долларов. Посланник отсчитал купюры. Для начала господин полковник даст сведения о своем штабе. Короткую, так сказать, справку. И получит деньги. Если все верно, то пусть не волнуется, пятьдесят тысяч вскоре перекочуют в его сейф. В обмен на фотокопию оборонительного плана, разумеется. Своего рода проверка, но господин полковник сам в прошлый раз помешал взаимопониманию, послав карателей.

Начальник гарнизона кивнул: логично. И стал писать.

Вскоре «докладная» полковника была в руках посланника. В эту минуту в дверях появился руководитель подпольной организации «Р-3» «Доктор» и объяснил фашисту, что гестапо вешает на крюк не только полковников, но даже генерал-полковников, узнав об их предательстве. А «докладная», написанная собственноручно начальником гарнизона, не что иное, как отчет советской разведке.

Что будет с полковником, попади эта бумага в руки гестапо? Что будет с его семьей в Померании?

Полковник молча открыл сейф, и «Доктор» снял фотокопии.

Уходя, посланник Белявского оставляет пятьсот долларов и предлагает не терять с ними связей в будущем. Называет пароль.

Вскоре «Ира» докладывает в Центр: «„Павлову". Получил данные об оборонительной системе... Материл представляет большую ценность. „Арап"».

217

Теперь предстояла еще одна операция, не менее трудная и опасная — передать фотокопии советскому командованию.

Снарядили троих: «Адика», бесстрашного бойца, который работал с Белявским в тылу еще в Восточной Польше, был захвачен гестапо, бежал; «Карела», агента группы «Арап» из местных жителей. А третьего, агента «Ежика» порекомендовал руководитель подполья «Доктор».

На бумажках для каждого Белявский написал: «Высылаю план оборонительных укреплений Волаш Межеричи, план обороны городов Мистек и Фридек, план обороны Фронштадта и Чадца, план обороны участка Гуты под Смрком».

Ночью «Адик», «Карел» и «Ежик» покинули базу разведгруппы. Выходили отдельно. У каждого была фотокопия со схемой обороны Бескид. Теперь оставалось только ждать.

Тем временем обострилась старая проблема: сели батареи радиостанции. «Инженер» мотался по округе, ездил даже в Брно, но достать питание не удавалось.

В этот раз помогли подпольщики из «Р-3». «Доктор» привез батарейки. «Ора» тут же стала готовить рацию, а «Ира» занялась сушкой аккумуляторов. И вот уже связь с Центром налажена, и первая радиограмма в руках командира разведгруппы Белявского: «„Арапу". В ночь на 26 апреля к вам вернутся десантом партизаны, которых вы направили к нам с планами обороны... „Павлов"».

Какое же это счастье, получить, наконец, эту радиограмму. Все трое посланных благополучно дошли и передали в руки командования бесценные документы.

В радиограмме новое задание: принять десант и разведгруппе «Арап» в полном составе следовать в район города Брно.

За операцию в Бескидах военный разведчик Адам Нимищенко будет удостоен ордена Красного Знамени, награды получат разведчицы-радистки — Лида Вербовская и Галина Сущева, а также другие члены разведгруппы.

«Горячая линия» с генералом Ямадой

Рано утром в вагон, где ехали офицеры Полевого управления Карельского фронта, зашли «аховцы» — работники административно-хозяйственного отдела. Начальник АХО держал на руке большую плетеную корзину, доверху наполненную офицерскими погонами.

Широко улыбаясь, он стал вручать каждому погоны: генерал-майорам — подполковничьи, полковникам — майорские. Помощнику начальника разведотдела штаба фронта майору Роману Гончару всучил погоны «старлея». Вот так подарочек.

Офицеры запротестовали, кто-то попытался самовольно добраться до злополучной корзины и восстановить справедливость. Но «главный завхоз» фронта невозмутимо делал свое черное дело — проводил «разжалование» Полевого управления.

Вскоре все выяснилось. Командующий Карельским фронтом маршал Константин Мерецков приказал в целях маскировки и дезинформации противника сменить генералам и офицерам погоны на два звания ниже. Ордена рекомендовалось снять и до поры до времени спрятать в чемоданы, переписку — открытки, телеграммы, письма — запретить. Сам Мерецков превратился в не-

коего генерал-полковника Максимова, а член Военного Совета фронта генерал-полковник Штыков стал Шориным. По железной дороге они ехали вообще в гражданской форме, а на весь воинский эшелон оставили одного генерала — начальника военных сообщений. Состав двигался на Восток, не останавливаясь на крупных станциях, иногда тормозил на безлюдных полустанках и разъездах.

После войны маршал Мерецков в книге «На службе народу» напишет: «Казалось бы, сохранить в тайне развертывание полуторамиллионной армии вдоль длинной границы было делом невозможным. И все же японцев... мы почти всюду заставали врасплох: вообще-то они думали о предстоящих операциях и усиленно готовились к ним, однако конкретная дата начала боев оставалась для них за семью печатями. Между прочим, не последнюю роль в этом сыграла дезинформация противника... Что касается японцев, то они узнали о ряде новых воинских назначений у нас, но так и не разгадали (о чем свидетельствовали на допросах их генералы), какие лица скрывались под чужими фамилиями».

Пока эшелон штаба Карельского фронта двигался по бескрайним просторам Урала, Сибири, Забайкалья, офицерам раздали карты, описания Дальневосточного театра военных действий. Началось изучение.

13 апреля эшелон прибыл в Уссурийск. Разгрузка и сбор в штабе 25-й армии. На сцену вышли Мерецков и Штыков. Был зачитан приказ по Приморской группе. Все стало на свои места. Началась подготовка к боевым действиям.

Радиоузел Карельского фронта прибыл в Уссурийск в июне. Развернули приемный и передающий центры. Теперь предстояло наладить связь с Москвой. Перед службой встала и вторая задача: организация связи с корреспондентами. Исходя из глубины фронтовой операции, решили дислокацию узла связи не менять, так как не предусматривали его движение за наступающими войсками. В готовность привели две передвижных радиостанции.

Впоследствии одна из них будет сначала переброшена самолетом в освобожденный Чаньчунь, потом в район Пхеньяна на севере Корейского полуострова, вторая — по железной дороге доставлена в город Дальний (Дайрен).

Боевая практика подтвердила правильность этого решения. С продвижением корреспондентов в глубь территории Маньчжурии их слышимость улучшалась, связь становилась более устойчивой. Войска выходили из «мертвых зон», в которых они были в начале

операции.

Разведчикам-радистам в ходе боев 1-го Дальневосточного фронта пришлось решать весьма специфические задачи, которые никогда не ставились им на Западе.

Эти задачи имеют уникальное значение и занимают особое место в истории разведки.

А началось все 5 августа, когда Приморская группа войск была преобразована в 1-й Дальневосточный фронт. Офицеры, наконец, вытащили из чемоданов свои «родные» погоны и орденские планки. В то утро в майорских погонах прибыл на службу и помощник начальника разведотдела штаба фронта Р.Гончар, которого все знали как старшего лейтенанта.

Дезинформация сыграла свою роль. И дело не только в переодевании офицеров, хотя, как известно, в маскировке и в «дезе» для противника нет мелочей, но факт говорит сам за себя: два месяца по единственной железнодорожной ветке на Восток было переброшено два крупных фронтовых объединения с огромным количеством техники, боеприпасов, вооружения.

К середине августа 1945 года советские войска, разгромив первый эшелон японских частей и соединений, устремились к центральным районам Маньчжурии, окружая основную группировку Квантунской армии. Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные фронты углубились на территорию противника от 150 до 400 километров. Тем временем американская авиация наносила бомбовые удары по военным и промышленным объектам и городам Японии.

14 августа состоялось совещание при императоре, и по радио было передано заявление о признании усло-

вий Потсдамской декларации. Однако командованию Квантунской армии приказ сложить оружие не поступил. Более того, рекомендовалось усилить сопротивление Советской Армии. Именно в эти дни наши части вели ожесточенные бои за Муданьцзян.

В то же время Япония прекратила свои боевые действия против американо-английских войск.

Это свидетельствовало о том, что японцы не теряли надежды на раскол антигитлеровской коалиции и заключение выгодного сепаратного мира.

На заявление японского правительства спешно откликнулась администрация Белого дома. Президент Трумэн на пресс-конференции заявил, что удовлетворен этим сообщением и рассматривает его как капитуляцию Японии. Верховным Главнокомандующим союзных войск и уполномоченным по

принятию капитуляции был назначен генерал Макартур. В свою очередь, Макартур издал директиву о прекращении военных действий против Японии.

Глава американской миссии в Москве генерал-майор Дин передал эту директиву в Кремль. Американцы надеялись провести дипломатический маневр, авось русские тоже остановят свои войска. Уж очень им хотелось утвердиться хотя бы на части Маньчжурии и в Китае. Ведь неспроста 13 августа 1945 года президент Трумэн отдал приказ командующему тихоокеанским флотом США адмиралу Нимитцу «оккупировать порт Дайрен около бывшей японской базы Порт-Артур прежде, чем туда вступят русские». Об этом свидетельствует американский автор Ф.Шерман в книге «Американские авианосцы в войне на Тихом океане».

Однако мечтам американцев не суждено было сбыться. Генеральный штаб Советской Армии заявил, что «сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции. Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следова-

тельно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

… Ввиду изложенного, Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать наступательные действия против Японии».

В соответствии с позицией Генштаба Главком советских войск на Дальнем Востоке маршал Александр Василевский подписал обращение командующему Квантунской армией генералу О.Ямаде. Советский Главком требовал прекратить боевые действия и сложить оружие, а для ведения переговоров направить военную делегацию.

Текст обращения было приказано немедленно передать командующему Квантунской армией. Но как это сделать? Только по радиосвязи.

Начальник связи фронта генерал-лейтенант Добыкин срочно собрал совещание. Долго заседали, обсуждали, но потом, как ни тяжело, начальнику связи пришлось доложить Главкому, что «он не видит путей решения этой проблемы».

Выполнение задачи было возложено на разведку фронта. Утром 15 августа в Полевое управление, которое располагалось в лесу у деревни Духовская, начальник разведки полковник Яков Ищенко вызвал майора Романа Гончара.

Он вручил ему напечатанное на машинке и подписанное маршалом Василевским обращение. Вместе с обращением выдали мандат на право использования любых радиосредств всех организаций и ведомств Приморского края для выполнения задания командования.

За высокий мандат, конечно, спасибо, но он вряд ли чем мог помочь Гончару. Власть этого документа пока не распространялась на Ямаду, со штабом которого майору предстояло установить «горячую линию». Все дело в

223

том, что в ходе боев радиосвязь Квантунской армии была практически уничтожена, управление войсками по радио потеряно. Отсутствовала даже связь Главного штаба с фронтами и соединениями, не говоря уже о низших звеньях.

В архиве сохранился доклад начальника разведки: «Заслуживают внимания данные о прекращении работы радиосетей, наблюдавшихся до начала наступлений». После капитуляции на допросе командующий 1-м фронтом генерал Кита Сэити подтвердил: «Связь с дивизиями и даже с армиями в первые дни была нарушена, и мы не имели полной и своевременной информации о положении на фронте».

Словом, задача, поставленная Гончару, была похожа на приказ докричаться до глухого, передать ему ультиматум и добиться ответа.

Майор был опытным разведчиком-радистом. До войны работал в Китае, обеспечивал связью наших военных советников, с 1942 по 1945 год служил на Карельском фронте, получал радиограммы из глубокого тыла противника.

Опыт, интуиция помогли и теперь. В информации оперативной части отдельного радиодивизиона «выловил» внешне непримечательный факт. Штаб Квантунской армии предпринимал упорные попытки связаться с некоторыми своими корреспондентами, которые с началом наступления советских войск не отвечали на вызовы. Взял на заметку двух корреспондентов, которых могли вызвать на связь уже нынешним вечером.

У них были самостоятельные радионаправления. Чувствовалось, японское командование весьма интересует судьба этих «пропавших без вести».

Дальнейший анализ корреспондентов показал: они

применяют международный Q -код и радиожаргон, вот только цифры и буквы передают не кодом Морзе, принятом во всем мире, а своим кодом — Катакана. Нашли радиста, владеющего кодом Катакана, двух переводчиков — с японского и английского. Перевели обращение на оба языка и выехали на одну из радиостанций узла.

224

Было примерно шестнадцать часов. Вызов корреспондента-агента из Чаньчуня, где размещался штаб Квантунской армии, ожидался в этот час.

Эту радиостанцию выбрали неспроста. Ее тон соответствовал тону японского передатчика. Кроме того, следовало выйти всего лишь на десятипроцентную мощность, чтобы не спугнуть японцев.

В 17 часов обнаружили вызов корреспондента. Быстро настроили передатчик на его волну и ответили. Сообщили японцам: имеем радиограмму. Спросили о готовности к приему. Ничего не подозревавшие операторы штабного узла связи Квантунской армии ответили согласием.

Тут же включили передатчик на всю входную мощность и передали обращение кодом Катакана на японском языке. Каждое слово повторили дважды.

Закончили передачу. Попросили подтвердить прием. Японцы не ответили.

Как складывались события дальше, вспоминает полковник в отставке Р.Гончар:

«Я вновь включил передатчик и лично передал обращение международным кодом Морзе на английском языке. После слов «Маршал Советского Союза Василевский» от себя добавил, что ответ ожидаем по широковещательной радиостанции Чаньчуня. Мы были твердо уверены, что обращение в штабе Квантунской армии принято.

Для полной уверенности использовали и другой путь. Прибыли на широковещательную станцию города Ворошилов и, предъявив мандат, настроили передатчик на волну Чаньчуньской радиостанции. Проверили — настройка точная, внакладку. По микрофону передали обращение на японском и английском языках. Затем обращение кодом Морзе на английском языке, а радист-разведчик кодом Катакана на японском языке.

Вечером 15 августа я доложил начальнику разведки: задание выполнено, связь со штабом Квантунской арии установлена, обращение Главкома передано.

Оперативный дежурный радиоузла получил распоряжение непрерывно следить за работой радиостанции японцев в Чаньчуне.

225

Однако ни 16-го, ни утром и днем 17 августа японцы не отвечали. Они явно тянули с ответом».

Отсутствие ответа воспринималось как невыполнение боевой задачи. Начальник разведки фронта полковник Яков Ищенко звонил по три-четыре раза в день. В эти дни майор Гончар наслушался немало резких слов.

Только 17 августа в пять часов вечера командующий Квантунской армией генерал Ямада ответил, что им отдан приказ о капитуляции и прекращении боевых действий. В этой же радиограмме он сообщил, что завтра для переговоров о капитуляции он направляет делегацию во главе с начальником штаба армии генерал-лейтенантом Хигосабуро Хата. Сообщались опознавательные знаки и номер самолета.

Приказ японским командующим был действительно отдан, но из-за потери связи он не дошел до войск. Пришлось Ямаде посылать самолеты в районы боевых действий — Муданьцзян, Яньцзы, Мули, Хайлар, Ушагоу, Яду, а также в северные части Кореи — Расин и Юки и сбрасывать листовки с приказом о капитуляции.

18 августа японская делегация была в Харбине. В этот же день на аэродром Харбина высадился советский десант. Десантники взяли под охрану важнейшие объекты — мосты, электростанции, вокзал.

«А война еще шла, — пишет в своих воспоминаниях маршал Константин Мерецков, — 19 августа из Харбина на командный пункт нашего фронта был доставлен начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата с группой генералов и офицеров. Он был принят Василевским и мною... Мы предъявили Хата конкретные требования, указали сборные пункты сдачи в плен, маршруты движения к ним и время. Хата согласился со всеми указаниями советского командования. Он объяснил, что приказ штаба Квантунской армии о капитуляции не удалось довести до японских войск своевременно ввиду того, что в первые дни советского наступления была прервана связь с соединениями, и японская армия потеряла сразу же управление.

226

...А.М.Василевский послал с Хата командующему Квантунской армией генералу Ямаде ультиматум».

А майору Роману Гончару запомнился допрос начальника разведки Квантунской армии. Он отказался от переводчика и отвечал на русском языке.

Когда его спросили об обращении Василевского к Ямаде, ответил, что получил его 15 октября. То есть в тот день, когда и

передал Гончар.

«Почему долго не отвечали?» — спросил полковник Ищенко. «Сообщили императору и ждали его решения».

Вот и вся история.

19 августа японские войска начали капитуляцию. К концу августа было полностью закончено разоружение Квантунской армии и других частей, располагавшихся в Маньчжурии и в Северной Корее.

Успешно прошла операция по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов.

Закончилась Вторая мировая война.

Сила и слабость разведки

Что означает радиосвязь для разведки? Ответ может быть один, короткий и ясный — все! Сегодня одно немыслимо без другого. И все-таки Шандор Радо, известный разведчик Второй мировой войны, назвал радиосвязь «ахиллесовой пятой разведки». И был совершенно прав.

Радиосвязь — огромная сила и великая слабость разведки.

Не нужны месяцы опасного пути. Нет необходимости изобретать мыслимые и немыслимые ухищрения, чтобы спрятать информацию. Отсутствует опасность встречи с хитрым и опытным противником.

Но выход в эфир — сигнал не только для своих. Это удар в колокол для врага. Это серена тревоги для контрразведки.

Сколько известных и неизвестных «пианистов» попали в сети пеленга. Сколькими жизнями оплачены шифрограммы агентов.

С тех пор, как первый радист коснулся ключа Морзе, чтобы передать развединформацию, оператор радиоконтрразведки одел наушники. Началось великое противостояние ученых, конструкторов, передовых технологий, мастерства «пианистов» и изобретательности «слухачей». Ныне в это соревнование втянут космос.

Спутники — шпионы, ракеты — разведчики — это они прослушивают информацию на одном континенте и сбрасывают на другом.

Сегодня с помощью прорывных космических технологий радиоразведка обогнала контрразведку. Говорят, невозможно поймать микросекундный «выстрел» суперсовременной радиостанции, посланной на спутник-шпион. Но это сегодня. А завтра? На подобный вопрос вряд ли найдется однозначный ответ. Подтверждение тому полная трагизма история войны радиоразведки и радиоконтрразведки.

Десятилетия они гоняются друг за другом, то убегая вперед,

то отставая. Что называется, конкуренция не на... смерть, а на жизнь. Кто выиграл, тот и выжил, победил.

Предвоенные и военные годы Второй мировой обозначили это противостояние необычайно остро. Они заставили каждую сторону работать в страшном напряжении, бороться и искать свои «фирменные» методы и приемы, разрабатывать тактику «радиовойны», стремительно совершенствовать технику.

Война убедительно доказала: даже самые талантливые, виртуозные радисты имеют «потолок» скорости передачи текста. А что уж говорить о «середнячках». Значит, время нахождения в эфире растет, уязвимость — соответственно.

Путь был один — сократить сеансы радиосвязи. Но как?

Уже в конце войны ученые-радиоконструкторы военной разведки разработали новую быстродействующую аппаратуру. Они отказались от «старого, доброго» ключа Морзе, а значит, и от ручного принципа передачи текста.

Ключ Морзе заменили быстродействующей телеграфией. Что это такое? Информацию накапливали на носитель. В качестве носителя перепробовали многие материалы — бумажную ленту, магнитную пленку.

Неспроста к носителю предъявлялись столь жесткие и вместе с тем противоречивые требования. Тут нельзя

было ошибиться. И потому искали материал, который можно легко купить в любой стране. С другой стороны, он должен обладать достаточной прочностью. Ведь его пришлось бы использовать многократно. В то же время быстро и просто уничтожаться при возникновении опасности. Остановились на фотопленке.

Пробивали в ней отверстия цифровым текстом и пропускали пленку через датчик, вращаемый рукояткой. Скорость передачи выросла до 150 групп в минуту. Помните асов-операторов Алма-атинского радиоузла и их рекорд — 30 групп?

Радиостанции «Аргумент», «Градиент», «Стрела» действовали теперь до восьми тысяч километров, имели скорость передачи 150-200 групп. То есть сообщение в 300 групп передавалось всего за 1,5-2 минуты.

Настало время «волноваться» радиоконтрразведке. Правда, поступили они несколько иначе, чем специалисты ГРУ.

Вот как об этом рассказывает ветеран спецразведсвязи полковник в отставке Федор Парийчук:

«В разработке быстродействующих радиостанций мы опередили радиоконтрразведку КГБ. Это их крайне беспокоило.

Они обратились в Центральный комитет партии и поставили

вопрос о создании комиссии для оценки развития агентурной и радиоконтрразведывательной аппаратуры.

От нашей службы в состав комиссии вошли: начальник радиосвязи В.Рябов, старший инженер Л.Иванов и я, как офицер, который курировал агентурную радиосвязь. От КГБ в комиссию вошло несколько специалистов во главе с начальником радиослужбы А.Панкратовым.

Комиссии были предоставлены все завершенные разработки радиостанций Главного разведуправления Генштаба и Комитета государственной безопасности.

Наши станции были признаны лучшими, особенно те, которые использовались для радиотрасс средней дальности (до трех тысяч километров). Для связи на дальние расстояния лучшим оказался передатчик КГБ. Хотя размеры его оказались далеко не агентурными.

230

В завершении этой работы была проведена игра. От Главного разведуправления я находился в Тбилиси. Со мной радиостанция «Атом». Николай Шичков с «Градиентом» уехал в Свердловск. На «Стреле» из Хабаровска и Читы работали еще двое наших радистов.

О радиоигре знали только начальники областных управлений КГБ.

Мне пришлось попеременно работать из гостиницы, из штаба военного округа. Противостояние длилось семь дней. В день по четыре сеанса. Как ни старались контрразведчики, в эфире нас не обнаружили».

Однако контрразведка не стояла на месте. С развитием ее радиосредств, принятием на вооружение панорамных приемников, новейших пеленгаторов, позволяющих в короткие сроки определить координаты излучающих средств, вновь повысились требования к быстротечности сеансов связи, а также к конспиративности нелегальных радиостанций.

Необходимо было сократить деятельность однократной передачи на порядок и тем самым повысить неуязвимость агентурных станций от средств перехвата.

Возглавил эту работу талантливый ученый Серией Горохов. Кандидатскую диссертацию он защитил за месяц до нападения фашисткой Германии на нашу страну. Во время войны Горохов стал известен как специалист по обезвреживанию неразорвавшихся бомб. Как известно, в первые месяцы войны при интенсивных налетах немецкой авиации в промышленных районах, крупных городах и селах оставалось большое количество неразорвавшихся снарядов и бомб. Молодой ученый изобрел

свой, весьма эффективный способ воздействия на взрыватель. Влага и высокая температура быстро разрушали конденсатор, и он терял свойство сохранять заряд, предназначенный для взрыва. «Паровой разряжатель Горохова», названный в честь изобретателя, действовал безотказно.

В начале 1944 года Сергей Горохов возвратился к своей «исконной» профессии — радиосвязи. Главному инженеру Научно-исследовательского института по тех-

нике связи Красной Армии»Борису Асееву удалось вернуть Горохова из НКВД в институт на должность начальника лаборатории. Позже Сергей Горохов стал заместителем начальника института по науке.

В конце пятидесятых годов под его руководством были проведены фундаментальные исследования по повышению надежности и неуязвимости связи, помехоустойчивости агентурных радиостанций.

Вскоре государственные испытания прошла первая быстродействующая радиостанция «Сатурн», а потом «Земля».

«Земля» была наиболее технически совершенной радиостанцией. Здесь информация накапливалась на магнитную ленту и передавалась на радиоузел со скоростью 300 групп за несколько секунд.

Разработка радиолинии «Иркут» в шестидесятые годы позволила создать новое семейство радиостанций. Эта система была разработана в рекордно короткие сроки. Она могла поддерживать устойчивую связь на расстоянии десяти—двенадцати тысяч километров. Она сыграла свою неоценимую роль в период агрессии США во Вьетнаме. Разведчики, работавшие в тылу американских войск, передавали сообщения в Центр именно на этой аппаратуре.

Вместе с разработкой новых типов радиостанций проводилось совершенствование технических средств разведки.

Появились высокочувствительные приемные комплексы и эффективные направленные антенны, мощные радиопередатчики. Для определения оптимальных радиочастот вводилась аппаратура зондирования ионосферы.

Особая страница в истории ГРУ — разработка радиоаппаратуры для связи через искусственный спутник Земли. Среди тех, кто стоял у истоков этого направления, полковник запаса ГРУ Евгений Пронов:

«В конце второго курса в Военной академии связи мы стали совмещать учебу с работой в военно-научном обществе. Провели наблюдения за сигналами искусствен-

ного спутника Земли. За эту работку Академия наук СССР и редколлегия журнала «Радио» присудила третий приз — магнитофон «Эльфа-6».

По результатам наблюдений мы с Подлесным подготовили научную работу. В ней указали на возможности использования искусственных спутников Земли для обеспечения дальних коротковолновых радиосвязей в военных целях.

Ведь если мы услышали сигналы из Южной Америки, то значит, этот сигнал может быть ретранслирован в Москве.

К разработке проекта подключился в ту пору авторитетнейший ученый, трижды лауреат Сталинской премии, заведующий кафедрой оптико-механических приборов Ленинградского института точной механики и оптики Михаил Михайлович Русинов.

Кстати говоря, многие идеи нашей работы до сих пор не реализованы. Но важно другое — система связи, у истоков которой стояли мы, существует. И представлять без нее современную разведку вряд ли возможно».

Это действительно так. Новое направление вывело радиосвязь на совершенно иной качественный уровень. Устарел много лет нестареющий афоризм Ш.Радо. Радиосвязь перестала быть «ахиллесовой пятой» разведки.

Слабость обратилась в силу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Приказ: арестовать Карла Деница

Каких только открытий не сделаешь порой, читая зарубежные источники. Ведь российский народ и люди, живущие на огромных территориях постсоветского пространства, считали и, уверен, считают доныне, что капитуляция фашистской Германии состоялась 9 мая 1945 года в Карлсхорсте. Принял ее маршал Жуков и представители союзников.

Ан нет, мы воевали с фашизмом четыре года, освободили пол-Европы, положив на алтарь Победы миллионы жизней, и все оказывается зря. Капитулировали гитлеровцы исключительно перед силами союзников во главе с американским генералом Дуайтом Эйзенхауэром. Подписали акт еще 7-8 мая и не в Карлсхорсте, а в Реймсе. А в предместьях Берлина был лишь «второй дубль».

Не верите? Пожалуйста, вот цитата из книги Вальтера Герлица, немецкого историка, исследователя биографии Адольфа Гитлера:

«Гросс-адмирал* решился на капитуляцию, которая была подписана Фридебургом, Штумфом и Йодлем 7-8 мая 1945 года в Реймсе, с оговоркой, что она вступит в

* Дениц Карл (1891-1980) — гросс-адмирал, видный военный деятель гитлеровской Германии. В 1943-1945 гг.— главнокомандующий ВМС. В мае 1945 г. после смерти Гитлера короткое время был германским рейхсканцлером. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к 10 годам тюрьмы как военный преступник.

силу 9 мая в 00 часов минут, и эта повторная процедура состоится 9 мая 1945 года в Карлсхорсте в присутствии советского командования и представителей германского вермахта».

Так что, по Герлицу, вот уже более полвека путаем мы «процедуры» — основную и, так сказать, дублирующую.

Вообще, вышло так, что великое историческое событие — Победа над Германией, оставило как бы в тени все последующие шаги и дела по ликвидации фашизма в Европе. Теперь, когда в развязывании «холодной войны» обвиняют лишь «дядю Джо», как называли Сталина на Западе, и «красное советское правительство», мне хочется вспомнить весьма затейливые «политические игры» наших англо-американских союзников уже после подписания капитуляции.

Известно, что в соответствии с решениями Тегеранской и Ялтинской (1945 г.) конференций в поверженной Германии правительство не предусматривалось. Территория рейха делилась на оккупационные зоны под контролем СССР, США, Великобритании и Франции. Управление зонами возлагалось на эти же страны.

Таким образом, после подписания капитуляции правительство гросс-адмирала Карла Деница, а также его соратники — начальник оперативного штаба генерал-полковник Йодль, адмиралы фон Фридебург, Вагнер и Годт стали де-юре военнопленными британцев.

Но как пишет тот же Герлиц: «...Гросс-адмиралу Деницу и его правительству оставили молча, не подвергая сомнения, законность правительства, а также без какого-либо официального признания анклав Фленсбург-Мюрвик с видимым суверенитетом.

Также было разрешено дальнейшее существование полностью вооруженного охранного батальона Деница, состоявшего из моряков-подводников под командой капитана третьего ранга Кремера».

Биограф Гитлера умолчал, что вдобавок к «батальону

подводников» в распоряжении гросс-адмирала оказались немецкие военные корабли с неразоруженными экипажами, курсанты военно-морских школ.

235

Что это за военнопленные, под командой которых находится в полной боевой готовности достаточно крупная вооруженная группировка? И это уже после капитуляции, в нарушение всех договоренностей на высшем уровне.

Сегодня доподлинно известно о письме британского премьер-министра Уинстона Черчилля президенту США Рузвельту. В конце апреля 1945 года он писал: «Германские военные руководители, спасаясь от русских, охотно становятся друзьями англичан и делают все то, что мы от них требуем». 14 мая 1945 года глава правительства поставил вопрос перед дипломатами о возможности использования кабинета Деница. Он считал его весьма полезным инструментом для западных держав. Судя по всему, чувствовал «заботу» Черчилля и гросс-адмирал.

Чтобы подтвердить эту мысль, обратимся еще раз к мнению историка Вальтера Герлица, который подробно изучал жизнь Деница и написал о нем биографическое исследование:

«Логично было бы предположить, что гросс-адмирал после подписания капитуляции с высшими представителями вермахта подаст вместе со своим правительством в отставку. Однако Дениц решил этого не делать. Никто не мог знать, как в конце концов поведут себя союзники относительно немецких центральных органов; еще существовало убеждение, что конфликт между Западом и Востоком, собственно говоря, неизбежен, коль скоро два таких разнородных победителя встретились на немецкой земле».

Словом, под крылышком британцев ожидая «конфликта между Востоком и Западом», гросс-адмирал развернул бурную деятельность: например, решил подключить имперский Верховный суд для наведения законности в стране. Оказывается, для «морского льва» явилось откровением, что в концлагерях держали не только уголовников и преступников, но и ни в чем не повинных людей. Снимки изможденных заключенных он увидел в газетах союзников и понял, что в концлагерях творились зверства. Теперь с помощью суда «третьего рейха» он решил расследовать преступления.

236

В это же время рейхсминистры Деница — Бакке и Дорпмюллер ускоренными темпами разрабатывали предложения (с учетом, разумеется, союзников) о налаживании в рейхе продовольственного снабжения и транспортного сообщения.

Казалось, ровным счетом ничего не случилось: преемники и ближайшие соратники Гитлера начинали строить новую Германию. Какую? Этого у них никто не спрашивал, да и они ни перёд кем не отчитывались. Во всяком случае, как считает Герлиц: «...гросс-адмирал полагал, что все то хорошее, что было в национал-социалистической идеологии, должно быть использовано в будущем».

Трудно сказать, как дальше использовался бы этот «полезный для западных держав инструмент», если бы не реакция маршала Георгия Жукова. 17 мая по его приказу во Фленсбург прибыла специальная делегация во главе с начальником разведки 1-го Белорусского фронта генерал-майором Николаем Трусовым. В задачу делегации входил роспуск правительства и арест военных преступников.

Давая указания генералу Трусову, маршал Георгий Жуков приказал включить в состав делегации разведчика-радиста с радиостанцией. Она, как показало время, стала единственной линией связи группы Трусова с Москвой и штабом фронта. Тем более что двадцать пять наших офицеров и солдат через неделю после капитуляции попали в поистине «заповедный фашистский край».

По рассказам генерала Трусова и разведчика-радиста В.Марьяшина наши воины поначалу не поверили глазам своим.

За Кильским каналом делегация словно оказалась в довоенной фашистской Германии. Всюду были видны фашистские указатели, старые названия улиц, нацистская свастика. Немецкие военные, которыми был заполнен город, приветствовали друг друга взмахом руки. Все ходили в форме, при орденах, со знаками различия.

Во Фленсбурге действовал городской транспорт, работали магазины, оживленное уличное движение регулировали полицейские в фашистском обмундировании.

В порту у причальной стенки застыли немецкие боевые корабли. Их экипажи жили обычной жизнью. На флагштоках развивались немецкие флаги со свастикой.

Здесь же находилось Верховное главнокомандование фашистской Германии во главе с генерал-полковником Йодлем.

«Как будто не было ни поражения, ни подписания 8 мая акта о безоговорочной капитуляции,— напишет позже один из участников советской делегации во Фленсбурге, — нам тогда показалось, что нацистам оставлена эта территория преднамеренно, что им дается возможность сохранить кадры, переждать «ненастье». Это был какой-то музей не восковых, а

живых фигур, но не только фигур, но и фашистских порядков, образа жизни».

Американскую сторону во Фленсбурге представлял генерал-майор Рукс, английскую — бригадный генерал Форд. Первая встреча делегаций состоялась 17 мая. Генерал-майор Трусов потребовал немедленно ликвидировать незаконное фашистское правительство и генеральный штаб, арестовать его руководителей, как военных преступников, разоружить и интернировать все вооруженные группировки фашистской армии и имперского флота.

Но англичане заявили, что сделать этого не смогут: в районе Фленсбурга нет боевых сил и средств, чтобы осуществить эту операцию. Это будет сделано, как только к городу подойдут войска 11-й британской танковой дивизии.

Стало ясно: союзники ведут закулисную игру, предоставляя фашистам возможность перебросить на Запад ценное имущество, вооружение и личный состав. Англичане, на правах хозяев зоны, всячески старались отодвинуть сроки ликвидации правительства Деница. Они заявляли, что подобные шаги могут привести к мятежу эсэсовских подразделений и выступлению курсантов военно-морских школ. Советской и американской делегации предлагалось разъяснить своему руководству, что правительство гросс-адмирала Деница весьма полезно на данном, сложном этапе развития Германии, и поэтому не следует спешить с его ликвидацией.

Положение действительно было крайне серьезным. Во Фленсбурге хозяйничали фашисты, в их руках находилась реальная военная сила, а англичане не спешили.

Полки первого эшелона войск Монтгомери имели приказ: ускоренным темпом двигаться на восток как можно дальше, не обращая внимания на демаркационную линию, упреждая русских в занятии территории Северной Германии.

Как свидетельствовал позже сам Монтгомери, Черчилль дал указание собирать и. держать в готовности оружие и боевую технику немцев. А при необходимости и продолжении наступления русских совестно с германскими частями использовать их.

Это, право же, многое объясняет, и в первую очередь то, почему Монтгомери не выделил нужные силы и средства для форсирования Кильского канала и захвата Фленсбурга, в котором располагалось правительство Деница.

Советская делегация расположилась на борту пассажирского парохода «Патрия». С берегом пароход связывал лишь трап.

Радиостанция была развернута на берегу. Охранялась она англичанами, а также нашими солдатами-водителями автомашин.

«Радиосвязь, — говорится в архивных документах, — поддерживалась почти круглосуточно с Москвой через центральный радиоузел, со штабом маршала Жукова через радиоузел 1-го Белорусского фронта. Работе радистов, как и всей делегации, искусственно создавались трудности. Часто по неизвестным причинам отключалась городская электросеть, выходил из строя кабель, связывающий радиостанцию с группой на корабле. Его то замыкали, то просто перерубали неизвестные лица. На рабочей частоте станции почти постоянно отмечались прицельные радиопомехи».

«Я понимал, — вспоминал позже генерал-майор в отставке Николай Трусов, — пока у Деница и Йодля существует опора на реальную вооруженную силу, проведение нашей операции может не состояться. Поэтому я стал настоятельно требовать выполнения союз-

никами положений, зафиксированных в акте о безоговорочной капитуляции гитлеровцев, то есть разоружить их воинские части и корабли здесь, во Фленсбурге. После настойчивых и неотступных наших требований английская сторона все же приступила к разоружению фашистов.

Это уже создавало более благоприятные условия для выполнения нашей задачи. Стали вырабатывать план действий по реализации операции, возложенной на все три группы союзников.

...Наша делегация настояла на том, чтобы аресты провести одновременно, по утвержденному нами списку. А надо сказать, список был немалый.

Наконец, мы обо всем договорились. Аресты были намечены на 23 мая 1945 года».

Канцлер гросс-адмирал Дениц, начальник штаба оперативного руководства генерал-полковник Йодль, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Фридебург и еще две сотни нацистов оказались за решеткой. Союзники объявили о роспуске фашистского правительства.

Таким образом, важнейшая военно-политическая акция по демонтажу фашистского государственного аппарата была успешно завершена. Свой вклад в эту акцию внесла и служба спецрадиосвязи военной разведки.

Из Фленсбурга наша делегация во главе с генерал-майором Николаем Трусовым уезжала с чувством исполненного долга. Несмотря на все сложности, главную задачу удалось решить:

правительство Деница перестало существовать.

Кроме того, нашим офицерам-разведчикам удалось добыть важные немецкие документы — часть архива фашистского генерального штаба. Эти материалы будут использованы в ходе Международного трибунала в Нюрнберге, судившего главных военных преступников.

С рацией по странам и континентам

«А каково, действительно, вот так с рацией по странам и континентам? — спросил я как-то одного из разведчиков-радистов. — Наверное, интересно?» Он помолчал и ответил: «Трудно и опасно». И это правда. В двух коротких словах ветеран спецрадиосвязи военной разведки сумел выразить главное, что сопровождает радиста в заграничных командировках.

Вот лишь два эпизода из жизни одного человека — майора в отставке Д.Цымлякова. В службу спецрадиосвязи Разведуправления он пришел осенью 1940 года. Был в длительных командировках в Китае и Афганистане.

О себе вспоминает так: «Меня направили в Китай, в гоминдановскую армию Чан Кайши. Имел только бельгийский браунинг и никаких документов. Около двух месяцев работал в Чунцине. Потом находился на Центральном фронте, в провинции Хубэй, в городке Шиналь-фу».

Какова была жизнь в этом городке? Жара в 40 градусов, бомбежки японской авиации. А еще некоторые инциденты с «союзниками».

«Опишу лишь один случай из нашей службы в Шиналь-фу, — рассказывает Цымляков. — Нас было четверо: старший военный советник А.Гончаров, советник по артиллерии А.Круглов, шифровальщик Н.Тропицын и я.

Однажды Гончаров решил устроить банкет для китайских генералов. Пригласили пятерых генералов во главе с начальником штаба фронта. Все пришли на банкет вовремя, а начштаба задержался. Начали без него. Круглов завел патефон, зазвучала мелодия Ворошиловского марша.

Вдруг один из чанкайшистских генералов в ярости сбросил патефон на пол, заорал: «Сулян (что означало «советский»), их надо всех перестрелять»,— и тут же свалил Круглова на пол и стал душить.

Еще один генерал пытался выхватить пистолет. Я бросился в свою комнату, схватил браунинг и решил: семь пуль пущу в генералов, последнюю оставлю для себя. Выбора просто не было.

К счастью, на пороге появился запоздавший начальник штаба. Он громко что-то крикнул, чанкайшист отпустил задыхающегося

нашего советника, и они ушли в соседнюю комнату.

Через несколько минут к нам вышел начштаба, извинился, и генералы удалились».

А теперь Афганистан. Туда сотрудник спецрадиосвязи Цымляков приехал в июне 1945-го. Через несколько лет попал в одну примечательную экспедицию.

...Маршрут поездки советского торгпреда Элютина лежал через города Кабул, Кандагар, Герат. Подольше пришлось задержаться в Геришке. С местными предпринимателями предстояло провести переговоры о закупках сухофруктов, кожсырья, шерсти.

С переводчиками в те послевоенные годы была просто беда. Элютину повезло. С ним в поездку отправился разведчик-радист Цымляков. В Афганистане он уже пятый год, хорошо освоил местный язык. Так что переговоры шли вполне успешно.

В тот день радист Цымляков вместе с торгпредским водителем зашли в парикмахерскую. Подстригал их молодой парень, как выяснилось, дезертир из Ташкента. Он говорил по-русски. Цымляков же не подал виду, что понимает по-персидски. И это спасло жизнь членам торгпредской экспедиции.

А случилось это так. В парикмахерскую зашел старик, судя по всему, знакомый или родственник парикмахера. Они перебросились несколькими фразами. Парень сказал, мол, это русские из советского посольства.

«Русские, — сверкнул глазами старик, — их надо сегодня ночью убить. — И добавил, расставаясь: — Они отняли у меня миллионное состояние». Как оказалось позже, это был богатый бай, бежавший из Ташкента в 1919 году.

Цымляков, соблюдая осторожность, покинул парикмахерскую и тут же отправился на телефонную станцию. Заказал разговор с советским посольством в Кабуле.

На станции в это время случайно оказался начальник военного гарнизона, командир бригады афганской армии. Цымляков рассказал ему услышанное в парикмахерской. Комбриг заверил, что предпримет меры для охраны сотрудников торгпредства. И действительно, в тот же день в гостинице был выставлен вооруженный пост.

Оба случая из жизни одного радиста весьма показательны. Но работа, сопряженная с постоянным риском, опасностями, лишь одна сторона медали. Ведь разведчики-радисты ГРУ стали в послевоенные годы первооткрывателями многих стран и континентов. Разумеется, речь идет не об открытиях географических, а о покорении «радиоконтинентов».

В числе таких покорителей был и подполковник в отставке П.Карабанов. Он совершил «радиооткрытие» африканского континента.

А случилось это в ноябре 1947 года, когда Карабанов в составе международной комиссии вылетел в Африку. Членам комиссии предстояло посетить Ливию, Эритрею и Сомали, а радисту соответственно установить связь с Москвой.

Что ждало разведчика-радиста в этих странах? На этот вопрос никто ответить не мог. Карабанов знал: там нет ни советских дипломатических, ни торговых представительств. Это означало только одно — информация о радиообстановке нулевая. Единственный ориентир —

радиостанция советского посольства в Каире. Но где Каир, а где Сомали. Как говорил классик, «дистанция огромного размера».

Реальным противником радиста было и расстояние — до Ливии от столицы СССР 3200 километров, до Эритреи уже 4500 километров, а до Сомали 6000 километров!

Но, как говорят, глаза боятся, а руки делают.

Рассказывает подполковник в отставке П.Карабанов:

«Итак, Эритрея, город Асмара. Разместились мы в трехэтажном отеле. Моей первой заботой было попасть на третий этаж в комнату, окно которой выходило бы в направлении на Москву, и чтобы была возможность прикрепить к чему-то двенадцатиметровую антенну.

Вторая задача — определить характер электропитания, то есть ток переменный или постоянный, 120 или 240 вольт. Как оказалось впоследствии, даже в одном городе могли быть разные параметры.

Согласно программе «Совхоз-2», утром выхожу на связь. Москву не слышу. Связь не состоялась. Выхожу ночью — та же картина. На другой день связи тоже нет...

Размышляю: «Москва меня не слышит, у меня мощность приемника всего 40 ватт, но я-то должен их слышать?» И тут меня осенило, что скорее всего Центр работает по программе «Совхоз-1». А это и время другое, и частоты.

На другой день начинаю работу. Центр слышу на четыре-пять баллов, меня слышат на три. Связь установлена.

Через два месяца комиссия передислоцировалась в Могадишо (Сомали). Отель, в котором мы разместились, двухэтажный, с плоской крышей. Повторилась прежняя история с подбором номера с окнами направления на Москву. Комната- оказалась занятой какой-то «важной персоной» со скверным характером. И

только дипломатическое искусство моих новых мидовских друзей из состава комиссии, подкрепленное бутылкой виски, сыграло положительную роль.

244

Выхожу на первую свяаь, а у самого поджилки трясутся. Что ни говори, до Москвы 6000 километров, а у меня передатчик мощностью всего 40 ватт.

Делаю вызов. Москву слышу на три балла. Она нас — на один —два. Но и это уже победа.

В дальнейшем связь шла трудно. Днем не хватало диапазона моей аппаратуры, ночью мучили атмосферные разряды, высокая влажность воздуха.

Приходилось одну группу передавать по два-три раза с ключа Морзе. Нагрузка в иные сутки достигала до тысячи групп».

Первооткрыватели «радиоконтинентов» сталкивались с невиданными в наших широтах природными катаклизмами и сюрпризами.

Так, уже в первые послевоенные года радистам, работающим в составе Союзного Совета по Японии под руководством генерал-лейтенанта К.Деревянко, пришлось познакомиться с тайфунами Мэри, Джейн, Элен. Тайфуны безжалостно срывали антенные устройства, сокрушали мачтовые опоры.

У разведчиков-радистов Главного разведуправления, командированных во Вьетнам, постоянной «головной болью» стал тропический климат — высокая температура воздуха вместе с сильной влажностью. Некоторые материалы, из которых были сделаны рабочие блоки и запасные части для радиостанций, совершенно неожиданно «реагировали» на вьетнамский климат. Так, непригодными для эксплуатации в тропиках оказались опрессованные пластмассой конденсаторы, теряли свои качества изоляционные материалы, пораженные грибком. Даже текстолитовые основания из-за большой влажности обрели токопроводящие свойства и не выдерживали высокого напряжения.

Ремонт или замена вышедших из строя деталей и узлов осложнялась тем, что эти работы приходилось проводить на войне, в ходе боевых действий. В 1945 году закончилась Вторая мировая война. Закончилась она для советского народа, но не для военных разведчиков, а тем более не для тех, кого называют «ушами разведки».

245

Операторы службы спецрадиосвязи принимали участие практически во всех больших и малых конфликтах и войнах послевоенного периода. Они были с греческими партизанами, с

вьетнамскими патриотами от начала и до конца американской агрессии, с кубинцами в период карибского кризиса. Но это уже тема для другого разговора, который еще впереди.

И после войны... на войне

Говорят, что разведчик всегда на войне, имея в виду накал противостояния, контрразведку, чужую страну, окружение, в котором живет он двойной, напряженной жизнью.

Нет сомнения, это весьма точное, хотя и употребляемое в переносном смысле, определение.

Однако есть представители спецслужб, которые в прямом смысле всегда на войне. И среди них — разведчики-радисты службы спецрадиосвязи Главного разведуправления.

Трудно найти после 1945 года такую войну или, как теперь принято говорить, «конфликт низкой интенсивности», где бы не работали радиооператоры военной разведки.

Первым таким опытом стало участие радистов ГРУ в войне в Корее. Как известно, США не выполнили взятые на себя обязательства в декабре 1945 года и не вывели свои войска из Южной Кореи.

Уже в начале лета 1950 года в Южной Корее создается наступательная группировка в составе восьми пехотных дивизий, отдельных частей и подразделений. Их готовы поддержать три американские пехотные дивизии, одна бронетанковая, а также воздушная армия и 7-й флот.

Южнокорейские войска начали наступление 25 июня 1950 года. Через два дня президент США отдал приказ о вторжении американских войск. Началась трехлетняя корейская война.

Вынужденный, поспешный отход Корейской народной армии в северные районы страны привел к большим потерям в вооружении и военной технике и создал крайне тяжелую стратегическую обстановку для КНДР. Китайские добровольцы и части народной армии остались фактически без оружия. Советское руководство решило оказать военно-техническую помощь.

Но как доставить технику и оружие? Переброску было решено наладить через пограничную железнодорожную станцию Отпор (ныне город Забайкальск), далее через китайскую территорию до границы с Кореей.

Это означало, что станция Отпор должна была стать крупным перевалочным пунктом. Здесь предстояло всю технику, оружие, материальные запасы перегрузить в китайские вагоны, на платформы, так как разная по ширине колея железных дорог не давала возможности прямого транзита военных грузов.

По приказу начальника Генерального штаба в Отпоре развернулась железнодорожная комендатура Центрального управления военных сообщений. А организация связи Центра с приграничной перевалочной базой был возложена почему-то не на войска связи, а на Главное разведывательное управление.

Но приказ есть приказ. Это означало, что служба спецрадиосвязи обязана в короткий срок наладить радиомост Отпор-Москва. Десант разведчиков-радистов высадился в пункте назначения первым. Была развернута радиостанция «Тензор», установлена связь с читинским радиоузлом, который служил ретранслятором радиопередач с Москвой. О связи было доложено начальнику Генерального штаба маршалу Захарову. Через несколько дней в Отпор прибыла оперативная группа офицеров Генштаба, создана военная комендатура.

Началась активная переброска техники и оружия. График переброски был напряженным и выполнить его

248

удалось лишь благодаря четкой координации всех служб в центре и на местах.

Связь работала устойчиво, несмотря на плохое энергоснабжение и слабую слышимость корреспондента, так как прохождение волн было крайне неблагоприятным.

В августе 1951 года задача командования была выполнена, и радиостанция «Отпор» прекратила свое существование. Однако участие разведчиков-радистов в корейской войне на этом не закончилось.

Осенью того же года, когда части народной армии и китайские добровольцы держали оборону на рубеже 38-й параллели, в Корею был направлен заместитель начальника ГРУ генерал-лейтенант М.Шалин. Для связи Шалина с Москвой выделили группу операторов спецсвязи.

Вот как об этой миссии говорится в архивных документах военной разведки: «После соответствующей подготовки вся оперативная группа на двух самолетах ИЛ-14 вылетела в Пекин. Оттуда после получения зимней экипировки выехали поездом к границе КНДР. От границы к штабу китайских добровольцев добирались на автомашинах. Днем двигаться по дорогам было невозможно, так как американские самолеты нападали даже на одиночные автомобили. А тут колонна из пятнадцати машин. Поэтому к штабу двигались две ночи с дневными остановками».

Штаб командующего китайскими добровольцами Пын Дехуайя располагался в горизонтальной штольне, уходящей на несколько сот метров в глубину горы. В штольне были вырублены залы, стены которых обшиты досками.

Деревянные перегородки делили помещение на отдельные комнаты. Одна из таких комнат была выделена для размещения радиостанции.

Над комнатой несколько сот метров скального грунта. Конечно, об установлении радиосвязи из этого помещения не было и речи. К счастью радистов, это понимал и генерал Шалин.

Генералу удалось договориться с китайским командованием о предоставлении радистам другого помеще-

249

ния. Их расположили в домике, метрах в трехстах от штабной штольни. Недалеко было и бомбоубежище, где укрывались разведчики-радисты во время налетов американских самолетов.

Однако и здесь возникла трудность. Китайский штаб располагался крайне неудобно для размещения радиостанций. Постройки находились на противоположном склоне горы, которая закрывала направления на Москву и Читу. Дальше шла сплошная горная цепь. Это очень волновало разведчиков-радистов.

И тем не менее первые два сеанса связи прошли неплохо, но в ходе третьего корреспондент неожиданно исчез. Как выяснилось позже, вышел из строя бензоагрегат.

В отчете о работе в Корее группы операторов спецрадиосвязи руководству ГРУ сказано: «Установлена прямая связь с московским радиоузлом. Перерывов в работе не было, несмотря на постоянные бомбежки, а значит, частое свертывание и развертывание радиостанции, опасность воздействия бактериологического оружия, испытание и применение которого американцы впервые произвели в Корее.

Операторы спецрадиосвязи не только качественно выполнили поставленную перед ними сложную задачу, но и получили необходимую закалку и опыт для будущей деятельности».

Закалка и опыт вскоре пригодились. Женевские соглашения 1954 года, как известно, положили конец французской агрессии во Вьетнаме. Французские войска были отведены на юг до 17-й параллели, а вскоре покинули Южный Вьетнам.

Но им на смену пришли американцы.

Сегодня ни для кого не явится открытием утверждение о том, что одержать победу вьетнамскому народу помог Советский Союз. И помощь эта без сомнения имела решающее значение. Но представьте себе, сколько трудностей было на этом пути. Удаленность советских баз материального снабжения от пунктов назначения требовала выстроить четкую, скоординированную сие-

250

тему помощи по видам вооружения, тылового и

медицинского обеспечения, сроками доставки. Сделать подобное невозможно без надежного, бесперебойно действующего канала секретной спецрадиосвязи.

Как и во время корейской войны, задача создания такого канала была возложена на Главное разведуправление.

Впервые линия радиосвязи между советским представительством в Демократической Республике Вьетнам и Москвой налажена в 1954 году после прибытия посла Советского Союза в Ханой. Развертыванием станции занимался разведчик-радист Анатолий Морозов.

Первые проблемы, с которыми столкнулся радиооператор, были во многом традиционными: несмотря на настойчивые возражения руководство посольства выделило ему сырое, полуподвальное помещение. Сказалась застарелая болезнь: представительства в большинстве случаев размещали радиостанции в неудобных, непригодных для других целей помещениях. И никакие аргументы, как правило, не действовали.

Какова же была досада Морозова, когда он увидел в этом подвале и ящики с радиоаппаратурой. Вся техника связи -— радиостанция, имущество, запасные части покрылись влагой. Несколько суток радист просушивал, протирал аппаратуру, проводил проверку ее работоспособности. Наконец, с волнением включил станцию, передал первую радиограмму. Центр принял ее, дал подтверждение.

Программой радиосвязи, разработанной в Москве, сеансы должны были проводиться несколько раз в сутки. Но практика показала неверность московских расчетов. Морозов установил: связь возможна лишь в течение часа — полутора часов в сутки — примерно в три часа по местному времени. Но Центр нуждался в круглосуточной связи с Ханоем, и поэтому Морозов (корреспондент «Марс») был перенацелен на работу со 123-м радиоузлом города Читы.

С приездом нового посла удалось найти более удобное сухое помещение для радиостанции.

Напряженная работа наших разведчиков-радистов началась уже в 1961 году, когда США создали в Сайгоне штаб, вскоре реорганизованный в американское военное командование.

Для ведения войны был принят так называемый «план умиротворения вьетнамского населения» путем проведения карательных операций, усиления мощи марионеточной армии и переход в наступление против ДРВ.

В середине 1964 года численность сайгонской армии была доведена до 350 тысяч человек, а американских военнослужащих

возросла до 25 тысяч.

Тем не менее сайгонскому режиму не удалась программа «умиротворения». И тогда администрация США стала на путь прямой агрессии, с активным, массированным использованием своих вооруженных сил.

По приказу президента США Джонсона американские ВВС 5 августа 1964 года провели бомбардировку территории Демократической Республики Вьетнам, спровоцировали инцидент в Тонкинском заливе. Вскоре начался обстрел важнейших объектов Северного Вьетнама с кораблей 7-го американского флота.

В Южном Вьетнаме войска США применили тактику выжженной земли, используя напалм. Но это не принесло успеха американцам.

В начале 1968 года армия освобождения Южного Вьетнама начала общее наступление, в ходе которого американо-сайгонские войска потеряли более 150 тысяч солдат и офицеров.

Американская администрация была вынуждена начать переговоры с правительством Вьетнама. В Париже представители США торговались о наиболее почетных условиях вывода своих войск и в то же время в декабре 1972 года на Ханой, Хайфон и другие города было сброшено сто тысяч тонн бомб. Бесчеловечная акция устрашения не помогла.

США подписали соглашение о прекращении войны.

Все эти долгие годы войны действовала прямая радиосвязь между Ханоем и Москвой.

252

В архиве ГРУ сохранились отчеты о командировках во Вьетнам. Вот что сказано в них:

«В самые напряженные дни американской агрессии наши радисты с честью выполнили поставленные боевые задачи — способствовали своевременным поставкам оружия и военной техники, сообщали вьетнамским товарищам данные радиоразведки и радиотехнической разведки о налетах американской авиации.

Работа разведчиков-радистов проходила в условиях тяжелого тропического климата. Объем проходящей информации был настолько велик, что командование ГРУ вынуждено было послать на радиостанцию дополнительное количество радистов.

Учитывая возможность эвакуации в джунгли, опробована работа по обеспечению радиосвязи в полевых условиях. Также было предусмотрено обеспечение радиосвязи с использованием агентурных радиостанций».

...В январе 1972 года закончилась вьетнамская война. На

многострадальную землю пришел мир и покой. Покинули Вьетнам и военные разведчики-радисты. Они выполнили свою миссию. Но помните, как сказал поэт: «Покой нам только снится». Кто знает, может, это сказано о них.

Охота за «Красной „Стрелой"»

«Холодная война» поставила перед разведкой «горячую» задачу: создание устойчивой связи с американским континентом.

Да, в 1941 году одному из лучших операторов Разведуправления Олегу Туторскому удалось на любительской радиостанции, собранной своими руками, провести первый сеанс связи. Приемный Центр в Москве, оснащенный передовой по тем временам аппаратурой, услышал корреспондента. Однако разведке нужны были не кратковременные сеансы, зависящие от мастерства оператора, погодных условий на трассе, времени суток, а постоянный, стабильный радиомост.

Перед учеными и специалистами службы спецрадиосвязи была поставлена задача создать радиостанцию, способную обеспечить такую связь.

В 1955 году такая станция появилась на свет. По своим тактико-техническим данным она оставила далеко позади предыдущие образцы. Ей присвоили псевдоним «Стрела».

Достаточно сказать, что введенные в строй примерно в этот же период станции «Градиент» и «Сатурн» имели дальность до трех тысяч километров, «Стрела» же обеспечивала связь на расстоянии до семи-восьми тысяч километров.

Было принято решение проверить ее работу в реальных условиях на трассах Москва-Североамериканский континент. Разведчиков-радистов, которым предстояло провести эксперимент, решили разместить на советском судне-рефрижераторе «Яна». Построенное в ФРГ, осенью 1955 года оно отправлялось в плаванье из Калининграда в порт приписки Владивосток. Маршрут судна пролегал через Балтийское море, Бискайский залив, Атлантический океан, Панамский канал, Тихий океан (Гавайские острова).

К сентябрю два оператора спецрадиосвязи Нестеров и Журавлев прошли обучение для работы на «Стреле», а в октябре с аппаратурой прибыли в Калининград и разместились на «Яне».

Вместе с офицером службы радиосвязи Николаем Шичковым операторы обговорили все вопросы предстоящих сеансов по пути следования корабля. Кроме шифра-переписки, разведчикам-радистам поручалось передавать учебные радиограммы и служебные сообщения об обстановке на судне и в районе его движения.

Капитан «Яны» был в общих чертах ознакомлен с задачами разведчиков. Всего в штат судна было зачислено пятеро представителей ГРУ. Все они легендировались под радистов-стажеров. Таким образом, на сравнительно небольшом корабле оказалось семь радистов — начальник судовой станции и его оператор и пять стажеров.

Этот факт вызывал настороженность иностранных представителей в тех портах, куда приходилось заходить советскому судну. Местные власти, а с ними, естественно, и представители спецслужб, обращали внимание капитана корабля на столь необычный состав радистов. Тем более что их возраст оказался весьма далеким от «стажерского». Всем разведчикам было за тридцать лет.

Словом, капитану судна приходилось всякий раз держать нелегкий экзамен, отстаивая легенду прикрытия разведчиков.

Разумеется, новая, суперсовременная станция агентурной связи была сверхсекретным объектом. Хранили

ее в капитанской каюте, в сейфе, ключи от которого находились только у капитана.

«Поскольку сейф был надежный, — вспоминает участник перехода, радист подполковник в отставке Иван Журавлев, — мы решили в период пребывания в иностранных портах все свое хозяйство хранить в нем. Дополнительно этот сейф мы опечатывали своей печатью. Такой способ хранения радиостанции и документов мы считали надежным, так как нам стало известно, что сейф капитана, как и он сам, пользовался неприкосновенностью. Как выяснилось впоследствии, это было совсем не так. Нам пришлось пережить много неприятностей и хлопот».

Первые неприятности были связаны с самим судном — неполадки в главном двигателе. Капитану пришлось двигаться в Гамбург, где после устранения недостатков и ходовых испытаний «Яна» уже в 1956 году взяла курс на Плимут (Великобритания).

Тем временем радисты не бездействовали. Они проводили сеансы связи. По программе — два сеанса в сутки.

Пополнив запасы воды и пищи, судно покинуло Плимут, прошло мимо островов Зеленого Мыса и 19 февраля оказалось в порту Порт-оф-Спейн (острова Тринидад и Тобаго). Через три дня «Яна» двинулась дальше и вскоре достигло Панамского канала. Здесь произошла первая, но не последняя встреча с американцами. Несколько часов американские самолеты и вертолеты на бреющем полете облетали корабль, фотографировали судно. В этот раз все закончилось

благополучно.

После выхода из Панамского канала советское судно прошло вдоль берегов Северной Америки, потом капитан взял курс на Гонолулу.

Перед заходом в порт вечером разведчики-радисты, как обычно, свернули рацию и уложили ее в сейф.

А утром их ждал сюрприз. Американцы, судя по всему, не поверили легенде о «перезрелых» стажерах.

Выглянув в иллюминатор, разведчики увидели несколько катеров по бортам судна и вооруженных автоматами людей.

256

После остановки на внешнем рейде Гонолулу на борт корабля ворвались американцы — тридцать вооруженных человек.

О том, что было дальше, рассказывает Иван Журавлев: «Американцы, по сути оккупировав судно, запретили всем, кроме капитана, выходить из кают.

После обеда ко мне в каюту зашел капитан, быстро передал ключ от сейфа и сообщил, что американцы требуют вскрыть сейф для досмотра. Капитан, ссылаясь на дипломатическую неприкосновенность, противился этому. Американцы пригрозили, что будут вынуждены насильно отобрать ключи.

Примерно в это же время моя каюта была тщательно проверена американцами. Проверка приводилась с помощью устройства, напоминающего миноискатель. Ничего подозрительного они не нашли, да и найти не могли.

Как рассказал позже капитан, он потребовал от американцев связи с советским консульством и прибытия на судно его представителя. Переговорив по рации со своим руководством, вооруженный отряд покинул корабль и убыл на катер в порт, не объясняя капитану дальнейших своих планов».

Следует добавить, что в походе вместе с «Яной» шел средний рыболовный траулер и плавучий док. Они были отбуксированы в порт.

Вечером капитан «Яны» срочно пригласил в свою каюту всех стажеров. Он рассказал, что радист траулера, в нарушение всех правил, вышел в эфир и сообщил, что из разговоров американцев стало ясно: руководство недовольно результатами обыска, вооруженному отряду приказывалось вернуться на советское судно, сделать тщательный досмотр и, если будет необходимость, взломать капитанский сейф.

Ситуация складывалась критическая. В руки американцев могли попасть секретные шифры и агентурная станция «Стрела».

Капитан посоветовал разведчикам уничтожить рацию и сжечь документы. Сам капитан уже отдал коман-

ду по экипажу: уничтожить всю документацию, телеграммы и даже личные письма.

Это было трудное решение. Однако документы сожгли, станцию уничтожили. Ее остатки уложили в ремонтную сумку. Разведчики, под видом матросов, реконструирующих трап, вынесли сумку и опустили в море.

В тот же день на «Яну» вновь ворвались вооруженные американцы. На этот раз капитан подчинился произволу, вскрыл сейф. Там находились обычные судовые документы.

Перетряхнув все на судне, представители спецслужб США ушли не солоно хлебавши.

Через несколько дней, на выходе из Гонолулу в Центр с борта «Яны» ушла условная телеграмма: «Случился пожар, все сгорело».

Весной 1956 года судно прибыло во Владивосток. Вскоре разведчики-радисты возвратились в Москву. Им предстояло отчитаться о командировке. Радиостанция «Стрела» выполнила свою задачу. Связь с американским континентом была установлена.

Неизвестные герои Карибского кризиса

Сегодня утвердилось мнение о том, что в разжигании карибского противостояния США и СССР виноват Никита Хрущев. Он-де установкой ракет на Кубе, под носом у Соединенных Штатов, едва не спровоцировал ядерную войну.

Признаться, удивительная для нас, россиян, точка зрения. В таких случаях любят говорить — «проамериканская». Нет, господа, «американская».

Однако в этом не было бы ровным счетом ничего постыдного, если бы... Если бы, утверждая подобное, мы не оказались так далеки от истины.

Поэтому вернемся пока не в приснопамятную осень 1962-го, а еще на несколько лет раньше. Ибо ядерный кризис тоже имеет свои истоки. Забудем на мгновение пресловутую «фултонскую речь» Уинстона Черчилля 1946 года. Хотя она была, и это исторический факт. Пусть для кого-то и не совсем приятный. Что ж, речь и есть речь, одним словом, устное заявление. Пусть и «неприятное», «угрожающее», «поворотное к холодной войне», назовите, как угодно, но пока это лишь словопрения.

Но в том-то и весь фокус, что Черчилль совсем не шутил. У него нашлись горячие последователи за океаном. И вот уже на столе Никиты Хрущева не слова, а дела

вчерашних союзников, а точнее план. «Сакерс атомик страйк план», в переводе с английского означает не что иное, как «План

ядерного удара». Есть у этого документа номер 110/59. А утвержден он 16 ноября 1959 года.

Вот так, дорогие советские побратимы, с кем обнимались на Эльбе и клялись в вечной дружбе и мире. Среди тех, кто «обнимался», был «друг» Хрущева, как он его называл, генерал Эйзенхауэр, нынешний президент США. Сын Хрущева, Сергей, об этом лицемерии напишет так: «В сердце отца зарубки остались навсегда. Обман со стороны его «друга» поразил отца в самое сердце. Он не простил ни президенту Эйзенхауэру, ни человеку Эйзенхауэру».

Представляю шок советского руководителя, читающего «ядерный план». Там расписано все: масштаб и задачи нанесения ядерных ударов по СССР и его союзникам, принципы выполнения, цели и программы действий Верховного Главнокомандования и региональных командований.

Вскоре после этого военная разведка добыла совершенно секретную инструкцию НАТО по ведению ядерной войны против Советского Союза. Этот документ был также доложен Хрущеву. Дальше события разворачиваются с угрожающей быстротой. В мае 1960 года ЦРУ организует разведывательный полет У-2, пилотируемый Пауэрсом.

В том же году начинает свою работу на ЦРУ и МИ-6 предатель Пеньковский. Этот факт чаще всего вырывают из контекста тех событий. А ведь именно полковник ГРУ Пеньковский поставляет ценную информацию о нашем действительном ракетно-ядерном потенциале: он оказался значительно ниже тех данных, которыми оперировал Хрущев в своих громогласных выступлениях. Именно эта информация дает возможность американцам и англичанам пересмотреть свои взгляды и понять, что они переоценивали возможности СССР, особенно в области ракетного вооружения.

И после этого некоторые наши средства массовой информации выдают Пеньковского за «человека, который

спас мир». Да не спас он мир, а пододвинул его к краю ядерной пропасти. Американцы поняли, что они могут действовать безнаказанно.

Наконец, наступает трагический 1962 год. Для Никиты Хрущева он начинается с нового «подарка». В феврале и в последующие месяцы по каналам Разведуправления поступают особо важные документы. Среди них новый «План ядерной войны № 200/61» и «Перечень целей для нанесения ударов по территории СССР и стран народной демократии». Запланировано для ядерного удара почти семьсот целей. Вдумайтесь в эту цифру.

Столько наших городов, промышленных и научных центров, военных объектов. А нам нечем их прикрыть. Да и ответить нечем. Что испытывал в этот момент руководитель Советского Союза, Верховный Главнокомандующий? Как он должен был относиться к разнузданной ядерной вакханалии, развязанной Америкой?

Наложите на эти события Берлинский кризис 1961 года и, наконец, Кубу. Я принципиально до сих пор не упоминал о ней. Теперь можно понять, перед каким страшным выбором стоял Никита Хрущев: либо он найдет «холодный душ» для разгулявшихся янки, либо сотни ядерных целей превратятся в сотни Хиросим. Только уже не в Японии, а в Центральной России, на Урале, в Сибири, в Поволжье, на Дальнем Востоке.

Куба стала лишь катализатором стремительно развивающегося кризиса между СССР и США.

В своем письме премьер-министру Революционного правительства Республики Куба Фиделю Кастро, на котором стоит дата — 31 октября 1962 года, Никита Хрущев спрашивает: «Возникает такой вопрос: а может быть, нам с вами не стоило договариваться и завозить ракетно-ядерное оружие на Кубу, тогда не было бы кризиса?.. Это, конечно, заблуждение. Все говорят о том, что если бы мы не пошли на эти меры, то уподобились бы лягушке: сидеть смирно, пока не схватит цапля».

Вот главное. Руководитель великой страны-победительницы не мог и не хотел уподобляться лягушке, смиренно ожидающей, когда ее проглотят.

261

Далее в послании кубинскому лидеру Хрущев отвечает на весьма важный для него самого вопрос, хотя речь идет о нападении на Кубу. «Почему же США отказались от этого? — вопрошает он. — Что это, вразумление свыше, которое Кеннеди получил, когда он, как сообщалось, пошел в церковь молиться? Нет, это ракетное оружие, которое американцы обнаружили на Кубе».

И тут, на мой взгляд, Никита Хрущев совершенно прав. На сей раз пришло время американцам испытать шок. Они оказались в шкуре советского лидера, или точнее, в «шкуре лягушки». Конечно, это не семьсот целей, приговоренных американцами к уничтожению на нашей территории, но даже реальная возможность уничтожения нескольких объектов в США советскими ядерными ракетами привела их в ужас.

Еще бы, только вчера у них было все о'кей, да и Пеньковский несказанно обрадовал, мол, советские ракеты не долетят до США, а тут под носом нежданно-негаданно такой «атомный подарок».

Никогда еще за всю историю своего существования Соединенные Штаты не испытывали такой сверхреальной угрозы получить ответный удар. Нельзя сказать, что они не знали ничего подобного. Но это было где-то там, в Европе, в Азии, на чужой, далекой для большинства американцев земле. А тут ракеты с ядерными боеголовками могли разорваться в центре родного Вашингтона или Сент-Луиса, не говоря уже о Мемфисе или Атланте.

Америка дала гарантии ненападения на Кубу, СССР вывез свои ракеты с острова. Кризис разрешился благополучно, мирным путем.

В его разрешении принимали участие тысячи известных и никому не известных людей. Среди тех, кто неизвестен и доныне — военные разведчики.

Сегодня, к счастью, раскрыто имя офицера ГРУ Георгия Большакова.

Однако вклад его в разрешение Карибского кризиса практически не оценен. А он, кстати говоря, был одной из ключевых фигур тех трагических месяцев. Георгий Никитович никогда не служил в КГБ, как это утверж-

дают придворный борзописец ЦРУ Дж.Шектер и перебежавший к американцам бывший сотрудник внешней разведки КГБ П.Дерябин в книге «Шпион, который спас мир». Ошибся и Сергей Хрущев, когда назвал его резидентом советской разведки в своем исследовании «Никита Хрущев. Кризисы и ракеты». Большаков — рядовой оперативный офицер ГРУ, работавший под прикрытием сначала бюро ТАСС в Вашингтоне, потом — корреспондентом журнала «Советский Союз».

В его задачи входил поиск источников по военно-политической и экономической проблематике, но никак не установление связи с высшим руководством Соединенных Штатов Америки.

Но так уж распорядилась судьба, что Георгий Никитович оказался на самом острие кризиса. Он стал своего рода тайным связным между Джоном Кеннеди и Никитой Хрущевым.

Большаков был в США дважды. И еще в период своей первой командировки в 1951-1955 годах познакомился с видными и влиятельными американскими аналитиками и журналистами, такими как Уоррен Роджерс, Джеймс Рестон, Теодор Уайт, Уолтер Липпманн.

Во второй приезд в США один из журналистов, корреспондент «Нью-Йорк дейли ньюс» Фрэнк Хоулмен, с которым Большаков был в приятельских отношениях — они

дружили семьями, часто ходили друг к другу в гости — предложил Георгию Никитовичу встретиться непосредственно с Робертом Кеннеди. Представьте себе, рядовому оперативнику встретиться с родным братом президента, министром юстиции, по существу со вторым человеком в государстве. Слишком уж фантастическая перспектива, и поэтому Большаков посчитал ее нереальной и не придал особого внимания словам Фрэнка. И тем не менее, как офицер разведки он обязан был доложить о разговоре в Центр.

Резидентура в Вашингтоне не на шутку встревожилась. Кто такой Большаков, а кто Кеннеди? Фигуры столь разной политической величины, что их встречу резидент просто не мог себе представить. И поэтому Большакову

263

запретили встречу. Георгий Никитович позвонил Хоулмену и извинился, что встретиться с Кеннеди не сможет.

И тем не менее, несмотря на запрет, через несколько дней встреча состоялась. 9 мая 1961 года Хоулмен пригласил Большакова на ланч, а вечером отвез к Роберту Кеннеди.

Они беседовали сначала на улице, потом в офисе министерства юстиции. Резидентура ГРУ в Вашингтоне по поводу их первой беседы сообщала: «Американское правительство и президент обеспокоены тем, что Советское руководство недооценивает способности правительства США и лично президента».

Поскольку разговор длился пять часов, Роберт Кеннеди и Георгий Большаков успели обсудить достаточно широкий круг вопросов: от «печальных» событий на Кубе (беседа проходила спустя три недели после провала интервенции на Плайя-Хирон), в Лаосе до подготовки встречи руководителей СССР и США 1 июня 1961 года в Вене.

Было фактически предложено установить неофициальный канал связи, представителями которого с советской стороны стал офицер ГРУ Георгий Большаков, с американской — брат президента США Роберт Кеннеди.

Запрещенная, по сути, встреча одобрения в Москве не вызвала. Очень уж ситуация сама по себе была необычная. В конце концов для таких свиданий есть посол Меньшиков. Но Кеннеди избрал не Меньшикова, а Большакова. Почему?

Словом, головная боль для начальства военной разведки была обеспечена. И тем не менее Москва, тщательно все взвесив и проанализировав, согласилась на «тайный канал связи». Хочется подчеркнуть, что «добро» на это дал Кремль.

А теперь представим себе на минутку пятичасовой разговор

на английском языке: ведь Большаков должен был не только верно понять все сказанное, но и запомнить, а потом точно донести до Центра позицию Кеннеди.

Похоже, в МИД и в Минобороны, с одобрения ЦК партии, для Большакова разработали проект рекомендаций по широкому кругу внешнеполитических вопро-

264

сов. В проекте — позиция руководства Советского Союза. Сам документ составлен на пяти страницах машинописного текста.

21 мая — вторая встреча Кеннеди и Большакова. Беседа длилась два часа в загородном доме министра юстиции. Роберт Кеннеди не скрывал, что выражает позицию президента. В конце разговора он рекомендовал Большакову звонить ему по телефону желательно из автомата и представляться только тем помощникам, кого он назовет. А еще добавил: об этих встречах знает только лично президент США.

Ситуация была столь необычна, что один из руководителей ГРУ оставил на донесении Большакову такую резолюцию: «Это беспрецедентный случай, когда член правительства США встречается с нашим работником конспиративно».

Приближалась встреча в верхах в Вене. Роберт Кеннеди поставил в известность Большакова о тех проблемах, на которых собирается сосредоточить свое внимание президент. Он просил передать в Москву, что Джон Кеннеди «не намерен в Вене обсуждать кубинскую проблему».

Но Хрущев не мог не возвращаться к Кубе. Разведка докладывала о подготовке к новой интервенции. В силу характера и сложившихся обстоятельств Хрущев вел себя жестко. Обсуждение вопросов, к сожалению, не было плодотворным.

Но это уже не вина Большакова. Он лишь узнал, что воинствующая непримиримость Хрущева «совершенно потрясла» президента.

В 1961-1962 годах советско-американские отношения ухудшились. США предприняли ряд шагов против Кубы, была установлена экономическая блокада, администрация Кеннеди открыто поддерживала кубинскую контрреволюцию.

Но, несмотря на это, «тайный канал» действовал. И он весьма эффективно способствовал разрешению берлинского кризиса.

Переговоры по Берлину вели с американской стороны посол в Москве Л.Томпсон, с советской— министр

265

иностранных дел А.Громыко. Но и здесь высокие договаривающиеся стороны ждала неудача.

После этого Роберт Кеннеди вновь просит Большакова

довести до Москвы озабоченность президента США и выяснить мнение Хрущева.

Но Кремль молчал. Через три дня Кеннеди вновь просит Большакова узнать, нет ли чего нового «по поводу предыдущей беседы».

В конце января в Вашингтон прилетает зять Хрущева Алексей Аджубей. На встрече с ним Д.Кеннеди сказал, что считает контакты своего брата с Большаковым «полезными».

С сентября 1961 года до августа 1962 года Георгий Большаков лично встречался с Кеннеди более сорока раз. Были также беседы с людьми, близкими к Роберту и Джону, — Сэлинджером, Уайтом, Ростоу. Обсуждались кубинская и берлинская проблемы, события в Лаосе и Вьетнаме.

Крепли личные отношения Большакова с Робертом Кеннеди. Достаточно сказать, что Георгий Никитович был приглашен на годовщину свадьбы Роберта, где присутствовали только родственники и самые близкие друзья.

...В конце августа 1962 года Большаков засобирался в отпуск. В последний день месяца его принял в Белом доме сам президент и передал личное письмо для Хрущева.

В Москве Хрущева не было, он отдыхал в Пицунде. Туда же после прилета в Советский Союз пригласили и Большакова. Состоялась долгая, подробная беседа.

После отпуска 3 октября Георгий Никитович возвратился в Вашингтон. Он передал Кеннеди все, что просил Хрущев. Но Роберт принял его на удивление холодно и записал лишь фразу из хрущевского устного послания о том, что Советский Союз поставляет на Кубу оружие только оборонительного характера.

Как выяснилось позже, уже 10 августа 1962 года директор ЦРУ Дж.Маккоун предупредил президента о возможной переброске советских ракет на Кубу.

10 октября на стол Кеннеди легли снимки с самолета-разведчика У-2. Они подтвердили установку ракет средней дальности на острове.

Так что холодность встречи была вполне понятна: Роберт Кеннеди знал о ракетах. Но о них и не подозревал Большаков.

22 октября после выступления Джона Кеннеди по радио и телевидению его близкий друг, журналист Чарлз Бартлетт, входивший в президентскую команду, пригласил Большакова и раскрыл перед ним планшеты с фотографиями стартовых площадок. Георгий Никитович был поражен. Позже он с горечью вспоминал: «Правду таили не только от «чужих», но и от «своих»... Мне горько думать о том, что в этом вопросе меня считали

лжецом и Роберт Кеннеди и другие люди, которые, как и я, прилагали много усилий, чтобы добиться сближения».

Существует версия, якобы президент США, узнав о ракетах, сказал брату: «Нас обманывают все, и Большаков тоже».

Таким образом, Большаков был сильно скомпрометирован. И тем не менее, когда мир уже стоял на грани ядерной катастрофы, Роберт Кеннеди еще раз обратился к Георгию Большакову.

27 октября после встречи с Добрыниным он позвонил Большакову.

«Президент, начавший блокаду, — сказал Роберт Кеннеди, — стал сейчас пленником своих же собственных действий и ему почти невозможно будет сдержать военных в ближайшие сутки, если не поступит позитивного ответа из Москвы».

Брат президента просил передать это в Москву.

А на следующий день ему позвонил Барлетт. Москва передавала открытым текстом письмо Хрущева президенту Кеннеди.

Позже Большаков скажет о том утре: «Часы, отсчитывающие секунды войны, стали отсчитывать мир».

Георгий Никитович Большаков был одним из многих в разведке, кто уводил нашу страну от пропасти ядерной войны. Все его сообщения, другие материалы передавались службой спецрадиосвязи ГРУ, как в Америке, так и на Кубе.

267

Среди тех, кто организовал и поддерживал спецрадиосвязь Гаваны с Москвой (а такая связь в предкризисный период и во время октябрьских событий велась только на агентурной радиостанции ГРУ), — были разведчики-радисты А.Климушкин, Е.Пронов, позже в 1963 году — А.Миков.

Вспоминает полковник в отставке Е.Пронов:

«22 октября 1962 года президент США Д.Ф.Кеннеди в своем выступлении объявил об установлении блокады вокруг Кубы. В тот же день в 17.40 Главнокомандующий Революционными вооруженными силами Республики Кубы команданте Фидель Кастро издал приказ о мобилизации по боевой тревоге.

С 22 октября по указанию Революционного правительства Кубы работа на всех посольских радиостанциях была запрещена.

Телевидение США круглосуточно вело передачи на Кубу, передавая репортажи из ООН, военных баз и штаб-квартир кубинских контрреволюционеров, обосновавшихся в Майями.

По указанию Центра была проведена проверка резервной радиосвязи с Москвой на радиостанции «Иркут», а также на коротковолновой войсковой подвижной радиостанции. Для проведения сеанса двухсторонней связи мне пришлось выехать

ночью на авиабазу в Сан-Антонио-де-лос-Ваньо.

2 ноября на Кубу прибыл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А.И.Микоян. Этим шагом подчеркивалась решимость Советского Союза защищать Кубу.

Вся шифропереписка Микояна с советским правительством шла через радиостанцию «Тростник».

В нескольких милях от входа в порт Гаваны в нейтральных водах Флоридского пролива постоянно находился американский разведывательный корабль, который осуществлял постоянный контроль радиообстановки в эфире.

Территория страны находилась под наблюдением авиаразведки США. Американские самолеты совершали полеты на небольших высотах вблизи побережья».

268

В отчете службы спецрадиосвязи ГРУ о том периоде говорится: «Радиостанция «Тростник» поддерживала бесперебойную связь с Москвой. Радиообмен по данной линии связи особенно усилился в период пребывания на Кубе первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И.Микояна.

Учитывая большую нагрузку на радиостанцию «Тростник», а также возможность дальнейшего осложнения обстановки в районе Карибского бассейна, командование предусмотрело создание резервных линий радиосвязи.

За все время Карибского кризиса связь Кубы с Москвой была устойчивой и непрерывной. Случаев срывов связи и задержки передачи информации не было».

Последнее предложение из отчета, на мой взгляд, говорит о многом. Это и есть самая высокая оценка работы разведчиков-радистов ГРУ.

Мы уходили последними.

Разведчики-радисты Главного разведуправления всегда уходят с войны последними. С последней группой, кораблем, самолетом. Ведь им до конца надо держать связь, принимать указания и команды. А потом, если есть возможность, уйти самим.

Так было во время арабо-израильского конфликта 1967 года, когда радисту-шифровальщику ГРУ В.Старостину в Порт-Саиде пришлось держать связь с Каиром, с советским послом в Арабской Республике Египет.

По обходному радиоканалу Москва-Каир-Порт-Саид передавались срочные указания посла о закрытии консульства, демонтаже аппаратуры, эвакуации сотрудников и их семей, уничтожении шифров и документации.

Указания были приняты вовремя: состав консульства был

вывезен в Каир.

Успели эвакуироваться советские специалисты и из Дамаска, когда израильские войска находились в шестидесяти километрах от столицы Сирии.

Не всем, разумеется, так улыбалась судьба. 1 января 1980 года группа разъяренных погромщиков пыталась захватить посольство СССР в Иране. Тогда иранские «стражи» и полиция разогнали нападавших. А вот 1 декабря того же года уже никто не противостоял разгулявшейся толпе.

270

В протесте МИД СССР, направленном правительству Ирана, говорилось: «...Была грубо нарушена территориальность советского посольства, на его территорию ворвалась большая группа бесчинствующих элементов, вооруженных дубинами, камнями и ножами. Жизнь сотрудников посольства оказалась под угрозой. Государственному флагу СССР было нанесено оскорбление, зданию посольства причинен серьезный ущерб».

И в первый раз и во второй, когда погромщики захватили уже нижний этаж посольства, радисты работали в режиме непрерывной связи. Более того, в этот момент были приведены в полную боевую готовность все резервные средства связи.

Что бы произошло, если бы толпа прорвалась дальше и захватила все здание? Трудно прогнозировать. Может быть, то же, что произошло с американцами, когда посольство США в Иране называли не иначе как «шпионское гнездо», а по телевидению демонстрировали захваченные американские радиостанции, средства тайнописи, спутниковые антенны, кодирующие машины, компьютеры.

Сотрудников американского посольства, как известно, «последователи курса имама» превратили в заложников.

К счастью, такого не случилось. Советскому послу удалось добиться от иранских властей выдворения нападавших.

Мне рассказывали разведчики-радисты, что в такие напряженные минуты порой некогда думать о себе. Идет поток информации, который надо принять или передать в Центр. От умения, профессионализма, скорости связи зависит не только собственная жизнь, но судьба десятков сотен людей — дипломатов, сотрудников представительства, их семей.

Вот лишь один пример в подтверждение сказанного. В период арабо-израильского конфликта 1967 года на автобусах из Дамаска было вывезено 177 советских специалистов с семьями.

Сохранились интересные свидетельства ветерана испанской войны, разведчика-радиста ГРУ Н.Сотского,

271

о том, как он покидал Испанию в последней группе наших советников:

«4 марта, после долгого, героического сопротивления пал Мадрид. Под влиянием изменника Касадо некоторые воинские части взбунтовались и перестали подчиняться республиканскому командованию. 6 марта Касадо выступил по радио с клеветой на Советский Союз и его добровольцев. Он потребовал усилить контроль за портами и аэродромами, чтобы не могли сбежать военные советники, переводчики, радисты.

Мы должны были срочно уезжать на Родину. Главный военный советник Михаил Шумилов просил предоставить возможность вылететь, но Касадо заявил, что не выпустит нас.

7 марта 1939 года тайно ночью последняя группа советских военных советников выехала на посадочную площадку в районе Альбасете. Там была спрятана аварийная аппаратура.

По прибытии я немедленно развернул радиостанцию в лесу, послал несколько позывных, и Москва ответила. Мы ликовали.

Центр сообщил: «Ждите, прилетит французский самолет». И действительно, вскоре прилетел самолет и забрал группу наших товарищей.

Шумилов, несколько советников, переводчица, шифровальщик и я остались ждать своей очереди. Но нас обнаружили солдаты одной из мятежных частей Касадо. Офицер приказал перекрыть посадочную площадку, а нам явиться в штаб хунты.

Шумилов заявил, что к вечеру явимся. А когда стемнело, мы ушли в горы. Там нашли новую площадку, я передал в Москву координаты.

Вскоре послышался шум мотора, появился «Дуглас», но сделав два круга, он удалился. Вновь связались с Москвой. Нам ответили: на такой площадке «Дуглас» не сядет, ждите другого самолета.

Утром прилетели французы на двухмоторном самолете. Нас провожала большая группа испанцев, наши друзья. Расставание было сердечным, трогательным.

Среди них нашелся, который предложил свои услуги в поиске бензина. Сел в автомашину и вскоре привез бочку с топливом.

Взлетели. Шумилов принял решение лететь вдоль побережья с посадкой в Аликанте. На высоте трех тысяч метров у нас заглох один мотор, потом— второй. Французские летчики, как могли, планировали между гор и посадили самолет. Правда, при посадке машина развалилась, мы оказались под обломками, но отделались легкими ушибами.

К месту аварии уже бежали офицеры мятежных войск. Нас под усиленным конвоем отправили в Аликанте.

Оказалось, наш «доброжелатель» разбавил бензин водой. В Аликанте нас поместили в полуразрушенное здание и объявили, что мы будем расстреляны.

Но комендант Аликанте оказался нашим другом. Он пообещал нелегально переправить нас в Оран. Нас пот садили в самолеты по трое и через Средиземное море переправили на алжирскую территорию, бывшую колонию Франции.

Собравшись все в Оране, мы решили продолжить путь через Францию. Но комиссар французской полиции заявил: «Выпустить вас не могу. Нет разрешения».

Так мы вновь оказались под домашним арестом.

Тридцать шесть дней пробыли мы в Оране. Наконец, советское правительство добилось нашего освобождения, и мы на американском судне приплыли в Марсель, затем поездом приехали в Париж.

После десятидневного пребывания в Париже из порта Гавр наша группа на пароходе «Мария Ульянова» двинулась на Родину.

19 мая 1939 года прибыли в Ленинград.

Мы вышли последними...»

...Пройдет полвека, и история повторится. На этот раз в Афганистане. Но об этом пока не время говорить.

Пиночет против ГРУ

В сентябре 1998 года исполнилось четверть века одному из самых значительных и одновременно крайне спорному, неоднозначному событию уходящего столетия — государственному перевороту генерала Пиночета. Через двадцать пять лет наша пресса в корне изменила свое отношение к чилийскому диктатору, хунте, кровавому путчу. О крови, убийствах, бесчинствах мятежников вспоминали вскользь, нехотя газеты и журналы, носящие те же, что и в 1973 году, названия. Они забыли собственные гневные репортажи, разоблачения, расследования. С театральных подмостков давно исчезла популярная в те годы пьеса Генриха Боровика о событиях в Сантьяго. Радио ни словом не обмолвилось о чилийском поэте и певце Викторе О'Хара, которого боготворило два с половиной десятка лет назад. Я уж не говорю о фильме Романа Кармена о «легендарном товарище Лучо». Ему вряд ли дойти до экрана еще раз.

Вот так и живем. Сегодня прославляем, завтра плюем в то, что прославляли. Кстати, это нередко успевают сделать одни и те же люди.

Нет большого греха, считают эти оракулы, в том, что они

напрочь отказались от своих прежних весьма устойчивых, неподкупных взглядов.

274

Правда, шеф гестапо Генрих Мюллер в «Семнадцати мгновениях весны» считал, что это «дурно пахнет». Ну да Мюллер фашист, падшая личность, что с него взять.

Словом, не прошло и двадцати пяти годов, как мы прозрели. И оказалось: 11 сентября 1973 года в Чили — это никакой не кровавый переворот, а «утро светлого дня капитализма». А «дедушка Пиночет» стал любимым объектом для интервью российских средств массовой информации.

Как-то читал интервью в одной из газет и думал: «Экий душка этот генерал. Только вот почему в дни переворота он оцепил советское посольство автоматчиками, загнав дипломатов, как зверей, в клетку, запретив им вход и выход? Почему бросил в тюрьму трех наших специалистов, работавших на совершенно мирном объекте — домостроительном комбинате? А обыски, подобные погрому, в отделениях ТАСС и АПН, корпунктах советского радио и телевидения? А унижения и издевательство над моряками научно-исследовательского судна «Эклиптика» и, наконец, арест двенадцати человек из состава экипажа? Что это? Почему мы забываем, когда нам плюют в лицо? Может, поэтому и плюют. И в последнее время все чаще и чаще. Признаться, я надеялся, что кто-нибудь из наших журналистов спросит об этих вопиющих фактах 1973 года у Пиночета. Нет, не спросили. Забыли? Не хотели спросить? Не знали? А может, столь острые вопросы не укладываются ныне в «демократическую» концепцию наших СМИ? Трудно однозначно ответить на эти вопросы. Да, главное в другом. Важно, чтобы в очередной раз не подгоняли нашу историю под «конъюнктуру политического рынка», не перекраивали ее, не перекрашивали, не превращали бандитов в героев, фашистов — в борцов за свободу.

Сейчас это так модно на постсоветском пространстве. А что уж говорить о далекой Чили...

И все-таки мне хочется поговорить о Чили. Не только для того, чтобы восстановить правду об отношении пиночетовской хунты к советским людям — дипломатам, специалистам, ученым, волей судьбы заброшенным в эту

275

латиноамериканскую страну, но и рассказать, как они боролись, как отстаивали свое достоинство, выполняя свой долг.

...Итак, утром 11 сентября 1973 года радиостанции Сантьяго прервали свои обычные утренние передачи. Диктор взволнованно сообщил: через несколько минут будет передано экстренное

сообщение.

Ультиматум Пиночета гласил: «...президент республики должен немедленно передать свои полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров, которые решили развернуть борьбу за освобождение Отечества...

Чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за восстановление порядка И конституционного правления.

Рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и общественные блага, которых они добились на сегодняшний день, не будут подвергнуты большим изменениям.

Печать, радиостанции, телевизионные каналы Народного единства с этого момента должны прекратить передачу информации, иначе они будут подвергнуты нападению с суши и с воздуха. Население Сантьяго должно оставаться дома...»

Прокламацию военной хунты подписали: от вооруженных сил Чили генерал Аугусто Пиночет, адмирал Хосе Тори Мерино, генерал Густаво Ли; от корпуса карабинеров — генерал Сесар Мендоса.

Чилийцы поняли: начался военный мятеж.

Президент страны Сальвадор Альенде в эфире радиостанции «Порталес» обратился к народу. «Я заявляю, — сказал он, — что не уйду со своего поста, и своей жизнью готов защитить власть, данную мне трудящимися». Председатель Единого профцентра Луис Фигеора призвал рабочих, крестьян, служащих организовать сопротивление. Вскоре радиостанция «Порталес» была подвергнута бомбардировке и замолчала.

276

В девять часов утра танки «Шерман» и бронетранспортеры двинулись к президентскому дворцу «Ла Монеда». Президенту трижды предъявляли ультиматумов том числе и лично глава хунты Пиночет — сложить полномочия и сдаться.

Альенде отверг ультиматумы путчистов. В своем последнем обращении к народу он сказал, что войска готовятся к атаке и над зданием кружат самолеты. Он выразил веру в чилийский народ.

«Шерманы» окружили дворец и открыли огонь из танковых орудий. Около четырнадцати часов мятежники заняли нижний этаж «Ла Монеды».

Позже страшные кадры о том, как самолеты расстреливают ракетами президентский дворец в Сантьяго, обошли весь мир.

Сорок человек из охраны Альенде мужественно защищали президентский дворец семь часов. Президент Чили погиб на

боевом посту, как герой, с оружием в руках. Мятежники лишь на следующий день сообщили о его смерти, заявив, что Сальвадор Альенде покончил жизнь самоубийством и похоронен в городе Винья-дель-Мар. Это была ложь.

На заводах и фабриках столицы бои шли весь день. Сегодня уже доподлинно известно о зверствах путчистов: заняв предприятия, солдаты убивали коммунистов и социалистов.

Безнаказанно вели себя боевики ультраправой организации «Патриа и либертад». Улицы Сантьяго заполнили патрули. В восемнадцать часов начинался комендантский час, когда запрещалось выходить из дома.

Первым из дипломатических представительств вооруженному нападению подверглось посольство Кубы. Диктатор генерал Пиночет знал, сколь тесные и дружеские отношения связывают Фиделя Кастро и Сальвадора Альенде. Он помнил, как приехавший с государственным визитом в Чили Фидель выступал на столичном стадионе: «Вы переживаете момент, — говорил он, — когда фашисты, а мы их так и будем прямо называть, пытаются перетянуть на свою сторону средние слои населения».

277

Кубинский руководитель оказался прав: фашисты вывели «Шерманы», подняли боевые самолеты и утопили в крови Чили.

Фашист Пиночет не забыл эту речь на стадионе, В первые часы переворота он позаботился об устрашении кубинских дипломатов. Карабинеры, нарушив все международные правила, ворвались в посольство Кубы.

Второй жертвой стало диппредставительство Советского Союза. Иначе, собственно, и быть не могло. За Пиночетом стояла не только чилийская армия, недовольная, что страной правят «босяки», но и США с его мощным Центральным разведывательным управлением.

Весьма информированная французская газета «Монд» писала: «В течение трех лет политические отношения между США и Чили определялись двумя факторами: отказом в займах правительству в Сантьяго и активной поддержкой деятельности ЦРУ, способствовавшей ухудшению экономического и финансового положения».

Комиссия сената американского конгресса, как известно, расследовала деятельность ЦРУ в Чили в годы правления президента Альенде и установила, что ЦРУ потрудилось в этой латиноамериканской стране очень активно: помогало оппозиции, как материально, так и морально, умело развивало подрывную деятельность ультраправых группировок.

Особой заботой американских умельцев «плаща и кинжала»

стали средства массовой информации Чили. Ведь в 1970 году, когда к власти пришло правительство Народного единства, в руках оппозиции было сто двадцать радиостанций, а у сторонников Альенде ни одной. Подавляющая часть газет также не поддерживала новую власть.

Сближение Сальвадора Альенде с Кубой и Советским Союзом было не по нутру администрации США. И поэтому, начав кровавый переворот, генерал Аугусто Пиночет бросил путчистов к посольству нашей страны. Диппредставительство было взято в плотное кольцо вооруженных до зубов солдат.

В первые же часы посольство отключили от городской электросети, умолк телефон. Советские представители

были лишены возможности пользоваться каналом международной телеграфной связи. Посольство по существу оказалось глухим и слепым. На прилегающих улицах круглосуточно дежурили передвижные пеленгаторы. Эти машины также видели у корпунктов ТАСС и АПН.

Хунта в любой момент могла совершить налет на наши представительства в Сантьяго. Оставался один канал связи с Москвой — через агентурную радиостанцию Главного разведуправления.

Интересна сама история размещения этой радиостанции в посольстве СССР в Чили.

После установления дипломатических отношений между нашими странами связь велась по каналам международного телеграфа. Однако она была дорогой и ненадежной. Но пока не было напряженности в стране, пользовались ею. Тем временем экономические трудности в 1972 году в Чили нарастали: увеличилась денежная масса, дефицит товаров, широкое распространение получил «черный рынок», инфляция составила двести шестьдесят процентов.

Усилили свою деятельность оппозиционные силы. Страну захлестнули забастовки, манифестации. Ультралевые и правые из «Патриа и либертад» насаждали атмосферу страха, подавленности, неуверенности.

Недовольство нарастало. Осенью 1972 года началась общенациональная забастовка владельцев грузового автотранспорта и торговцев.

В те дни, выступая на пресс-конференции, глава компартии Чили Луис Корвалан говорил:

«Страна переживает в настоящее время очень трудный момент».

Своим положением была крайне недовольна армия, особенно

офицеры. Вообще в Чили офицеры объединены сильным чувством профессиональной корпоративной солидарности. Они как бы вне социальных классов, выше их. В стране верх престижа — быть офицером.

Влиятельный немецкий журнал «Штерн» так описывал свои наблюдения: «Презрение ко всему гражданскому, преклонение перед дисциплиной, возвеличива-

279

ние милитаристского духа — характерные черты чилийской армии».

Аналитики советской военной разведки прогнозировали ухудшение ситуации в Чили. Учитывая сложность обстановки, командование ГРУ решило организовать линию специальной связи между Сантьяго и Москвой через ретрансляционный радиоузел на Кубе. В начале 1973 года в Сантьяго была переброшена необходимая радиоаппаратура, а в апреле в Чили прибыл разведчик-радист А.Семенов.

Однако в посольстве он встретил далеко не теплый прием. Все, что стало ясным аналитикам ГРУ еще несколько месяцев назад, до сих пор не мог взять в толк наш посол в Чили. Он был против установки радиостанции в представительстве.

Что тут скажешь? Случай не рядовой. Бывало всякое — размещали радистов в темные и сырые подвалы, в комнаты, расположенные в другую сторону от направления на Москву, заставляли вести связь из глубоких горных штолен и даже из подводной лодки, но чтобы отказывали в приеме вовсе... Такое было впервые.

Посол заявил, четко и ясно, что у него есть «надежный международный канал связи с Москвой». Каково же было его потрясение, когда утром 11 сентября этот «надежный международный канал» перестал действовать в одночасье. А «гонимая» радиостанция ГРУ, над которой он после долгих уговоров, наконец, «смилостивился» и оставил под крышей представительства, оказалась единственной ниточкой, связавшей его со столицей Советского Союза.

Вот такой исторический урок.

К счастью, он завершился успешно. Сеансы связи проводились через каждые два-три часа, а в дни путча с 11 по 28 сентября — непрерывно. Только в первый день переворота в Центр было передано семьдесят радиограмм.

В связи с быстрым развитием ситуации, постоянно меняющейся обстановкой, отсутствием времени на шифрование радиограмм разведчики-радисты А.Семенов и

280

И.Алехин ввели таблицу боевых сигналов. По ней Центр получал краткие известия об изменении обстановки. Это были числа с определенным значением. Например, с таким — вокруг посольства все спокойно; посольство окружено; на посольство совершено нападение; нас бомбят; документы уничтожены.

Эти сигналы не предусматривались программой связи и были рождены боевой обстановкой. Когда первая бомба, направленная с самолета, разорвалась вблизи советского посольства, радист Семенов, стремясь оперативнее передать информацию в Центр, воспользовался несколькими типовыми фразами любительского радио-жаргона: обстановка очень плохая, здесь бомбят.

Да, применение радиожаргона противоречит правилам радиообмена, но в истории радиосвязи известны примеры, когда в экстренных случаях, особенно в войну, приходилось прибегать и к таким приемам.

Чилийская хунта делала все возможное, чтобы оставить посольство без связи с Москвой, Судя по всему, она была даже уверена, что смогла этого добиться. Но Пиночет просчитался. Не помогли ни цепи автоматчиков, ни отключение электроэнергии, телефонов, телеграфа, ни дежурство радиопеленгаторов.

Такова правда о противостоянии чилийской хунты и радистов советской военной разведки. Горько, что к двадцатипятилетию переворота в Сантьяго у них никто не взял интервью, в отличие от Пиночета.

А к диктатору обращались даже с такими пафосными заявлениями:

— Генерал, — сказал один из наших журналистов, — вы должны помочь России. Только вы можете спасти мою родину от бесплодной дискуссии — нужен ли моей стране российский Пиночет?

Вот уж воистину, только Пиночета нам не хватает.

У аппарата команданте революции

24 февраля 1976 года. Москва. Кремлевский Дворец съездов. Открытие XXV съезда КПСС. Секретарь ЦК Михаил Суслов под гром аплодисментов приветствует гостей партийного форума:

— Товарищи! Мы горячо приветствуем присутствующие здесь делегации партий братских социалистических стран: Болгарской коммунистической партии... Венгерской социалистической... Партии трудящихся Вьетнама... Социалистической единой партии Германии... Трудовой партии Кореи... — Суслов подслеповато вглядывается в текст. — ...Коммунистической партии Кубы во главе с товарищем Фиделем Кастро Рус.

Звучат аплодисменты. Все видят в президиуме съезда кубинского бородача в военной форме с погонами команданте

революции.

Два дня назад, прибыв в Москву, Фидель Кастро обратился с просьбой организовать ему связь с Гаваной и со столицей Республики Ангола Луандой. В столице Анголы находился штаб командования кубинскими добровольцами, воевавшими на стороне правительственных войск с отрядами оппозиции. Оппозицию поддерживали расистские власти ЮАР.

282

Для организации взаимодействия между Генеральным штабом вооруженных сил в Гаване и руководством кубинских воинских формирований в Луанде, а также для обеспечения их управления требовался надежный канал связи. Разумеется, речь шла о закрытой, сверхсекретной шифросвязи.

Задача создания такого радиомоста была поставлена одновременно перед Главным разведуправлением и начальником связи Вооруженных Сил.

Надо сказать, Фидель Кастро подбросил непростую задачку нашим связистам. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять: все три точки, которые предстояло увязать в единую линию связи, находились на разных континентах, в разных концах планеты. Москва — в Европе, Луанда — в южной части Африки, а Гавана — на американском континенте.

В архиве ГРУ, в отчете о проведении операции по организации связи на трассах Москва-Луанда, Москва-Гавана, сказано:

«Начальник Главного разведывательного управления эту задачу поставил перед службой спецрадиосвязи и поручил уточнить детали в резиденции Фиделя Кастро в кубинском посольстве в Москве. Непосредственную связь с кубинскими товарищами поддерживал начальник 1-го отдела полковник Евгений Иванович Пронов».

На эту роль разведчик-радист Пронов был избран не случайно. Он лучше других в службе спецрадиосвязи знал техническое состояние и оснащение кубинцев, их аппаратуру, уровень подготовки. Пятнадцать лет назад, в 1961 году, за три дня до высадки наемников на Плайя-Хирон Евгений Пронов прибыл на Кубу. Как раз в тот день сгорел крупнейший универсальный магазин «Эль Энканто» в центре Гаваны, а следующим утром американские бомбардировщики бомбили столицу острова.

16 апреля Фидель Кастро выступил на похоронах жертв бомбардировки, а на рассвете 17-го бригада наемников вступила на кубинский берег.

283

Такова была фронтовая обстановка, в условиях которой советскому разведчику-радисту Пронову предстояло легализоваться и начать работу.

Ко времени прибытия Пронова на Кубу там, в советском посольстве, уже действовала радиостанция агентурной связи. На ней работали операторы двух разведок — Первого главного управления КГБ и Главного разведуправления Генерального штаба Вооруженных Сил. Однако радиообстановка на трассе Москва-Гавана не была достаточно изучена. Связь с Кубой поддерживалась через ретранслятор в Конакри (республика Гвинея). Следовало определить оптимальную зону развертывания будущего радиоузла на территории СССР для связи с Гаваной.

Началось зондирование радиообстановки. Результаты наблюдения, графики загрузки частот пересылались в Москву. Центр внимательно анализировал материалы Евгения Пронова.

В свою очередь, разведчик-радист проводил постоянное прослушивание односторонних передач с территории Советского Союза. Так оказалось, что сигналы с юго-запада из города Николаева проходили лучше, чем с Дальнего Востока. По итогам исследований, в этой зоне, в районе города Ровно и был развернут узел спецрадиосвязи.

Как явствует из доклада Пронова в Центр, к середине 1962 года радиосвязь на агентурной станции «Иркут» была отработана и могла использоваться в качестве резервной к радиостанции «Тростник». Таким образом, накануне Карибского кризиса Главное разведуправление имело две надежных линии связи Гаваны с Москвой. Пронов пробыл на Кубе четыре года, как говорят разведчики, «влез в обстановку», завел связи. Именно поэтому о нем и вспомнили в 1976 году.

«Когда стало ясно, что надо контактировать непосредственно с окружением Фиделя Кастро, — вспоминает Евгений Иванович, — то оказалось, очень пригодился опыт, обретенный во время кубинской командировки.

Многое решалось просто на человеческом уровне. Ведь когда меня доставили в резиденцию кубинского

посла, я встретил там своих бывших сослуживцев. Это значительно облегчило взаимопонимание и дальнейшую работу.

Мне тут же представили шифровальщика, он выдал все необходимые данные. Однако здесь оказались свои немалые трудности».

Но дело было не только в значительных расстояниях между точками огромного по расстоянию треугольника. Сложность решения задачи упиралась в чисто технические проблемы.

Кубинцы в резиденции посла, где находился Кастро в период пребывания на съезде, пользовались шифровальной машиной «М-125». Машина как машина, на ней вполне можно было работать, но случилось неувязочка — шаг перфорации «М-125» не совпадал с шагом телеграфных аппаратов, используемых нами на этих радиотрассах.

К тому же советская радиостанция в Луанде была оснащена маломощной передающей аппаратурой «Висла-М». Это означало, что никто не мог поручиться за качество проходимой информации.

Возникли и еще некоторые непредвиденные проблемы. Вот как о них вспоминает один из участников того уникального эксперимента:

«В этом деле был ряд особенностей. В алфавите испанского языка есть буквы, которые не соответствуют ни нашему русскому алфавиту, ни латинскому. Они сильно отличаются. Ну, например, сдвоенные буквы «эль», или смягченная «эн», или «ин». А они очень важны, так как участвуют в основном, активном алфавите. Что предпринять, что придумать?»

Хотя, признаться, времени на большие раздумья не было.

Разведчикам-радистам ГРУ в Луанде и Гаване отдан приказ: на месте, в общевойсковых радиостанциях, поставляемых Советским Союзом кубинцам и ангольцам, найти телеграфные аппараты, соответствующие машинам «М-125».

В течение двух суток подготовлено и отправлено в Луанду три тысячи килограммов необходимого техни-

ческого имущества. В этой «посылке» находился и более мощный радиопередатчик с телеграфной аппаратурой, а также дизельные электростанции. Ведь в ходе боевых действий в Анголе часто нарушались линии электропередачи. Теперь радисты имели свои автономные источники электропитания.

Что же касается языковых несовпадений, то наши специалисты военной разведки создали и ввели в обиход так называемые «знаки-переводчики».

В тот день, когда встреченный аплодисментами делегатов Фидель Кастро Рус поднялся на трибуну партийного съезда и сказал, что «солнце не заслонишь ладонью», а «подлинную историю пишут не реакционеры, клеветники, интриганы и предатели...», связь на трассах Москва-Гавана, Москва-Луанда действовала безотказно.

Прав был Фидель, историю пишут не клеветники и предатели, а честные, преданные Родине и своему делу люди. Как эти скромные сотрудники службы спецрадиосвязи военной

разведки, которые за несколько дней выполнили задачу государственной важности. Их имена неизвестны. Вернее, были неизвестны и, как мне кажется, несправедливо преданы долгому забвению.

Назовем их. Это Е.Пронов, П.Веретенкин, П.Гаврилов, Л.Фадеев, А.Антипов. А также работники ГРУ в Гаване В.Хлебников и в Луанде — Г.Божко, С.Брызгалов.

Остается лишь добавить, что за две недели работы XXV съезда КПСС было принято и передано из Москвы в Луанду и Гавану и обратно 305 шифротелеграмм.

Радиомост работал безотказно.

Содержание

Вместо предисловия.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Провал «европейского переворота».....11

Короткие волны для агентуры.....20

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«Операция „Икс"».....

Обкатать в боевых условиях.....37

«Фриц» вызывает «Висбаден».....45

Великий радиокудесник.....

«Экспедиция Z ».....
66

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Немые » резидентуры.....
5

Роковая ошибка «Хемница».....94

В эфире «Соня».....

Техническое чудо Бориса Михалина.....111

Сведения о противнике противоречивые.....120

К нам приехал Гарри Гопкинс.....127
Тысячи тайных «сверчков».....134
Тегеран-43: было ли покушение на «Большую тройку»?.....142
Так трудно, что и передать невозможно.....152
Центр благодарит за работу.....163
Нам судьба — судья.....173
«Черная нора» для русского «лиса».....187
У разведки... женское лицо.....197
Лебединая верность.....199
Резидент Хелене.....205
Удачная сделка «Арапа».....213
«Горячая линия» с генералом Ямадой.....219
Сила и слабость разведки.....228
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Приказ: арестовать Карла Деница.....234
С рацией по странам и континентам.....241
И после войны... на войне.....247
Охота за «Красной „Стрелой"».....254
Неизвестные герои Карибского кризиса.....259
Мы уходили последними.....270
Пиночет против ГРУ.....274
У аппарата команданте революции.....282

Михаил Болтунов
Ахиллесова пята разведки

Ответственный за выпуск *О. Прудков*
Редактор *В. Чернявский*
Корректор *Б. Тумян*
Компьютерная вёрстка *Ю. Синицын*
Лицензия ЛР № 066682 от 16 июня 1999 г.
ООО «Гея итэрум» 127434, Москва, ул. Немчинова, 10
Книга издана при техническом содействии ООО «Фирма "Издательство АСТ "».
Подписано в печать 01.11.99.
Формат 84x108 *1 / 32* . Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 902.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Рыбинский Дом печати» 152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ЖИЗНИ
МИХАИЛ БОЛТУНОВ

Полковник Болтунов Михаил Ефимович родился в 1952 году на Смоленщине.

После окончания средней школы работал слесарем, сотрудником районной газеты, служил солдатом.

Окончил факультет военной журналистики. Затем — редакции армейских газет и журналов.

Член Союза российских писателей.

Автор ряда интересных книг: «Альфа» не хотела убивать», «Армия на голгофе». «Власть и спецназ».

«Террор на пороге вашего дома» и других, хорошо известных широкому читателю.

За достижения в области литературы удостоен медали К. Симонова.

Новая книга Михаила Болтунова раскрывает закрытую до последнего времени тему —деятельность службы агентурной радиоразведки Главного разведывательного управления Генштаба.